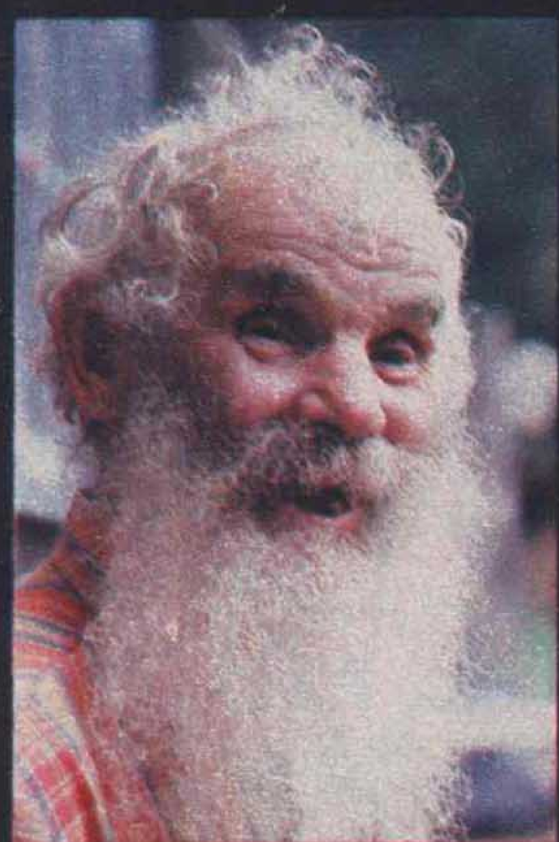
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 43 ОКТЯБРЬ 1986

МОСТЫ НАД КАТУНЬЮ

ХАЗАНОВ О РАЙКИНЕ

ХИМИЯ У НАС ДОМА

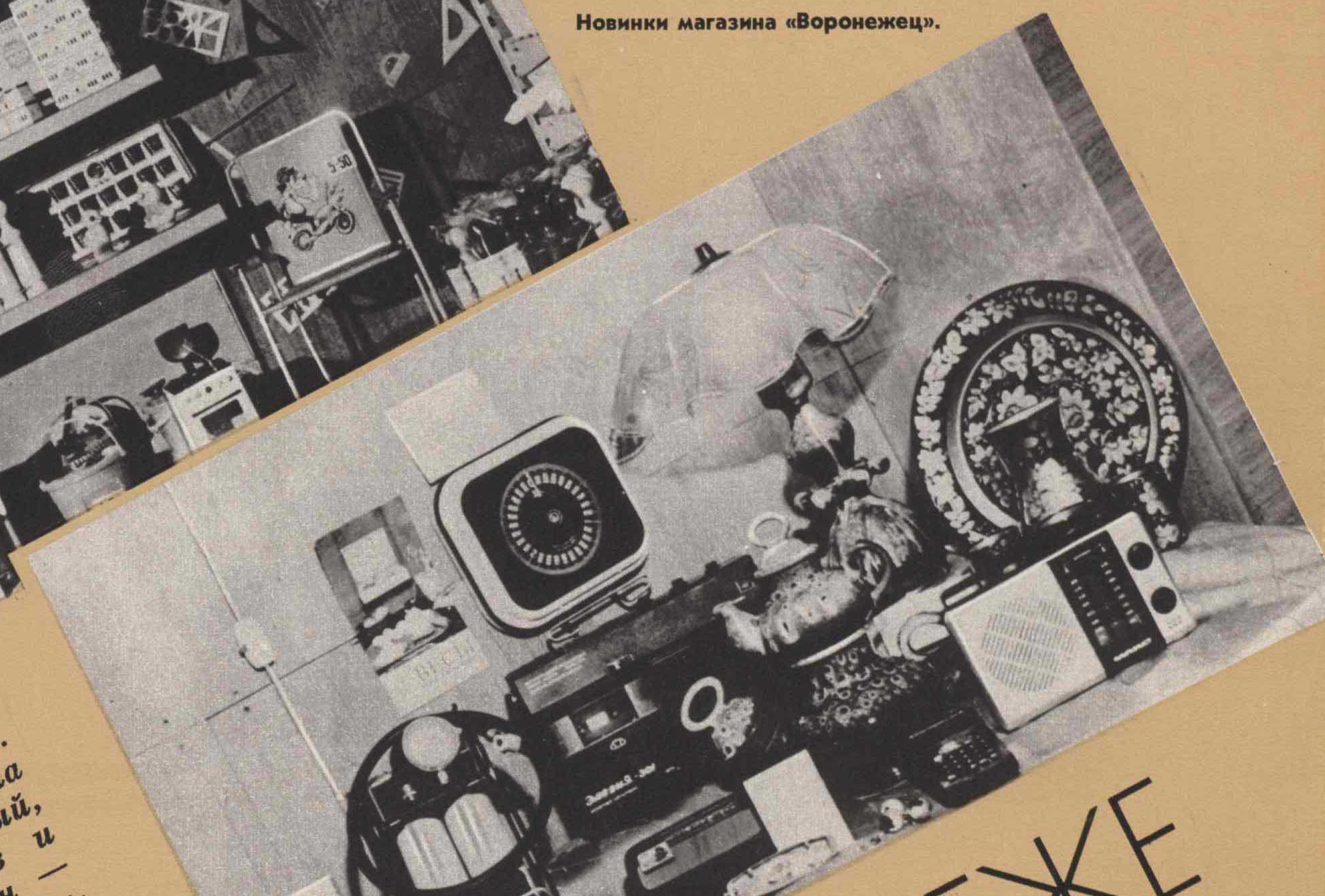

ЧТО СЛОМАЛ БРЕЙК?

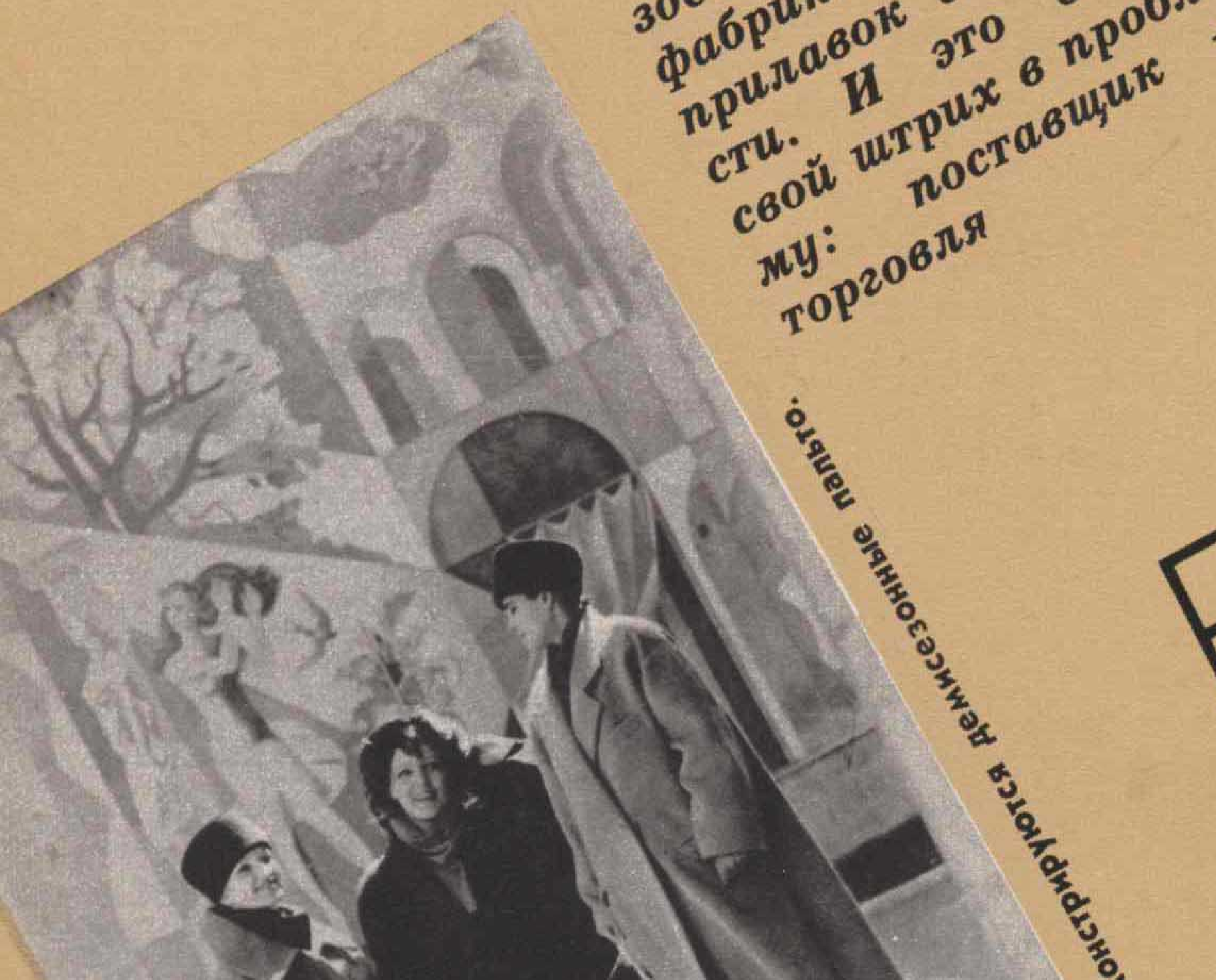
Новинки магазина «Воронежец».

Магазин как магазин и в то же время не такой, как все. Чем? Весь товар на прилавках местный, здешних заводов и фабрик. Магазин — прилавок всей области. И это вносит свой штрих в проблему: поставщик — торговля

ЕСТЬ В ВОРОНЕЖЕ «ВОРОНЕЖЕЦ»

В. КОЛОДНЫЙ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

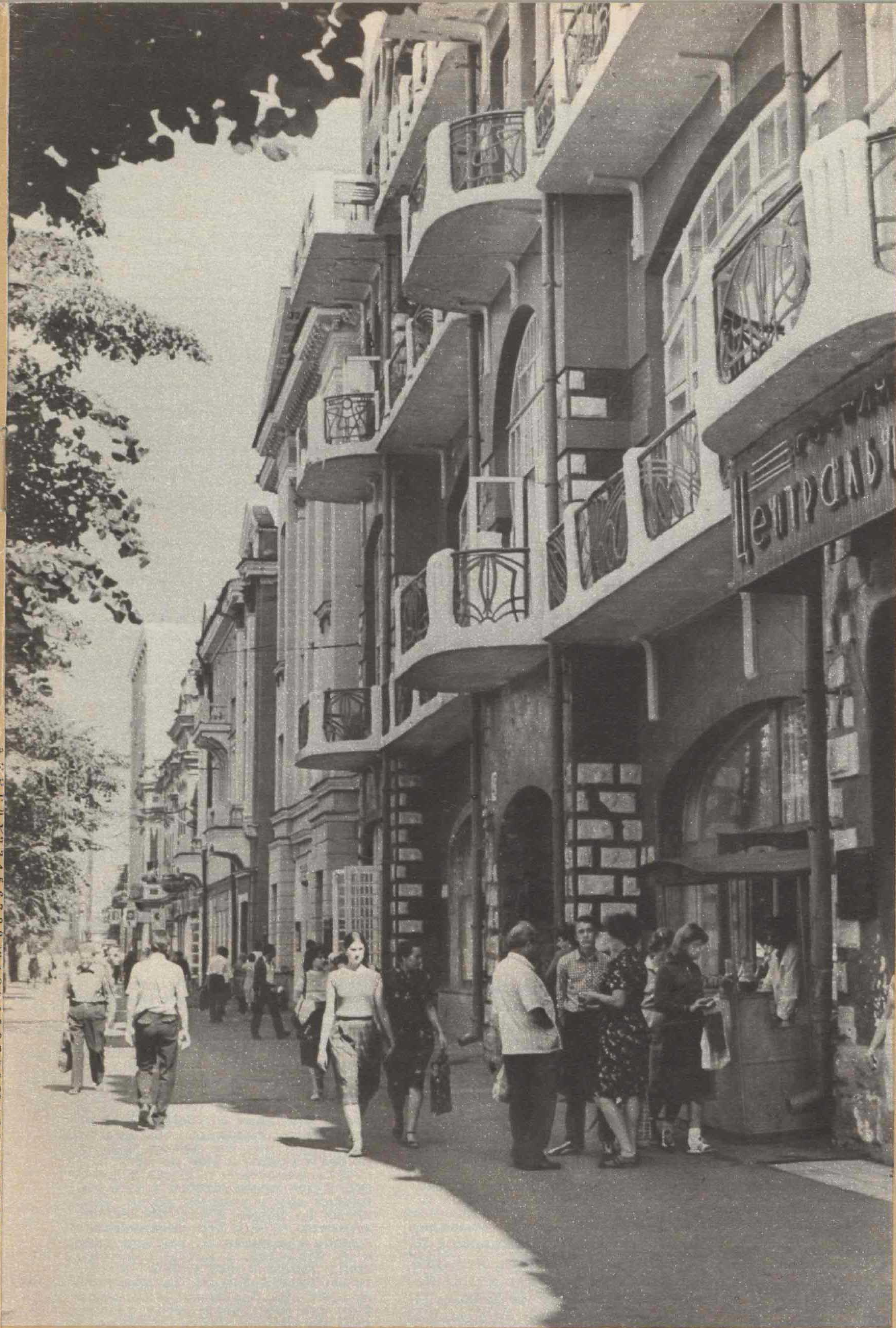
Демонстрируются демисезонные пальто.

За прилавком — представитель промышленности Г. Геращенко.

В одном из цехов завода фаянсовых изделий. Художница Г. Хрипунова за работой.

На проспекте Революции

Выпуском товаров в Воронежской области занято более четырехсот предприятий. Полторы тысячи наименований; с учетом видов и разновидностей — более трех тысяч. Разобраться, не так уж и много. Но ведь это все свое, воронежское. К тому же цифры не застывшие, не раз и навсегда определенные. За годы пятилетки освоено более 680 разных товаров — таких, которых ранее тут не делали.

Стало быть, магазин воронежской промышленности отражает отношение

См. стр. 8.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (3092)

25 ОКТЯБРЯ — 1 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора),
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора),
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.10.86. Подписано к печати 21.10.86. А 00749. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2686. Заказ № 3714.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

С чувством глубокой благодарности за интернациональную помощь афганский народ провожает на Родину советские воинские части. Они возвращаются в СССР в соответствии с решением советского руководства, о котором было объявлено Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в июле 1986 года в речи во Владивостоке.

На снимках: советские танкисты перед возвращением на Родину; тепло прощаются (слева направо) командир танкового полка гвардии подполковник Ю. Пузырев, подполковник ДРА Лаур Сифи и гвардии подполковник В. Рудюк.

Телефото Г. Надеждина (ТАСС)

цветы на броне

Б. СОПЕЛЬНЯК, специальный корреспондент «Огонька»

В мае сорок пятого этот гвардейский танковый полк освобождал Прагу, на его знамени два ордена, да и за семь лет пребывания в Афганистане боевой опыт накоплен немалый. А сейчас личный состав полка вместе со своей грозной техникой построился на огромном, выжженном поле на окраине городка Шинданд. Полк готовится к возвращению на Родину...

До чего же прекрасны эти прокаленные беспощадным солнцем мужские лица! Вот знаменосец полка майор В. Колесник. Сколько за его спиной труднейших рейдов, сколько боев, сколько мин подстерегало его на дорогах, сколько душманских гранатометчиков било по его танку из засад! Майор А. Шестак держит памятное знамя ЦК НДПА, Революционного совета и Совета Министров ДРА. Когда я спросил о его должности, Александр Иванович коротко бросил:

— Я разведчик.

Разведчик... Этим сказано все.

А вот юный москвич Миша Ткачков — отважный санинструктор. До призыва в армию он учился в радиомеханическом техникуме, и если бы ему сказали, что будет иметь дело с кровью, Миша ни за что бы не поверил. Но санинструктор из Миши получился отменный: он не раз оказывал помощь под огнем, выносил друзей из-под обстрела. Меньше всего думал, что и сам может быть ранен, а то и убит. На груди у Миши афганская медаль «За отвагу» — так правительство Афганистана оценило его ратный труд. Когда Генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб вручал медаль и спросил, чем он думает заниматься после демобилизации, Миша не задумываясь ответил:

— Буду учиться. Хочу стать хорошим врачом.

На митинг, посвященный возвращению на Родину советских танкистов, собралось чуть ли не полгорода, приехали и жители близлежащих кишлаков. Прозвучал сигнал трубы «Слушайте все!», и строй замер по стойке «смирно». Посол Советского Союза в ДРА П. П. Можаев огласил приветствие ЦК КПСС воинам-интернационалистам, возвращающимся из Демократической Республики Афганистан.

В ответном слове командир полка гвардии подполковник Ю. Пузырев заверил, что танкисты и впредь будут верны ленинским принципам интернационализма, и если угроза интервенции сохранится, они готовы по первому зову вновь прийти на помощь афганскому народу.

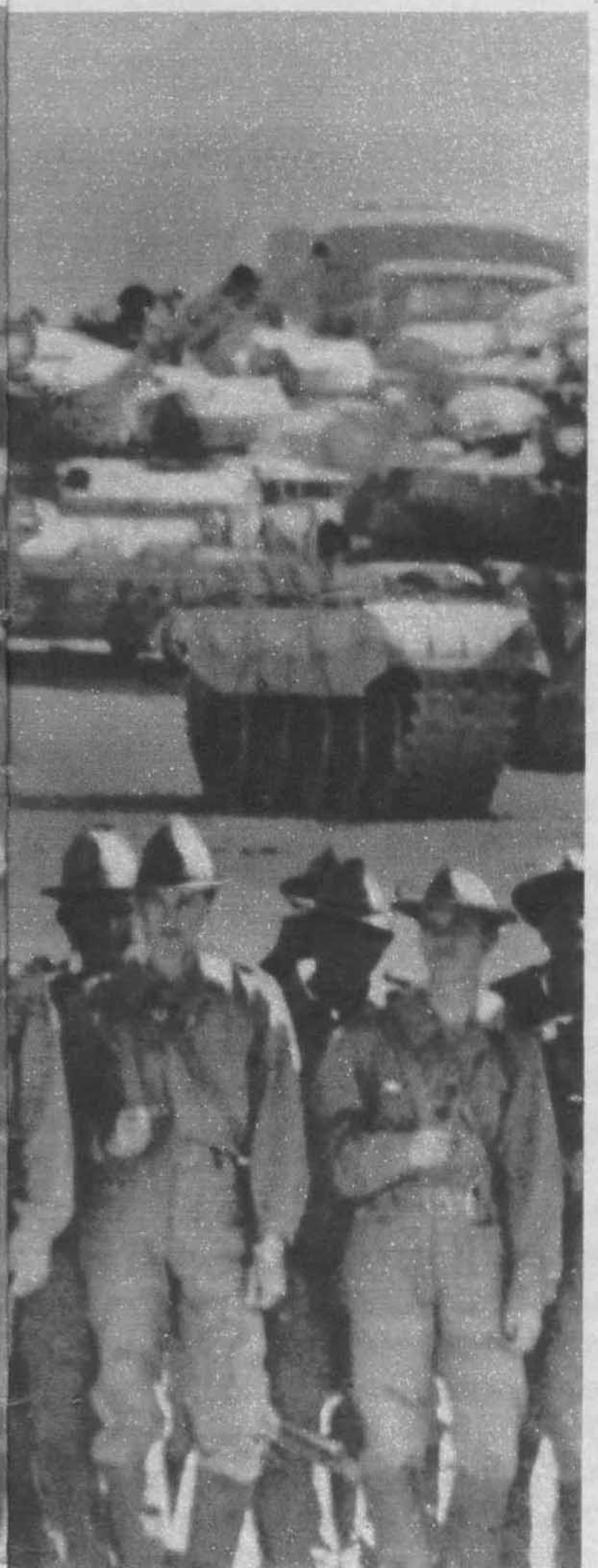
Выступающие сменяли друг друга, а я никак не мог отделаться от воспоминаний, которые навеяли слова одного механика-водителя, в прошлом шофера. Он рассказал о том, как сопровождал абсолютно беззащитные автоколонны, как до этого душманы подрывали, а потом сжигали бензовозы, при этом они снимали горящие машины на кинопленку, дабы показать своим заокеанским хозяевам, что те не зря тратят сотни миллионов долларов на поддержку контрреволюции. А вспоминал я рассказ Хаятуллы Вазир-гуля. Ему всего сорок пять лет, а выглядит на все семьдесят. При автомобилях он с одиннадцати лет, сперва был помощником водителя, а потом и сам сел за руль. Хаятулла работает в афгано-советском транспортном объединении АФСОТР.

— У нас работает 2400 человек, — рассказывал Хаятулла, — есть среди них и водители, и ремонтники, и станочники. Многие приобрели эти профессии после Апрельской революции. Например, мой сосед Аманулла раньше работал с кетменем, а теперь — отличный шлифовщик. И грамоте мы здесь научились: раньше не могли прочесть накладную на груз, а теперь я свободно читаю газеты. У меня пять сыновей и четыре дочери, все ходят в школу, так что у них детство совсем не такое, как у меня. Только ими я живу. Если бы не они... Душманы несколько раз останавливали мой МАЗ, заставляли снимать груз, а самого брали в плен. Меня били, пытали, не раз водили на расстрел, но я чудом спасался и убегал. Нельзя, дети ждут. Казалось бы, хватит, ведь знаю же, что трасса опасна, но без машины я уже не могу: подлечусь малость — и снова в дорогу... В пригороде Кабула у меня неплохой дом и участок земли. Одно время по ночам к нам повадились душманы. Тогда мы организовали группу самозащиты. Так что днем я за баранкой, а ночью с автоматом... Завтра снова в рейс. Каким-то он будет?! Видели во дворе памятник? Он поставлен нам, шоферам: сто шестьдесят моих товарищей погибло и двести ранено.

Сейчас Хаятулла наверняка в рейсе. Не миновать ему и перевал Саланг, путь через который в Афганистане называют Дорогой жизни. Сколько раз душманы пытались перерезать эту дорогу, сколько здесь было засад, сколько поставлено мин, сколько принесено жертв, но дорога действует и будет действовать, пока за рулем Хаятулла и его мужественные друзья.

Охрана этой и других дорог — одна из главных задач советских воинов и солдат Афганской народной армии. Во время пресс-конференции, посвященной выводу шести советских полков из ДРА, многие журналисты спрашивали, не преждевременна ли эта акция, справятся ли вооруженные силы Афганистана с возложенными на них задачами. Первый заместитель министра обороны ДРА Азими ответил однозначно:

— Справимся! Подтверждение тому крупные операции, проведенные в провинциях Герат, Кабул, Пактия и округе Хост. Принципиально важно то, что эти операции носили наступательный характер.

Кроме того, мы ведем большую разъяснительную работу: совсем недавно в районе Кабула на сторону народной власти перешла банда в количестве пятисот человек...

— Шесть полков — большая сила,— заметил представитель Министерства обороны СССР генерал-лейтенант М. М. Соцков.— Но определенная часть ограниченного контингента советских войск пока остается в Афганистане. Мы так перераспределили задачи между остающимися частями, чтобы они смогли действовать так же эффективно. Что касается полного возвращения советских войск из Афганистана, то оно возможно лишь при условии прекращения и невозобновления внешней агрессии против ДРА.

Казалось бы, мирные намерения Советского Союза и ДРА яснее ясного, однако противная сторона не думает идти на свертывание агрессии, более того, масштабы вмешательства продолжают возрастать.

На митинге, посвященном возвращению на Родину советских танкистов, Генеральный секретарь ЦК НДПА товарищ Наджиб сказал:

— Сегодня весь благодарный афганский народ провожает вас. Из уст в уста, как легенды, от отца к сыну, от деда к внуку будут передаваться рассказы о ваших славных подвигах...

Зарокотала дробь барабана, раздалась команда «По машинам!», и через минуту на поле не осталось ни души — все были в своих боевых машинах. Взревели двигатели, и колонна двинулась мимо трибуны. Лавиной катились танки, за ними — самоходные орудия, здесь же походные радиостанции, бензовозы, санитарные машины, полевые кухни, словом, уходил полк в полном составе. И — удивительно! — Чад, пыль, жара, а на каждом танке краснеют цветы — это афганские девушки, выскакивая на дорогу, охапками бросают цветы на броню.

Прошла последняя машина, отдалился рев двигателей, опало облако пыли, и как будто ничего не было: перед нами чистое поле.

А потом произошло событие, заставившее почувствовать, что мы не на учениях, а в стране, где идет жестокая война. От Шинданда до Кабула два часа лета, но так случилось, что из-за плохой погоды Кабул не принимал. Устроители поездки предусмотрели и такой вариант: чтобы журналистская ватага из полусотни стран не слонялась без дела, нас пригласили в клуб и показали все серии «Ну, погоди!». Посмеялись мы от души, а через два часа расселись по самолетам. Наша группа, состоящая из советских, польских, чехословацких, австрийских и испанских журналистов, вылетала последним, пятым самолетом. Взлетели, как и положено, штопором ввинчиваясь в небо. Набирать высоту по прямой нельзя, так как в горах засели душманы и можно попасть под ракетный или пулеметный огонь.

Когда самолет поднялся на семь тысяч метров и взял курс на Кабул, я попросил разрешения пройти в кабину, чтобы поговорить с экипажем. Командиром оказался очень симпатичный и разговорчивый капитан Г. Шестаков, в правом кресле второго пилота сидел совсем молодой лейтенант С. Волков. Я пристроился между ними, достал блокнот — и потекла у нас спокойная беседа под ровный рокот моторов. Но чем дальше удалялись от Шинданда и чем быстрее темнело, тем больше я ощущал в кабине нарастание неясной для меня тревоги. Наконец, не выдержал и спросил:

— В чем дело? Что-нибудь с моторами? Или с шасси?

— С этим полный порядок,— ответил командир.— Темнеет быстро, вот в чем закавыка. Засветло до Кабула не дотянем.

— Ну и что? Разве вы не умеете сажать самолет ночью?

— Мы-то умеем,— переглянувшись со штурманом, заметил командир.— Главное, чтобы нам позволили это сделать.

— Кто?

— Душманы... Вы что, первый раз летите над Афганистаном?

— Да.

— Ну, тогда ваша беззаботность простительна... Беда в том, что сейчас у душманов появились переносные ракеты. Мы летим на высоте семь тысяч метров, а «духи» сидят на вершине трех-четырехкилометровых гор. Короче говоря, достать нас проще простого. Днем-то они не высовываются, а вот ночью наглеют. Но ночь, как назло, лунная!

— А вот сверкнул какой-то огонек. И еще... Что это?

— Они. Поджидают! — сквозь сжатые зубы бросил командир и резко изменил курс.

Дальше полет проходил спокойно. Но когда до Кабула оставалось совсем немного, каких-нибудь десять минут лета, и мы потихоньку начали снижаться, на одной из вершин не сверкнул, а полыхнул сноп огня.

— Вижу пуск ракеты! — доложил бортмеханик.— Идет в первый двигатель.

— Понял. Отстрелять ловушки!

И тут же от нашего левого борта полетели ярко-огненные шары. Дело в том, что ракеты наводятся по тепловому принципу, то есть на самое горячее место самолета — на двигатель. А ложные ловушки тепла излучают гораздо больше, чем моторы, и уводят ракеты за собой. Так случилось и на этот раз. Вовремя, очень вовремя бортмеханик заметил пуск ракеты...

* * *

Через два дня мы узнали, что наши танкисты благополучно пересекли границу. Правда, по дороге были засады, были нападения из-за угла, но каждый раз орудия открывали такой сильный огонь, что буквально сметали все препятствия...

А путь зенитного полка лежал через столицу республики — Кабул. Весь город вышел в этот солнечный день на улицу. Все празднично одеты, дома в цветах, на стенах и балконах яркие ковры. Дети поют, девушки подбегают к боевым машинам и дарят венки и букеты солдатам, старики степенно машут узловатыми руками, всюду оркестры, гремит музыка, звучат песни, снуют юркие торговцы фруктами. Словом, в городе грандиозный праздник!

Колонна боевых машин пробиралась по живому коридору. И вдруг я наткнулся не на светящиеся улыбками карие и черные глаза, а на необычайно грустную голубизну. Встряхнулся! Что это? На тротуарах, на заборе и даже на крыше молодые парни в синих пижамах, рядом — девушки в белых халатах. Оказывается, мы едем мимо госпиталя. Наши солдаты с забинтованными руками, ногами, а то и на костылях вышли проводить боевых товарищей. Они честно делали свое дело, но душманские пули достали их. Парни бодрятся, машут руками, улыбаются, желают счастливого пути, передают приветы, но глаза... Ничего, эти ребята тоже вернутся домой, только чуть позже. Но именно их горячей и честной кровью скреплена вечная дружба афганского и советского народов. Это не мои слова. Это сказал Наджиб. И не случайно среди сотен лозунгов и плакатов на улицах города мне больше всего запомнились: «Мы встретились друзьями, а расстаемся братьями».

Кабул.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Г. К. Орджоникидзе на совещании с женами командиров РККА. 1936 год.

О ГРИГОРИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ ОРДЖОНИКИДЗЕ ВСПОМИНАЮТ ЕЛЕНА И ЛЮЦИЯ ДЖАПАРИДЗЕ, ДОЧЕРИ БАКИНСКОГО КОМИССАРА П. А. (АЛЕШИ) ДЖАПАРИДЗЕ.

Был тот час предвечерья, когда фонари, будто шары, наполненные молоком, еще не дают света, но и небо уже в сероватой жемчужности... В громадном сером здании, будто в замке на острове, омываемом Москвой-рекой и Водоотводным каналом, тоже еще не зажигали огни. Здесь сумерничали. Сидели за большим, резного дерева столом, помешивали ложечками чай в стаканах, вспоминали... Вспоминали о Серго Орджоникидзе... Елене и Люции Джапаридзе выпало счастье очень близко знать Григория Константиновича. Они называли его как друга семьи, просто и коротко, как звали его товарищи по борьбе,— Серго. Им довелось много раз видеться с ним, главным образом — в домашней обстановке, в кругу его семьи или друзей. Серго считал своим долгом заботиться о дочерях своего соратника по революционным битвам и своего большого друга...

ДИАЛОГ О СЕРГО

Елена Алексеевна. Ты помнишь, Люция, когда мы с тобой впервые увидели Серго?

Люция Алексеевна. Это было летом, в августе 1919 года. Мы уже были достаточно большими, мне — двенадцать, тебе — одиннадцать. Жили мы в 1-м доме Советов, так называлась тогда гостиница «Националь». Мама была очень больна. Трагическая гибель отца, многомесячное скитание по тюрьмам: она ведь была в числе тех самых «тридцати пяти», арестованных на корабле «Туркмен», который вместо Астрахани пришел в Красноводск. Потом тяжелая дорога в Москву...

Е. А. Это была необыкновенная дорога, не то что сейчас — сел в поезд и поехал. И помогал добираться маме в Москву сам Серго. В апреле 1919 года ему, чрезвычайному комиссару на Юге страны, надо было срочно выехать в Москву для доклада правительству о положении дел на Северном Кавказе. Для этого надо было в условиях строжайшей конспирации пробраться в Тифлис и Баку, а оттуда по Каспию в советскую Астрахань и тогда уже в Москву. Мама в то время находилась в Тифлисе и тоже стремилась в Астрахань, ведь туда вывезли нас. В Тифлисе, на квартире Камо, и произошла ее первая после злодейской расправы над бакинскими комиссарами встреча с Серго. Она писала об этом в своей биографии, которая хранится в музее, в Баку. Серго предложил маме пробираться в Астрахань вместе. Бакинский комитет снарядил рыбачью парусную лодку. Тринадцать суток бороздила она воды Каспия. Зинаида Гавриловна Орджоникидзе, которую мы звали просто Зиной, потом написала в своих воспоминаниях: «С нами была Варо». То есть наша мама, Варвара Джапаридзе.

Л. А. Но в Астрахани нас уже не было. Сергей Миронович Киров сказал маме, что нас вывезли в Москву. И когда наконец она нашла нас, силы покинули ее. Мама попросила товарищей сообщить Серго, что она тяжело больна. Как сейчас помню, открывается дверь — и на пороге двое в остроконечных шлемах. Серго и Сталин. Нас с тобой тут же выдворили в коридор. На этом наше с ними «знакомство» и закончилось. На другой день пришли врачи, маму лечили. Она стала поправляться. До самого отъезда в Баку, на захоронение бакинских комиссаров, работала в Главполитпросвете, возглавляемом Надеждой Константиновной Крупской.

Е. А. Серго был назначен председателем комиссии по похоронам, но приехать не смог, так как проходил в это время первый

съезд народов Востока. Серго направил в Баку телеграмму, в том числе и маме, Шаумянам, Фиолетовой, Колесниковой, Азизбековой.

Л. А. Потом мы переехали в Тифлис. Мама работала там в Азербайджанской миссии, которую возглавлял Киров. Наступала Красная Армия. 25 февраля Серго радостно телеграфировал в Москву: «Над Тифлисом реет Красное знамя Советской власти». Орджоникидзе стали жить неподалеку от нас. Отношения между нашими семьями установились самые добрые. Можно было запросто позвонить Зинаиде Гавриловне и сказать: «Сегодня я приду к вам, вы будете дома?» И, в свою очередь, как было принято у нас еще при отце, к нам домой приходили товарищи после работы, и их всегда ждал радушный прием.

Е. А. Серго и дальше проявлял заботу о нас, интересовался нашей учебой, беседовал с нами, и мы знали, что всегда можем прийти к нему, поделиться своими мыслями.

Л. А. Он и воспитывал нас, да еще как! Был такой, например, эпизод. Серго и Зинаида Гавриловна должны были поехать в Манглис. Есть такое местечко под Тифлисом. Не знаю, почему, но и мне захотелось прокатиться с ними. Получив разрешение, плюхнулась на свободное место на диване сзади. Машина была большая. В это время подошел пожилой человек, который должен был ехать с Серго, и сел на откидное место. Серго ничего не сказал, только бросил сердитый взгляд в мою сторону. Машина тронулась, и мы поехали. Но там, в Манглисе, Серго строго спросил: «Ты почему не уступила место старому человеку да еще с больной ногой?» Я готова была провалиться сквозь землю. Запомнился мне этот урок.

Е. А. Что-то смотрю, тебе, Люция, попадало...

Л. А. Однако же не кто иной, как Серго, дал мне рекомендацию в комсомол, а позже и в члены партии. Помнишь, мы все почти в один год стали учиться в Москве? Мама на курсах марксизма, ты на рабфаке, а я в МГУ. И наступил 1924 год... Январь...

Е. А. Да, да... Я помню события этого месяца так отчетливо, как будто это было все вчера. В середине января на XIII конференцию РКП(б) приехал из Тифлиса Серго. Он был тогда первым секретарем Заккрайкома партии. Остановился с Зинаидой Гавриловной у нас на Воздвиженке, в доме, известном теперь как приемная М. И. Калинина. В нем, кроме приемной председателя ВЦИКа, находились квартиры партийных и советских работников. На всю жизнь врезался в память тот январь, 21-е число, когда из Горок пришла страшная весть. Каждый воспринял ее как личное горе. Серго безгранично любил Владимира Ильича Ленина. Он, казалось, почернел от печали. Куда девалось обычно бодрое, приподнятое его настроение. Приходил домой он очень поздно, участвовал в работе экстренного Пленума ЦК РКП(б), но все мы засиживались до трех-четырех часов утра.

Один раз пришел, помню, возмущенный и говорил маме в сердцах: «Понимаешь, Варо, он запрашивает, необходим ли его приезд?! Как может человек спрашивать об этом? Да и возможен ли отдых настоящему партийцу в такое время? Неужели у него самого даже нет желания быть здесь, в Москве, возле Ленина вместе с товарищами? Нет, еще раз нет — не партиец он, ничего большевистского в нем нет!» Речь шла о Троцком, который в то время был на отдыхе. Узнав о смерти Владимира Ильича, он не выехал незамедлительно в Москву, а прислал лишь запрос. Во время похорон его не было.

Л. А. А помнишь, какие на улицах были очереди к Ленину? Страшенный стоял мороз, жгли костры. Мы тоже стояли в этой бесконечной очереди в Колонный зал. Закоченевшие, синие от холода, прибегали домой погреться. Такими и увидел нас Серго, спросил, где мы были так поздно. У мамы был постоянный пропуск, она стояла в почетном карауле, теперь пропуск хранится в музее, в Баку.

Е. А. Благодаря Серго мы были на траурном заседании, посвященном памяти Владимира Ильича.

Л. А. Я стояла возле Ольминского и плакала, когда выступала Надежда Константиновна. Не мог сдержать слез и этот закаленный в боях большевик, организатор Истпарта.

Е. А. 27 января, сразу же после похорон, Серго и Зина пришли домой вместе с товарищами — М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошиловым, Д. З. Мануильским... Телефона у нас дома не было, но надо было дать знать, где они находятся, и Серго спросил у мамы, как быть. Мама посоветовала пойти к соседу, редактору газеты «Известия» Скворцову-Степанову.

Л. А. Народу собралось много. Как ни тесно было, но все сумели разместиться за столом. Говорили о Ленине. Серго вспомнил, как был у Ленина в шалаше в Разливе летом семнадцатого. Мануильский рассказывал, как вместе с Серго по заданию Ильича объезжали Донбасс в январе 1922 года...

Е. А. Тогда, в 1924-м, Серго задержался в Москве на несколько дней для участия в февральском Пленуме ЦК РКП(б). А потом приехал к открытию XIII съезда партии. Хотя мы были молоды, 17—18 лет, Серго считал не только возможным, но и необходимым для нас глубоко разбираться в том, что происходит в партии. Беседовал с нами, давал материалы по некоторым вопросам и даже предоставил возможность бывать на отдельных заседаниях съезда. Серго говорил: «Слушайте внимательно выступления, познавайте задачи, стоящие перед партией, и трудности, с которыми приходится сталкиваться, из первых уст». А ведь это было время, когда шли жестокие бои за ленинизм, против троцкизма. Серго счел возможным рассказать нам троим — маме, тебе и мне — о завещании Ленина, о его письмах съезду.

Л. А. А как умел Серго слушать сам! Помнится, ты рассказывала ему об учебе в своем МВТУ, а потом о работе на производстве, а я — об университете и работе в райкоме партии Ленинского района Москвы. Серго расспрашивал, что мы читаем, как идут дела в комсомоле, что думает молодежь о важнейших политических событиях. У меня, инструктора, было несколько предприятий тяжелой промышленности. Серго сказал: «Присмотрись, потом поделишься своими впечатлениями». Через какое-то время за обедом — а я очень дорожила возможностью, предложенной Зинаидой Гавриловной, запросто бывать у них дома — расхрабрилась и объявила, что разобралась и готова отвечать на вопросы. Серго даже чмокнул меня в щеку авансом, человек он эмоциональный. Я и затараторила. На «Красном пролетарии» директор такой-то, многое делает, работает так-то, секретарь парткома занимается такими вопросами... На другом заводе так-то... Запестрели у меня фамилии и факты. Но смотрю, с Серго стало твориться что-то неладное — вопросов не задает, но лицо у него краснеет. Вдруг как хлопнет рукой по столу: «Девчонка! Кому это все ты рассказываешь? Да я их лучше тебя знаю! Ты бы рассказала о передовом рабочем, о том, какая у него семья, как он живет»... В общем, устроил он мне порядочный разнос, доказал, что не с того конца я начала изучать коллектив завода. Горячим, порывистым он был человеком и в радости, и в гневе.

Е. А. Да, он не переносил полуправды и полумер. И мучительно страдал, когда обнаруживалось, что человек, которому он верил, солгал. Тогда пощады не жди. Однажды, стоя, он с кем-то долго разговаривал по телефону. За что-то очень рассердился на своего собеседника. Забыл, что в правой руке у него часы, и как хлопнет ими об пол — разлетелись вдребезги.

Л. А. А в другой раз Серго меня похвалил. Было это уже в 1936 году, когда проходил обмен партдокументов. Мне как молодому члену партии доверили «легкие» организации—фабрики. Имени Калинина, «Новая заря», имени Фрунзе... Готовился пленум райкома партии по этим вопросам. Иду со своими сомнениями к Серго. Как ни занят был нарком тяжелой промышленности, но нашел время, чтоб выслушать меня. «Вот ты об этом на пленуме и расскажи,— посоветовал Серго,— расскажи, чему научили тебя работницы-коммунистки». Я так и сделала. Мое выступление было выслушано с большим интересом.

Е. А. У меня складывалось все иначе. После окончания института я в Москве не задержалась — пошел гул о Магнитке. Попросила, чтоб меня направили на эту стройку. В качестве прораба возглавила комсомольский участок на строительстве ЦЭС — центральной электростанции комбината. И вдруг заболела. Брюшной тиф, тяжелые осложнения. Об этом узнал Серго, позвонил директору: «Я обращаюсь к тебе не как нарком, а как товарищ,— рассказывали мне потом,— посмотри за ней, помоги».

Л. А. Мама настаивала на том, чтобы тебя вывезли оттуда. Но ты же отказалась. Когда мама приезжала к тебе, ты жила еще в бараке, потом перевели тебя в гостиницу.

Е. А. Да, когда Серго приехал на Магнитку в первый раз, было это в 1933 году, я жила уже в гостинице. Серго обошел и осмотрел здесь все — цеха, поселок, даже детские сады... Был и у нас, на ЦЭС. Почти все свободные от вахты люди стояли на пути обхода. Мне было как-то неудобно вылезать вперед, и я устроилась за стеклянной дверью и смотрю, как Серго, окруженный товарищами, прошел по двору станции. Ждем его полчаса, час, но его все нет. Зная его аккуратность, все недоумевают. Потом только выяснилось, что Серго начал обход станции не с парадного подъезда, а с зольного помещения, где самые тяжелые условия труда. При разговоре с рабочими выяснилось, что на этом участке большие недоделки и применяется ручной труд. Серго тут же распорядился принять срочные меры по облегчению труда рабочих и закончить работы по золоудалению. Серго разговаривал с уборщицами станции, установил, что они получают очень низкую зарплату. Кто-то заметил, что если они хорошо убирают, то получают премию. На что Серго заметил: «Работать надо всегда хорошо, а тем более убирать»,— и дал указание увеличить им зарплату в полтора раза. Наши рабочие хотели приобрести вело-

Елена Алексеевна и Люция Алексеевна Джапаридзе.

Фото А. Награльяна

сипеды. Подготовили просьбу на имя наркома. Секретарь парткома, считая, что такими вопросами беспокоить наркома неудобно, положил заявление в карман. Но от Серго это не ускользнуло: «Покажите мне, пожалуйста, эту бумагу». Тут же прочитав письмо, сказал, что велосипеды они получат. Так и было.

Л. А. Но ты же в тот раз тоже виделась с Серго...

Е. А. Вечером позвонила Зинаида Гавриловна, приехала, посмотрела, как я живу, и увезла к вагону, в котором расположились Орджоникидзе. В их походном «доме» было много людей. Серго извинился перед всеми, пошел мне навстречу. Ласково, как дочь, потрепал по волосам: «Ты думаешь, я не видел, как ты пряталась за стеклянной дверью?»,— посадил рядом с собой. Прерванная беседа продолжалась. И здесь он говорил, что, несмотря на гигантскую работу, проделанную строителями и монтажниками, очень много пробелов и упущений. Нет подземных коммуникаций, телефонные линии на времянках, очень много бараков и землянок. Да и постоянное жилье в так называемом соцгороде было построено так плохо, что Серго рассердился, сказал, что его нельзя называть соцгородом. Обратил внимание и на то, что мало детских садов и яслей. Когда все разошлись, спросил: «Значит, не хочешь уезжать? Тогда работай. Будешь в Москве — заходи».

Л. А. И ты воспользовалась приглашением, если я не ошибаюсь, в дни работы XVII съезда партии. Варо Джапаридзе, наша мама, была делегатом этого съезда. Мне в райкоме партии дали гостевой, а о тебе позаботился Серго.

Е. А. На отчетный доклад я не попала. Но Серго я слушала. И видела, как делегаты горячо встречали и провожали его. Пересказать его речь очень трудно, можно лишь посоветовать работникам промышленности ее почитать — настолько она современна и актуальна и сегодня. Об этом говорят разделы доклада: машиностроение — ключ к реконструкции; четкая организация производства и гибкое производство — основная задача; ликвидировать отставание черной металлургии; воспитать уважение к своей продукции и к своему труду. На Магнитку Серго приезжал еще раз. Он очень много сделал для строительства и налаживания работы комбината. Металлурги это очень ценили и любили Серго. В день пятидесятилетия комбината магнитогорцы открыли памятник Г. К. Орджоникидзе. Будучи их гостем, я выступала на митинге в честь этого события.

Л. А. Ты забыла, Елена, о VII Всесоюзном съезде Советов. Ты же была его делегатом. 1935 год. Счастливое время. Подводились итоги. За четыре года страна удвоила выпуск угля, и чугуна, и электроэнергии, вышла на первое место в мире по производству тракторов, в Москве готовился к открытию метрополитен... Встали в строй десятки заводов. Горький, Ростов, Харьков... Об этом говорил в своем докладе нарком. Еще он говорил о том, что наша тяжелая промышленность в состоянии производить любую машину мирного труда и любое средство обороны против врагов революции и в том количестве, которое нам необходимо.

Е. А. Серго говорил еще на съезде о кадрах, выросших в нашей стране, об их воспитании и выдвижении молодежи. Кто-кто, а Серго, как никто другой, умел замечать, находить талантливых людей и поддерживать их, доверять им. Достаточно вспомнить Завенягина, он был назначен директором Магнитки в 32 года; Тевосяна, ставшего руководителем объединения «Спецсталь» в 29 лет; Райзера, возглавившего строительные работы по сооружению мартеновских цехов Магнитки. Все они стали впоследствии командирами промышленности, министрами. При рассмотрении сложных вопросов Серго стремился сопоставить мнение старых специалистов, которых он уважал, с мнением молодежи, сочетал большой опыт со смелостью и энтузиазмом. Все мы, молодые, чувствовали, что Серго — наш лучший старший друг, к которому мы могли всегда обратиться.

Л. А. После съезда большая группа работников тяжелой промышленности была награждена орденами и медалями. Ты была, Елена, в той группе. Твой первый орден Трудового Красного Знамени у тебя ведь за Магнитку...

Е. А. Хочу обратить внимание еще на одну сторону деятельности Серго, которая коснулась и меня лично,— его потрясающую оперативность в решении различных проблем, действенность его распоряжений, он требовал немедленного их выполнения. В мае 1936 года я получила от Серго неожиданное задание. Настроен он был в тот день радостно: подтвердились предположения геологов о наличии нефти в Дагестане; в прибрежном районе у поселка Избербаш из разведочной скважины ударил фонтан. Для организации промышленной добычи нужна электроэнергия. Мощности строящейся неподалеку ТЭЦ было бы недостаточно. «А нельзя ли ее увеличить?— спросил Серго, загадочно поглядывая на меня.— Конечно, для этого надо послать комиссию, которая бы на месте все установила. Но кого? Что я, однако, ищу? Комиссия рядом, ведь ты же энергетик! Назначим тебя уполномоченным Наркомтяжпрома. Как ты на это смотришь?» И рассмеялся. Комиссия работала десять дней. Потом каждые две недели я докладывала о ходе проектных и строительных работ. В августе электроэнергия была подана промыслам. Один за другим вступали в строй агрегаты. В середине декабря я послала по почте докладную на имя Серго, в которой сообщала, что задание его выполнено, что находиться мне в Махачкале и Каспийске больше нет надобности. Через шесть дней получила ответ — телеграфный вызов за подписью наркома: «Выезжайте с докладом». Я выехала. Серго назначил меня начальником новой ТЭЦ, на которой я проработала еще три года.

Больше с Григорием Константиновичем мы не встречались. Как семейные реликвии бережем немногие документы и фотографии. Серго уже давно нет, но его жизнь, беззаветная преданность ленинской партии, кипучая энергия организатора советской промышленности стали ярким примером, той путеводной звездой, которая всегда светит нам.

Записала диалог
Галина КУЛИКОВСКАЯ.

«14 месяцев на наших полигонах царит тишина,— это ли не свидетельство нашей приверженности договоренностям в Женеве, нашей ответственности за судьбы мира. Это все нелегкие решения, если учесть, что взрывы в Неваде продолжались, происходят и сейчас».

Из выступления М. С. ГОРБАЧЕВА на пресс-конференции в Рейкьявике.

Владимир ИТКИН,
Лев ЧЕРНИЧЕНКО,
корреспонденты ТАСС —
специально для «Огонька»

испыта

Плеск волны в озере, дуновение ветра, покачивающего кроны деревьев, чьи-то шаги на лесной тропинке и эхо далеких землетрясений — только это фиксируют чуткие сейсмометры с маркой «Сделано в США», установленные вблизи советского ядерного полигона. Пустующие гостиницы для специалистов, «законсервированные» штольни, архары на вершинах гранитных скал, которые раньше сотрясались от взрывов, стада, что спокойно пасутся в особой зоне, военные строители, сооружающие детский городок, а не тоннель для очередных испытаний,— это воочию увидели иностранные корреспонденты, перед которыми открылись двери «святая святых» — советского ядерного полигона. Его тишина, верность мораторию документально запечатлены теперь не только на сейсмограммах, полученных американскими учеными в районе Семипалатинска, но и в репортажах, которые передали журналисты прямо с полигона.

Зато с высоких космических орбит спутники, наверное, отметили недавнее оживление на полигоне, когда сюда прибыли корреспонденты Рейтер, Франс Пресс, Киодо Цусин, американских телекомпаний. Ведь эта территория под пристальным взором из космоса: за сутки над ней пролетают 16—18 американских спутников. Но в этот день фотоглаза с орбиты запечатлели на советском полигоне своих же соотечественников, которые открыто здесь снимали.

Вот уже больше года здесь, в горном массиве Дегелен, ничто не нарушает симфонии земных недр. Могучие силы не сотрясают гранитные скалы. С того дня, когда здесь был проведен последний испытательный ядерный взрыв, наш полигон молчит. Советский односторонний мораторий — это одно из наиболее осязаемых проявлений внешней политики Советского Союза. Это практическое, конкретное действие. Остановить испытания — значит не допустить появления новых классов ядерного оружия, перекрыть путь к созданию ядерных космических вооружений.

Советский Союз готов в любое время подписать договор о полном запрещении ядерных испытаний. В 1963 году в Москве был подписан договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Подземные испытания были тогда исключены, но не потому, что стороны хотели их продолжить, а потому, что не смогли договориться о контроле за их запрещением.

С тех пор прошло 23 года. Остается ли по-прежнему препятствием проблема контроля?

Разрушить эти аргументы, а заодно и развенчать миф о секретности, якобы характерной для нашей страны, помог и советско-американский эксперимент по контролю за непроведением ядерных испытаний. В соответствии с соглашением между Академией наук СССР и Комитетом по защите природных ресурсов США по условиям совместного эксперимента по контролю за непроведением ядерных испытаний в районе Семипалатинска была развернута американская сейсмическая аппаратура. В Казахстан прибыли ученые из США.

Место, где проводится эксперимент, словно чудесный оазис среди бесконечной казахстанской степи. Вдруг отступают выжженные травы, встает сосновый лес, тянется цепочка невысоких гор.

...Уходит ввысь горный склон, поросший соснами. На каменистой террасе расставлены оранжевые цилиндры сейсмометров. От них разбегаются сплетения проводов. Лежат на траве раскрытые металлические чемоданы с приборами. Рядом — яркие кубики аккумуляторов.

Техник Дэвид Карел и его советский коллега понимают друг друга без слов — у специалистов свой язык формул и схем. Вра-

щается барабан регистратора, движется магнитная лента в кассетах.

Поляна, уставленная яркими коробками, люди на траве — все это напоминало необычный пикник. И действительно, для ученых такая работа словно праздник, настоящее торжество. Торжество доверия, взаимопонимания. Чувствительные приборы записывают «музыку» моратория.

Советский полигон молчит. Но за многие тысячи километров доносится сюда тревожное эхо взрывов в Неваде, оставляя характерный росчерк на сейсмограммах и вызывая у американцев неловкость перед своими советскими коллегами.

Очередной ядерный взрыв в Неваде прозвучал, когда журналисты еще не успели передать свои сенсационные репортажи о необычной экскурсии по «секретному объекту». Шаги навстречу нам приходится делать по земле, которую сотрясают американские взрывы.

— В древности люди выработали ритуал рукопожатия, чтобы показать — в руке нет камня,— говорил на импровизированной пресс-конференции прямо на полигоне представитель Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-майор Юрий Викторович Лебедев.— А американцы предлагают нам обменяться рукопожатием, имея в руках дубинки...

Американская администрация говорит о контроле. Пожалуйста, приезжайте, контролируйте... Но вопрос стоит не о контроле за испытаниями, а о контроле за непроведением испытаний.

...Полигон встретил иностранных корреспондентов жарой, запахом полыни и тишиной. Аллеи берез и тополей, типовые пятиэтажки, качели, песочницы во дворах. Обычный городок — чистый, ухоженный, зеленый. Разве что зелень его большими трудами дается. Без полива здесь ничего не растет. Поначалу за каждым деревом был закреплен человек, который ухаживал за ним, поливал. А теперь стало больше и людей, и деревьев, среди степей вырос целый зеленый оазис. Одна из улиц городка носит имя Курчатова. Это он с учетом множества факторов выбрал место для полигона. Он работал здесь, создавал «атомный щит». На доме, где он жил,— мемориальная доска, а в его кабинете теперь своеобразный музей.

«Когда наука совершает рывок и открывает возможность для действий, затрагивающих миллионы людей,— считал Игорь Васильевич Курчатов,— возникает необходимость переосмыслить нормы жизни, чтобы поставить эти действия под контроль».

— Никто так, как мы, люди, которые занимаются испытаниями, не представляет, какая страшная сила заключена в этом оружии,— говорит начальник полигона генерал-лейтенант Аркадий Данилович Ильенко.— И потому нет никакого парадокса в том, что и мы, испытатели, выступаем за прекращение ядерных испытаний. Это слишком дорогое и опасное «удовольствие». А для нас всегда найдется другая работа...

И генерал увлеченно рассказывал об опытах по исследованию атомной энергии в мирных целях. С помощью взрывов можно создавать огромные подземные хранилища для нефти и газа. На советском полигоне в свое время был произведен опыт «Скважина» — с помощью мирного взрыва было создано искусственное озеро. Сейчас в нем полно рыбы, и, по заключению специалистов Минздрава СССР, ее можно употреблять в пищу.

И вообще на советском полигоне не только тихо, но и чисто. Радиация здесь — на уровне естественного фона. Сейчас — мораторий, на этой территории пасутся стада, здесь пашут землю, выращивают хлеб, заготавливают сено. А у соседствующих с полигоном хозяйств есть еще один свой интерес — если мораторий станет двусторонним, то к ним отойдут обширные пустующие сейчас земли.

С борта вертолета сейчас, осенью, эти земли выглядят безжизненно. Выжженная солнцем трава, гранитные скалы, высохшие озера. И вот мы на точке, где проводились испытания. Мрачное место. Голые гранитные камни. Вершина скалы теряется в тумане. К ее подножию ведут рельсы, тянутся кабели, трубы. Там скрыты железные ворота, ведущие в штольню. Офицер распахнул массивные ворота. Этот символический момент снимали все. Множество объективов фотоаппаратов и телекамер было нацелено на ворота. Офицера несколько раз просили снова открыть ворота, чтобы запечатлеть этот миг.

И вот они распахнуты, в тоннеле вспыхнула цепочка огней. Журналисты, обгоняя друг друга, ринулись туда. Шли по шпалам под каменистыми сводами. Здесь по рельсам двигались вагонетки, которые вывозят породу. А сейчас состав вагонеток замер на путях, ведущих в тоннель. Не гудят дизели буровых установок. Только шумит вентиляция. Тяжелые каменистые своды нависают над головой.

— Это очень трудоемкая работа,— говорит начальник полигона.— Породы здесь твердые, гранитные. На прокладку штольни уходят многие месяцы. Здесь работы были почти завершены. До полной готовности оставалось два месяца. Был затрачен огромный труд, огромные средства. Но тем не менее государство пошло на то, чтобы остановить эти работы. Они были прекращены. И с 6 августа 1985 года штольня стоит законсервированная.

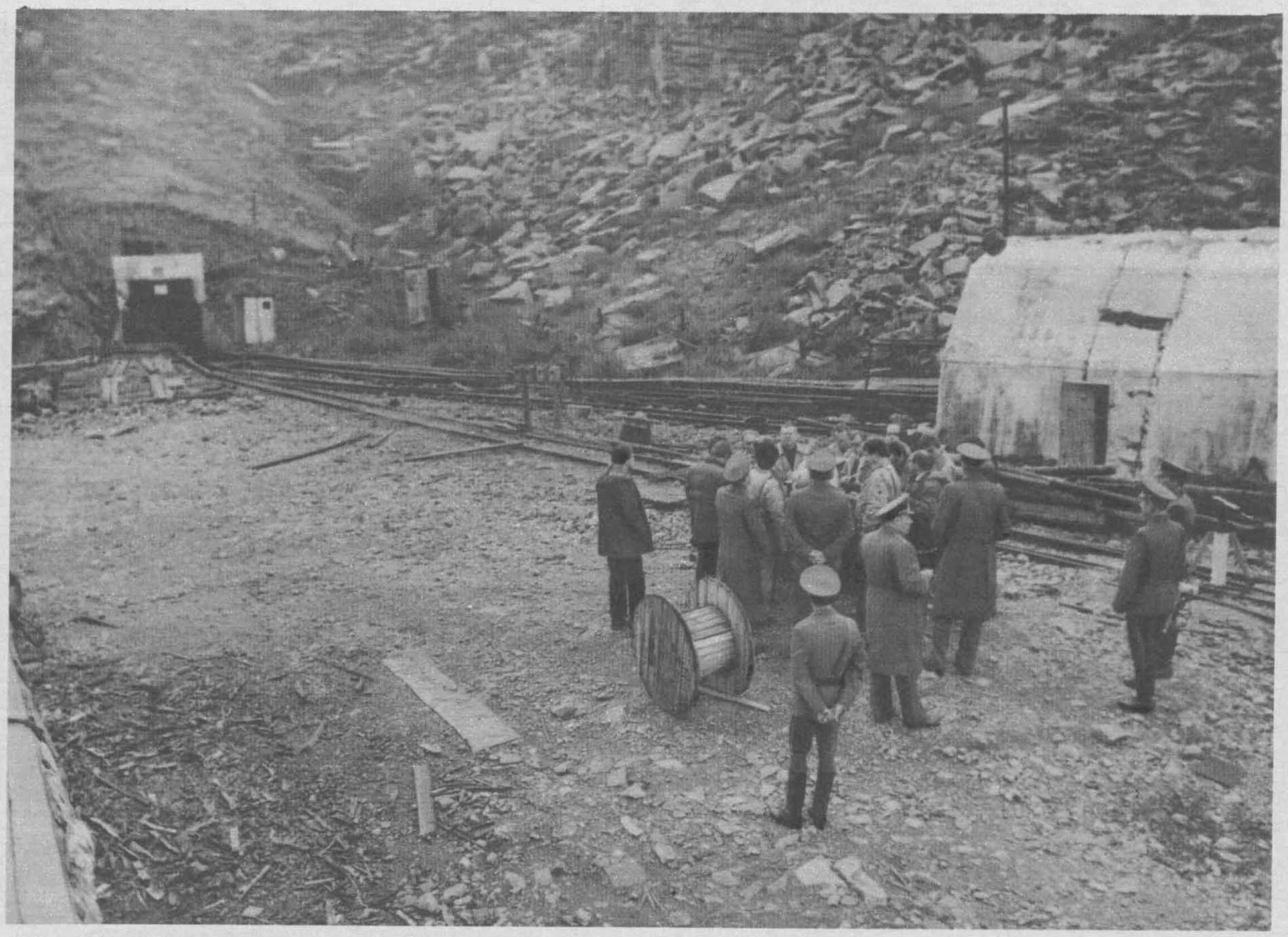
— Значит, если бы не мораторий, мы бы здесь не стояли? — спросил кто-то из журналистов.

— Конечно, штольня была бы завалена,— ответил генерал.— Взрыв как бы сам себя закупоривает. Для полной герметичности ведутся большие работы, которые позволяют исключить выход радиоактивных продуктов.

В надежности таких мер журналисты убедились, когда осматривали штольню, в которой было проведено испытание. У ее решетчатых ворот офицер-дозиметрист включил свой прибор, и стрелка, показав на шкале уровень естественного фона, не стронулась с места. Но скала, под которой десять лет назад произвели взрыв, резко отличалась от своих соседей. Она словно куча щебня рядом с острыми гранитными вершинами. Словно ее разбили гигантским молотом.

И вдруг на ее вершине появились архары, грациозные горные козлы. Редкие животные снова вернулись в места, где прежде тревожили их подземные толчки. Перестало трясти, и архаров стало больше. Это тоже примета моратория.

...Полигон в переводе с греческого означает многоугольник. Под разным углом зрения смотрим мы пока на проблему контроля. Есть еще в этом деле острые углы. Но есть и добрая воля к тому, чтобы их стереть, есть сила мирового общественного мнения, которое непременно всколыхнут и те репортажи, что передали с полигона американцы А. О'Коннор и Р. Тернер, англичанин Р. Эванс, японец К. Эдзава, француз П. Лесур и другие. Наша открытость и откровенность дают право надеяться на их честность и объективность. Это тоже своего рода испытание. Полигон, который не проводит испытания, тем не менее испытывает людей на готовность к действиям по устранению ядерной угрозы.

Только мораторий позволил провести такую экскурсию. Фото В. Цыкановского

ние мораторием

ЕСТЬ В ВОРОНЕЖЕ «ВОРОНЕЖЕЦ»

Продолжение. См. 2-ю обложку.

к выпуску товаров со стороны здешних руководителей всех рангов и уровней.

«Воронежец» не выставка местных товаров, на которой можно походить, посмотреть, потрогать. Понравившуюся вещь тут можно купить. Владимир Петрович Кононенко, начальник областного управления торговли, сказал мне:

— «Воронежец» — лаборатория спроса.

Магазин стал «лакмусовой бумажкой» для предприятий области, для работников торговли, он отражает покупательский интерес. Магазин помогает ориентироваться и в том, что нужно сейчас, с большой долей определенности предсказать, что должно пользоваться спросом в будущем.

...В несколько рядов — стеклянные стенды: «визитная карточка» того или иного предприятия. Здесь продукция, которая есть в продаже, и перспективная. Даже беглый взгляд выхватывал вещи и вещицы, которые хотелось бы приобрести. Прекрасно сшитые воронежской фабрикой «Работница» стеганые женские пальто. Молодая женщина сняла с вешалки одно из них, примеряет. Дочка с детской непосредственностью кричит на весь зал: «Мама, как хорошо! Очень тебе идет!»

В соседних залах товары для дома, детские игрушки, изделия народных промыслов, спортинвентарь, трикотаж, обувь. Удобная хлебница. Она была однокамерной, а покупатели предложили сделать ее двухкамерной — для ржаного и белого. И вот она на прилавке. Хозяйственные весы — простые, надежные. Появились подогреватель детского питания, насос для автомобильных шин, спортивные костюмы и плащи новых моделей. 450 новых изделий — таков актив торговли, но она не только заказывает, но и настаивает на том, чтобы неходовой товар не выпускался. Это по ее, торговли, предложениям было снято с производства 118 изделий.

Недавно в продажу поступили стул-коляска для малышей, самозатачивающиеся ножницы, конструктор «Юный архитектор». Многие предприятия охотно и успешно сотрудничают с магазином — это авиа- и радиозаводы, «Трикотажница», Рамонская фабрика художественной керамики. А вот на Грибановском машиностроительном заводе, на борисоглебском заводе «Металлист» очень неохотно отзываются на запросы торговли.

На одном из столиков я увидел книгу жалоб и предложений. Чего только не было в ней, даже рисунки различных приспособлений, которые покупатели предлагали выпускать. Это была не книга жалоб, а книга рационализаторских идей и советов.

Интересен сам по себе путь запуска в производство воронежских товаров. Новинка обязательно должна пройти через «Воронежец». Поставляют ее небольшой, скажем, 30—40 штук, партией. Внимательно следят за тем, как расходится, кто покупает, собирают и замечания. Как-то поступила экспериментальная партия женских сапог объединения «Прогресс». Разошлись они быстро, модель понравилась. Но и в этом случае оказалось место замечаниям и предложениям.

— Такие же, но не черные.

Две женщины постарше. Их сапоги вроде бы устраивали, но...

— Сюда бы «молнию».

Продавщица прислушивается, она передаст высказанное мнение изготовителю.

...Идет конъюнктурное совещание. Прямо здесь, в магазине, обсуждаются новинки, анализируется собранный материал, рассматриваются планы.

Показывают женские костюмы — модель-87. Значит, скоро еще один товар появится в магазине.

ПУТЕШЕСТВИЕ «ОГОНЬКА» ИЗ МОСКВЫ В ТАШКЕНТ

«Дорогой «Огонек»! Знаком я с тобой более 25 лет. Ежегодно подписывался и получал свежий номер на 2—3-й день. Столь долгое общение, видимо, переросло в постоянную привязанность, в потребность еженедельного общения. Но вот теперь подписываться не хочу. Что же случилось? А началось все с осени 1985 года. Получив номер 41-й, жду следующего, а получаю 43-й. 42-й приходит позже. Потом пошло, поехало: стал получать номера через 7—10 дней. В 1986 году вообще неразбериха: то ни одного, то вдруг два номера сразу. Был в Кирове, купил в киоске № 35, а в Кирс он пришел лишь на девятый день. Вот и решил совсем расстаться со своим другом, чтобы не испытывать свое терпение и не трепать нервы.

ГОРШКОВ».

Кирс Кировской области.

Письма, подобные этому, редакция получает, к сожалению, нередко. В № 37 «Огонька» мы уже публиковали некоторые из них. В том же номере мы обещали нашим читателям выяснить причины задержек журнала в пути. Как оказалось, причин этих много и устранение их зависит не от одного конкретного «злодея».

Вот что поведал нам один номер 36 «Огонька», отправившийся в долгий путь из Москвы в Ташкент.

«Москва, Бумажный проезд, 14. Здесь расположена не только моя редакция, но и типография, которая заполняет мои белые листы пестрыми красочными вкладками, обложками, рядами четких типографских шрифтов.

8 сентября. Раннее утро. Новенький, нарядный, я готов к отправке на вокзал. Машины у здания типографии издательства «Правда» нетерпеливо меня ожидают. Тут задержек практически не бывает, и весь тираж вовремя прибывает на почтамты и в отделения перевозки почты Москвы.

По сведениям начальника Главного центра магистральных перевозок почты П. С. Дорошенко, 212 вагонов точно по графику принимают и отправляют печатную продукцию в далекий путь по всем направлениям.

8 часов 15 минут. Привычная сутолока Казанского вокзала. И вот я уже удобно разместился в уютной темноте почтово-багажного вагона поезда № 922 (скорого для меня не нашлось). И то, что я буду ехать в Ташкент 110 часов 30 минут в отличие от параллельного скорого № 6, прибывающего из столицы в солнечный Ташкент через 57 часов 55 минут, Министерство путей сообщения не волнует. Вообще-то их можно понять — им бы справиться с потоком людей, атакующим поезда во всех направлениях, а бессловесный бумажный багаж может подождать. Вот и не находится мне места в скорых поездах. Хотя на некоторых направлениях для меня выделяется почтовый вагон в скорых поездах.

Тем не менее рано или поздно я прибыл на ташкентский привокзальный почтамт. Дальше меня направили на городской узел связи и развезли местным транспортом по почтовым отделениям. Кстати, машины, на которых меня везли, были в хорошем состоянии в отличие от многих других направлений. Иногда их просто не хватает. Об этом сообщила, в частности, семья Трефиловых из Харькова. Стало быть, задержка может случиться и тут. Дальше вступает в действие новый норматив по доставке почты, предусмотренный новым приказом Министерства связи СССР от 1985 года,— ДОСТАВИТЬ ЖУРНАЛ ПОДПИСЧИКУ С МОМЕНТА ПРИБЫТИЯ В ГОРОД НЕ ПОЗЖЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ ДВОЕ-ТРОЕ СУТОК. ПОЧЕМУ ТАКОЕ ВДРУГ ПОСЛАБЛЕНИЕ РАБОТНИКАМ СВЯЗИ? Ведь еще до прошлого года я поступал к подписчику в тот же день, в крайнем случае на утро следующего.

На этот раз я, № 36, попал к жителям Ташкента из 84-го отделения связи 20 сентября, а из 52-го — днем ранее».

Вот краткая, можно сказать, характерная история путешествия одного лишь номера из Москвы в столицу Узбекистана.

Из расследований редакции выявились и другие «объективные» причины, почему вам, дорогой читатель, вовремя не удается прочитать наш еженедельный журнал. В тот же Ташкент № 34 поступил 2 сентября, а доставочные карточки, по которым осуществляется рассыл подписчикам, прибыли из управления «Союзпечати» лишь 4 сентября. Еще два дня потеряны. Потеря дней **может происходить и потому, что работники «Союзпечати» отдыхают в свои законные субботы и воскресенья, в то время как «Огонек» лежит безмолвным грузом на почте.**

— Не хватает почтальонов.— Жалобу эту мы не раз слышали, когда выясняли причины несвоевременной доставки журнала.

«Расстояние от Бобруйска (Могилевская обл. БССР) до Светлогорска всего каких-то 80 километров. Но... № 37 «Огонька» в Светлогорске я получила 21 сентября, а в наш киоск он поступил лишь 27 сентября. Бывает и наоборот. В чем причина такой нестыковки?» — спрашивает читательница Козлова.

Дело в том, что розницу отправляет Центральное розничное агентство «Союзпечати», а подписка идет своим путем непосредственно из издательства «Правда». **Существует график, обязательный для обеих организаций об одновременной отправке посылов в один город, но он не всегда соблюдается. Вот вам и еще одна причина.**

Причины, причины, причины... Но всегда ли они объективны? Город Ханлар Азербайджанской ССР, Киров, Тихорецк Краснодарского края, Киев, Бакалы Башкирской АССР, Тахта-Базар Туркменской ССР, Курганинск Краснодарского края, Зубова Поляна Мордовской АССР и еще десятки других пунктов по всей стране отстукивают «SOS» — пропала пачка в 50 экземпляров «Огонька», исчезли в пути две пачки по 50 экземпляров. На столичных вокзалах были все, а в пункт назначения не прибыли. То бригада почтового вагона дружно проспала станцию и забросила ее в другой город, а может быть, вообще пустила в розницу, подписной посыл.

В оправдание работников связи надо сказать, что каждая конкретная жалоба внимательно рассматривается, виновные выявляются, наказываются, хотя на претензии читателей, чьи письма были опубликованы в № 37 «Огонька», ответ мы еще не получили.

Кроме того, издательство «Правда» и 57 его представителей на местах постоянно интересуются исполнением всеми службами Министерства связи СССР сроков передвижения и доставки журнала.

Тем не менее все эти усилия не приведут к коренному решению проблемы своевременной доставки журнала и другой периодической печати, пока доставочная служба по всей стране не будет отвечать современному уровню и требованиям сегодняшнего дня. Все усилия редакции улучшить содержание журнала, найти более короткие пути к сердцу читателя будут сведены на нет, если «свежий» номер наш читатель получит через месяц после его выхода в свет.

Учитывая, что весь тираж печатается неделю, **можно, на наш взгляд, пересмотреть график посыла. То есть в дальние пункты назначения посылать продукцию первого дня, а в ближние — более позднюю.** Таким образом, мы хоть немного уравняем нашего читателя из Курска и Камчатки.

Редакция понимает все трудности в распространении журнала на огромной территории страны, готова учитывать и все объективные причины, мешающие сократить сроки доставки, но мы вместе с нашими читателями ждем от Министерства связи СССР конкретных предложений и решений по кардинальной перестройке всей доставочной службы с учетом высказанных замечаний.

ОТДЕЛ ПИСЕМ И МАССОВОЙ РАБОТЫ

К. Петров-Водкин. 1878—1939. СМЕРТЬ КОМИССАРА. 1927.

Государственная Третьяковская галерея

Е. Чепцов. 1874—1950. ЗАСЕДАНИЕ СЕЛЬЯЧЕЙКИ. 1924.

Государственная Третьяковская галерея

Давид
КУГУЛЬТИНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПОЭМА

Стремление к свободе Иван Петрович Павлов отнес к врожденному рефлексу, свойственному всему живому.

Такова же, наверно, природа любви к родной земле — она врожденная.

Если разложить на составные части любое живое существо, в нем мы не найдем ни одного элемента, которого не было бы в составе почвы, воздуха, света Земли, родившей его. Великая тайна природы в том, как она соединила их и вдохнула жизнь.

Каждый раз, когда я возвращаюсь в родной хотон, селение, брожу по местам своего детства, я трепетно ощущаю свою неделимость с ними — речкой, холмами, деревьями, людьми, и это ощущение рождает стихи.

1

Успев почти всю Землю обогнуть,
Все повидал — что надо, что не надо,
В запасниках души храня весь путь —
Простор небес и бед людских громаду.
Всем этим до отказа нагружен,
Я повернул домой — в родной хотон,
К началу жизни. Только где оно,
Моих путей ухабистых начало?..
На прежнем месте нет его давно,
Не раз, конечно, перекочевало...
Селенье Абганеры, где я рос,
Где двигались кибитки,— там колхоз.
Осталась в прошлом драная кошма,
В морозы укрывавшая кочевье...
Надежные, уютные дома
Приветливо белеют сквозь деревья...

Три дня прошло... И я решил: пора
Взглянуть на место старого хотона,
Тем более что дядя мой — Андра
Напоминал об этом неуклонно.
Мол, не пора ль к началу всех начал
Пойти туда, где отчий дом стоял?
И мы пришли... Стоим на месте том.
Где некогда он был, мой отчий дом!

...Вдруг пресеклась воспоминаний
связь...
Я вздрогнул от знакомого мне звука —
Передо мной, высоко распрямясь,
Покачивалась серая гадюка.
Здесь, у порога дома моего,
Шипело злобно это существо.
Мы — дети степи — не боялись змей.
К шипящим подходили без опаски.
Змея доныне в памяти моей —
Помощница героя древней сказки,
Готовая на множество услуг.
Змея, она батыру лучший друг.
Но эта, серая, глядела зло.
Предупреждал, казалось, глаз гадючий:
«Зачем тебя, чужого, принесло?!»
И камень поднял я на всякий случай,
Сейчас метну его что было сил...
Но дядя за руку меня схватил.
— Ты что?— испуганно вскричал Андра,—
Несчастный, на кого ты поднял руку?
На ту, что так мудра и так добра?
На охранявшую твой дом гадюку?
Пока ты там, вдали, вершил дела,
Она очаг твой чутко берегла.
Не потому ль ты выдержал бои
И выдюжил в борьбе с любой напастью,
Где погибали сверстники твои,
Что здесь твое оберегала счастье,
И радость, и огонь души твоей
Вернейшая, мудрейшая из змей?!
Ведь ты же знаешь, ты забыть не мог,
Что встреча с ней — счастливая примета!
Скорее камень урони в песок
И навсегда запомни место это.
Здесь некогда издал ты первый крик:
«Пусти, о мир!.. Я мал, а ты велик!»
Да, здесь, Дава, ты начал жизни дни,
Чтоб послужить народу и Отчизне...
А вот сейчас на холм другой взгляни,
Здесь та, которой ты обязан жизнью.
И выслушай простой рассказ о той,
Что жизнь тебе купила добротой...
Да, этот холмик!.. Он слегка осел
И все-таки отличен меж другими.
Здесь схоронили тетю Хяярел,
Неужто ты не слышал это имя?
Не знать его тебе — великий грех,
Она тебе должна быть ближе всех.
В тот год, когда она еще жила,
Но с каждым днем утрачивала силы,
Нагрянул лютый голод... Туча зла
В тот год родные степи посетила.
«Скудненько нынче родила земля!»—
Вздыхал твой дед, наш скудный хлеб деля.
По ломтику, бывало, нам дает,
Как лист древесный, нарезает тонко.
Лишь матери твоей (в тот самый год
Она носила первого ребенка,
Тебя, Дава) вдвойне давал старик,
Но и двойной ломоть был невелик.
И Хяярел (да, так звалась она,
Что жизни для тебя не пощадила),
Хотя была смертельно голодна,
Бывало, хлеб припрячет торопливо
И тихо скажет матери твоей:
— Уйдем скорей! Побродим меж степей!
И вот по высохшей земле вдвоем
Две бедные калмычки, две невестки
Идут «гулять» исхоженным путем...
Какой еще предлог придумать веский,
Чтоб от чужого взгляда ускользнуть?!
Невесел был прогулок этих путь!
Когда ж никто увидеть их не мог,
Хяярел — голодная, больная —
Беременной подсунет свой кусок:
«Ешь, милая! Мне жить недолго, знаю,
И много ли я людям дать смогла б?!
Пусть будет он, сыночек твой, не слаб!»
И так не день, не месяц и не два...
Представь на миг ее долготерпенье —
Ведь Хяярел, бедняжка, умерла
За месяц лишь до твоего рожденья.
Пред смертью с губ ее сорвался стон:
«Пусть будет новорожденный силен!
Пускай за все, недожитое мной,
Потрудится и жизнь полюбит втрое...»
Вот так, Дава, ты начал путь земной,
Людскою осененный теплотою,
Овеянный дыханием добра...»
Так в заключенье мне сказал Андра.
Когда б не обратился я к Андре
Иль над холмом он пребывал безмолвным,
Тогда мое понятье о добре
Навеки оставалось бы неполным.

2

В обед решили мы домой пойти.
Межою побрели неторопливо.
Вокруг, по обе стороны пути,
Клонясь под ветром, шелестела нива
Во всем богатстве зрелой красоты...
Хлеб на полях! Как сладко пахнешь ты!
Дышал я на чужбине ветром гор,
Я упивался прелестью искусства.
Все это расширяло кругозор
И, может быть, воспитывало чувства.
Но впечатленье вводит в нашу кровь
Лишь сопричастье: труд или любовь.
Чужое часто привлекает глаз,
В пути манит все то, что незнакомо.
Но что и вправду угнездилось в нас,
Мы в этом разберемся позже, дома.
В привычной обстановке бытия —
Там, где слагалось в детстве наше «я».
Я дома. Здесь мальчишкой лет восьми
Трусил я на смиренной кобылице.
Работою со взрослыми людьми,
Как мог я, малолеток, не гордиться?!
В тот самый год был создан наш колхоз,
На равных с ним я понемногу рос.
Бороновали мы, как быть должно,
Мельчили землю ровными рядами...
(Позднее в полосу легло зерно
И наливалось, зрело вместе с нами.)
А мы хвалились, свой успех ценя:
«Мы заработали полтрудодня!»
И полный день тогда не шел ни в грош,
Но мы о том узнали бы едва ли...
Мы верили, что урожай хорош:
На совесть поле мы бороновали.
Спиной, руками ощутив труды,
Как были мы довольны и горды!
Когда ж пробились первые ростки
(Случилось это, помнится, в апреле),
Как ликовали мы, озорники,
С какою нежностью на них смотрели!
Ну, прямо, словно братья иль отцы,
А если поточнее — как творцы!
И можно ли забыть сладчайший вкус
Зерна, тобой взращенного впервые?!
Лишь со стихами первыми берусь
Сравнить успехи эти трудовые —
Живую сладость хлебного зерна.
Я эту радость ощутил сполна!
В тот год мы, дети, вдруг понять смогли,
Смотря на колосящееся поле,
Что мы и впрямь — хозяева земли,
Что мы сильны, что в нашей доброй воле
И красота земли, и благодать,
И так хотелось нам ее обнять!
Младенческий наш окрылялся дух,
Но мы, еще не ведая причины,
Об этом говорить не смели вслух,
Стесняясь, словно взрослые мужчины,
Своей сентиментальности смешной...
...Гадюка не права!.. Я здесь родной.
Зазря она шипела на меня!..
Пускай объездил я чужие страны,
Но с первого до нынешнего дня
Я здешний... И чужим вовек не стану.
Хотя другим как будто стал на вид,
Душой я тот —
Со степью прочно слит.
Как ни меняйся я, мы с ней одно...
О степь моя! Земля моя родная!
Я выращен тобою, как зерно.
Все, что я чувствую, все, что узнаю,
Все, чем богат — Добро мое и Зло,—
Благодаря тебе во мне взошло!..
Все помыслы мои и все дела...
Да что «мои»?! Дела отцов и дедов
Взрастила степь, равно, как их тела
Взяла в себя, различье их разведав,
Всех уравняла, воедино слив...
Степь, ты жива! И я тобою жив!
В живую зелень превращая прах,
В своем неизреченном милосердье
Ты мысль мою качала на руках,
Даруя мне, мне, малому, бессмертье...
Да, степь, пока шумит твоя трава,
Душа моя бессмертная жива!..

...К закату солнце не спеша пошло.
Сильней пахнуло травами степными.
Брели, мыча, коровы... Тяжело
Несли тугое, налитое вымя...
Мы дома. В комнате полутемно,
Но света не зажег я все равно.
И в полумраке, в сонной тишине
Я вспоминал о всех, кто шел сквозь муку,
О Хяярел и о других, кто мне
Протягивал спасительную руку,
Поддерживал во сне и наяву,—
О тех, чьей добротою я живу.
И мне казалось, что светлеет тьма
И в комнату вплывают чередою
Ушедшие друзья — Мерче, Бадма...
Я вспомнил всех, они, побыв со мною,
Мне успевали на ухо шепнуть:
«Живи! За нас продолжи трудный путь!»
И те, кого обидел невзначай,
Прощаясь, даровали мне прощенье...
Да, в этот раз, вернувшись в отчий край,
Я осознал понятье «возвращенье».
Блуждал я долго по чужим краям,
Но, что собрал, принес к своим корням.

Перевела с калмыцкого
Юлия НЕЙМАН.

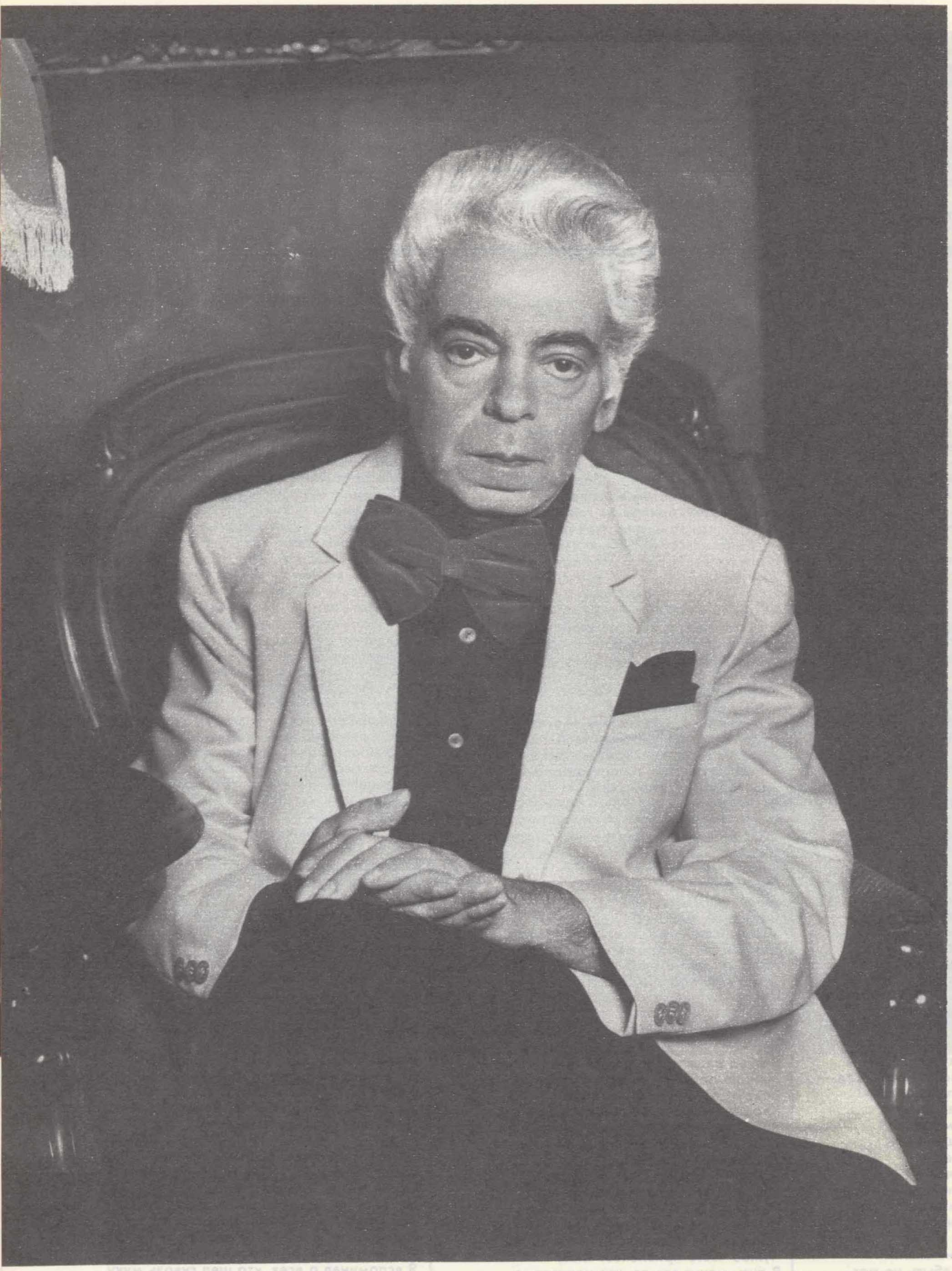

Фото В. Плотникова

НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР, ЛАУРЕАТУ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

АРКАДИЮ ИСААКОВИЧУ РАЙКИНУ

ИСПОЛНИЛОСЬ 75...

Но в дни юбилея хотелось отойти от официальности этих высоких званий. И мы решили предоставить слово его младшему товарищу по трудному жанру — артисту Геннадию Хазанову.

Геннадий ХАЗАНОВ

●

Райкин сыграл самую главную роль в моем выборе профессии. Имея в детстве страстное желание стать артистом балета и потерпев на этом пути быструю неудачу, я не знал, что мне делать дальше: кроме как на балетную сцену, никуда не хотелось. Но, учась в седьмом классе, я увидел по телевизору спектакль Ленинградского театра миниатюр «На сон грядущий». Вот с этой минуты я себе профессию выбрал. До момента выхода на сцену предстояло еще пройти сложный, путаный путь, но тем не менее отсчет я веду именно с этого вечера.

Я стал покупать пластинки с записями этого артиста. Я помнил их наизусть. Со своими друзьями я общался с позиции человека, знающего весь райкинский репертуар. Знакомясь с девушками, я прибегал к, на мой взгляд, тогда совершенно страшной силы ударам — я потрясал их тем, что не только знал репертуар Райкина, но даже пытался (как позже выяснилось, похоже) его показывать.

Короче говоря, я заболел. Заболел болезнью, которую можно определить как «райкиния». Я думаю, что этой болезнью в тот или иной период переболели многие артисты.

Я стал искать возможности познакомиться с этим человеком.

В шестьдесят первом году, когда я учился в девятом классе, Райкин приехал на гастроли. Он тогда обычно останавливался в гостинице «Москва» — для столицы Райкин был еще гостем. Я узнал его телефон, и, чтобы произвести впечатление на педагогов, я специально из учительской, чтобы они все слышали, во время переменок звонил и обстоятельно спрашивал: «Это номер народного артиста РСФСР Аркадия Райкина?» Меня даже больше, честно говоря, интересовала реакция педагогов... Дальше я говорил, что это московский школьник Гена Хазанов, и настаивал, чтобы меня устроили на спектакль...

Вскоре, первого декабря шестьдесят первого года, в день своего рождения, я получил подарок: вместо занятий в школе меня повели в Дом народного творчества на встречу Райкина с самодеятельностью.

Райкин рассказывал о себе, сыграл две-три миниатюры, а я все никак не мог придумать, как мне вступить с ним в контакт. Незадолго до этого я прочитал в журнале «Театральная жизнь» эпиграмму на спектакль Райкина «Любовь и три апельсина». Теперь я понимаю, что она была достаточно бестактной: «Воскликнул зритель: «Смех и грех. Зело забавная картина: тут Райкину — два апельсина, а труппе лишь один на всех». Автор ее, наверное, думал, что такая дележка апельсинов несправедлива...

Но мне тогда было все равно, справедливо это или нет, и я послал Райкину записку: я хотел, чтобы он прокомментировал эту эпиграмму. Женщина, которая вела этот вечер, прочитала мою записку и положила себе в карман — до Райкина она не дошла.

После окончания этой встречи я дождался, пока Райкин выйдет, подошел к нему и сказал, что я и есть тот московский школьник, который его добивается. Минуты, когда Райкин протирал стекла своей машины, казались мне какими-то секундами. Мне казалось, что он так быстро это делает, чтобы скорее уехать от меня... Тем не менее он пообещал устроить меня на спектакль.

Я договорился с его женой по тому же телефону, и мне назначили встречу в семь часов на площади Маяковского — там тогда находился Театр эстрады.

Когда я робко подошел к жене Райкина, она посмотрела и сказала: «Боже, какой ты маленький, тебя же не пустят на вечерний спектакль!»

Но тем не менее меня провели внутрь и передали женщине, которая много лет проработала в театре у Райкина,— Наталье Черкасс.

Черкасс привела меня за кулисы, и я стал смотреть спектакль. Ужас заключался в том, что миниатюры игрались при открытом занавесе, а монологи Райкин читал при закрытом: мне ничего не было видно. И первое, что я сделал,— это моментально отдернул занавес и высунул голову. Тут меня схватили за шиворот и втащили на место. Я стерпел обиду и, когда закончилось первое отделение и Райкин, выходя со сцены, спросил меня, понравилось ли, сказал, что мне очень понравилось, но я вообще ничего не видел. Тогда Райкин распорядился, чтобы на второе отделение меня перевели в оркестровую яму.

В оркестровой яме в антракте я приглядел себе место. И вот оркестр сел, дирижер Семенов, который много лет вел спектакли Ленинградского театра миниатюр, встал у пульта. Как только он собрался взмахнуть дирижерской палочкой, тут же рядом с ним выросла вторая фигура на стуле. Дирижер аккуратно своей палочкой ударил меня по плечу. Я понял, что это знак не столько для оркестра, сколько для меня, и опять погрузился вниз. Я был уже тогда небольшого роста, и этот спектакль для меня был мучительным. Мне так хотелось посмотреть, но было видно совсем немного... Зато было все слышно, и я был счастлив, что причастен к зрелищу почти как артист: я был на сцене, за кулисами, в оркестровой яме, то есть чувствовал себя уже человеком эстрады.

В те годы школы переводили на одиннадцатилетнее обучение, и я понимал, что столько в школе уже не высижу: это значило на год позже пойти на сцену. И я решился поступить в вечернюю школу рабочей молодежи. Для этого нужно было работать. И вот буквально через двадцать дней после встречи в Доме народного творчества я уже был слесарем на московском заводе. На заводе я в основном занимался тем, что сидел в малярке. Маляром работал один человек, который впоследствии написал много песен, исполнявшихся с эстрады Трошиным, Зыкиной. Все рабочее время я читал ему райкинский репертуар, а он пел мне свои куплеты.

Как-то, соединив наше искусство, мы вышли на сцену кинотеатра «Ударник» — заводская самодеятельность выступала там перед сеансом. И одна женщина в зале, увидев, как почти ребенок исполняет какой-то взрослый репертуар (к Райкину это уже не имело отношения, я читал то, что придумал сам и нашел в каких-то сборниках), в ужасе спросила у своего спутника: «Как ты думаешь, это мальчик или карлик?» У нее никак не укладывалось в голове, что ребенок может произносить такие... я бы сказал, совсем не детские слова. Теперь я понимаю, что эти слова не надо было произносить и взрослому...

Горячее желание быть похожим на Райкина, работать в этом жанре оборачивалось детски искаженными представлениями о том, чем же на самом деле занимается этот артист. Что-то я чувствовал, но понять, конечно, еще не мог, и это рождало подобные ситуации. Все это происходило под райкинской звездой.

Через два года, окончив школу, я стал судорожно бегать по всем театральным учебным заведениям и, конечно, читал «под Райкина». Там решили: «С ним уже ничего не сделать, он испорчен окончательно». Итак, меня никуда не принимали.

Тогда в очередной раз я прорвался к Райкину за кулисы с вопросом, что он мне посоветует читать на приемных экзаменах. Вопрос был довольно наивный, его задают практически все поступающие в театральные учебные заведения артистам, думая, что их советы — гарантия удачи. Райкин ответил мне: «Я не знаю, что тебе подойдет, я бы сегодня прочел начало седьмой главы «Мертвых душ» Гоголя».

Я немедленно побежал домой и открыл «Мертвые души» — спасибо Райкину, после этих слов я и остальное в «Мертвых душах» прочитал. Но это начало врезалось в мою жизнь навсегда. Сейчас, думая о новом спектакле, я хотел бы открыть его началом из седьмой главы «Мертвых душ» Гоголя.

Получается, что я рассказываю скорее о себе, чем о Райкине. Но это не совсем так, просто многое в моей жизни неразрывно связано с этим человеком. Честно говоря, я вообще не очень понимаю, как бы я мог родиться как артист, если бы не было Райкина. Потому что Райкин — это не фамилия, Райкин — это не артист. Райкин — это в полном смысле слова явление. Много было в нашем жанре талантливых, одаренных актеров, обладающих широким диапазоном, но тем не менее ни одного из них явлением назвать нельзя. Этот человек родил огромное количество учеников, не преподавая с кафедры. Он не учил как педагог, но всем своим творческим путем щедро дарил возможность учиться у него.

Райкин обладает удивительным магнетизмом. Сила его воздействия такова, что, попав под него, очень многие актеры так и не сумели расправить собственные крылья—явление Райкина их уничтожило. В этом никакой вины Райкина нет, просто дарование его настолько велико, что у многих не хватило энергии найти свои, говоря шахматным языком, более сильные продолжения. Я сам жил много лет, вобрав Райкина в свои поры, кровь, даже скелет, и думаю, что мне очень повезло, что начало было пройдено под его влиянием. Он помог мне найти самого себя. И здесь я хотел бы поклониться прежде всего своему педагогу народной артистке СССР Надежде Ивановне Слоновой, которая мне всегда говорила, что надо искать свою дорогу, свой путь, проживать на сцене свою жизнь. И всегда в работе поиски начинались с задачи сделать так, чтобы не было, как у Райкина. Если первая часть жизни была «к Райкину», то вторая — нахождение собственного пути — от него. И все равно Райкин обязательно остается посередине. И, сколько бы ни прошло лет, я всегда буду отдавать себе отчет, кому я обязан своей любовью и преданностью этому жанру.

Райкин определил для меня не только жанр, но и во многом актерскую платформу. И самое главное, что я понял из творчества этого человека: артист, который хочет много лет прожить на эстраде, не имеет права создавать для себя единую маску, актер — это прежде всего широкий диапазон. Диапазон Райкина позволяет ему играть трехчасовые спектакли и всегда быть в них разным — и грустным, и очень смешным, и фарсовым, и гротесковым, и эксцентрическим, и очень серьезным. И мое желание сделать собственный моноспектакль «Мелочи жизни» было рождено под влиянием театра Райкина.

О феномене Райкина я за свою жизнь разговаривал с очень многими и разными людьми, и наиболее точно, на мой взгляд, это сформулировал Марк Розовский, сказав, что Райкин в каком-то смысле оказался «над своим временем». Он появился на сцене, когда произошло затухание театральных ритмов, театры существовали в своеобразной летаргии. И когда выходил этот человек со своим невероятным биополем, своим магнетизмом, энергетикой, еще не успев произнести ни одной фразы, просто смотрел в зрительный зал, было ощущение, что начинается сеанс гипноза. Его внутренние ритмы забивали театральные ритмы того времени. По темпераменту и живости он напоминал двадцатилетнего человека, несмотря на то, что ему было сорок. Это был период его творческой зрелости, его расцвета, который Райкин проживал удивительно полно.

Райкин всегда существовал особняком в своем жанре. Это неудивительно, его творчество часто было предтечей постановлений высоких инстанций. Он обладает даром, важнейшим для художника,— не только идти за решениями, но и предварять их. В этом и есть главный смысл существования человека, занимающегося сатирой. Постановка этих проблем до официального решения всегда, а в те годы особенно, была проявлением огромного гражданского мужества. И, наверное, мало кто знает, сколько в связи с этим пришлось пережить этому артисту.

Не могу здесь не вспомнить, как в конце 60-х — начале 70-х Райкин готовил новый спектакль. Вступительный фельетон включал много цитат из Ленина. Смысл его сводился к напоминанию: не забыли ли мы, о чем писал основатель нашего государства? Цитаты были очень острые, попадали на больное. Но это произошло за пятнадцать лет до апрельского Пленума 1985 года. Тогда на Райкина посыпалось очень много упреков... Но я думаю, что профессия сатирика обязательно должна включать в себя даже крупные неприятности... Если их нет, значит, человек не занимается жанром сатиры.

В последнюю нашу беседу этим летом Райкин сказал, что сегодня очень трудно заниматься нашим жанром. Вопросы поставлены настолько остро, что, читая любую газету — от центральной, республиканской до областной, кажется, что нашим жанром занимается вся страна. Поэтому профессионалам надо искать особенно интересные формы, на их плечи ложится прежде всего художественность.

...Сегодня, конечно, и здоровье у Райкина не то, и лет ему уже не сорок, и многое прожито, много шрамов на сердце. Но когда спрашивают, почему Райкин не уйдет на покой, я прекрасно понимаю, что это невозможно. У него совершенно другая природа. Он Актер в высоком смысле этого слова, с головы до пят. Я не представляю себе Райкина, живущего на земле и не выходящего на сцену. Никакие врачи и таблетки ему так не помогут, как помогут сцена, три часа, проведенные со зрителем.

Обычно в юбилейные дни принято говорить, что юбиляр полон сил, энергии. Может быть, для жизни у Райкина сил и энергии не так много, потому что вся энергия уходит в работу. Может быть, потому он сегодня не так здоров, что никогда не экономил своих жизненных ресурсов. И это великое счастье, что в его семьдесят пять лет мы можем видеть Райкина, слушать его...

ПОЧТОВАЯ ПРОЗА

В 38-м номере «Огонька» за этот год под новой рубрикой «Почтовая проза» напечатана первая часть документальной хроники в письмах «Вместе с мужем моим...». Герои ее — декабрист Никита МУРАВЬЕВ, один из вождей Северного общества, автор проекта Конституции, и Александра МУРАВЬЕВА, воспетая Некрасовым в поэме «Русские женщины». В основу хроники легла обширная, за редкими исключениями, неопубликованная переписка Муравьевых, хранящаяся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) в Москве [1].

Арест, одиночка Алексеевского равелина, примчавшаяся в Петербург из орловской глуши жена, мучительное ожидание свидания, допросы — и письма, письма, дозволенным путем и через подкупленную стражу. Неослабевающий диалог любви сквозь стены Петропавловской крепости и рудных острогов продолжается во второй части хроники, которую мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

Юрий ОСИПОВ

«ВМЕСТЕ С МУЖЕМ МОИМ...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Н. М. Муравьев. Акварель Н. Бестужева. 1833—1834 годы.

4

Н. Муравьев — жене; 22 января 1826 г.:

«Милая Сашази! Прошедшего не воротишь, а будущее от нас сокрыто, и потому нам должно пользоваться настоящим. Довольно для каждого дня своей заботы. Я здоров и спокоен, так что если это тебе утешение, ты имеешь еще причины благодарить творца, вместо того, чтобы предаваться неумеренным горестям. Советую тебе, душа моя, Сашази, когда чувствуешь необыкновенную тоску, не давай воли воображению и мыслям — старайся постоянно быть чем-нибудь занята: молись, читай, ходи, дабы не попасть во власть своей печали. Я это испытал на себе и именно так сохранил силы и присутствие духа».

«...Не знаю, будет ли тебе прок от моих советов. А я бы так хотел влить в твое сердце все возможные утешения разом!..»

А. Муравьева — мужу, пятница, 29 января, 7 часов вечера:

«Милый Басинька! Увидь ты меня сейчас, то не стал бы просить быть спокойнее, меньше горевать. По правде скажу, что держусь теперь очень рассудительно... готовлюсь к своему часу. Ты знаешь, мой друг, сделать выбор и последовать ему для меня — одно мгновение; страшит только разлука с тобою...»

«...Отныне я дорожу жизнью, как никогда; верю, что, быть может, окажусь тебе нужнее, нежели даже в прежние счастливые времена... Мечтаю разделить с тобою твою судьбу, какой бы она ни была, и слишком уповаю на божье снисхождение, чтобы ждать отказа в этой единственной милости. Не в состоянии выразить, сколь противны мне теперь все мелкие удобства, которыми я не хочу пользоваться без тебя. И, поверь, что тем радостнее себя буду чувствовать, чем от большего сумею отказаться... Нет, не думай, не отчаяние заставляет меня так поступать; благодарение богу и матушке, другим характером я наделена, по-другому воспитана, тебе это известно! И не смей убеждать меня, будто жизнь моя тогда погубится. Ты, видно, считаешь, что с моей стороны то одни слова, когда я повторяю тебе, что везде, где бы я ни оказалась с тобою, я буду счастлива, как только может быть счастлива женщина».

«...Прошу, успокой меня, Никита, вот на какой счет. У тебя при себе шинель, твой тулуп, домашнее платье, большой фланелевый отрез и простыни,— устрой же постель и спи раздетый, так ты отдохнешь; по себе знаю, как устаешь спать одетой...»

Н. Муравьев — жене:

«Прости, ангел мой Сашенька, если порой в письмах я делаюсь сварлив и придирчив,— тому причина одиночество мое и эти стены... Хоть я и призываю тебя брать с меня пример и подчинять чувства разуму, однако ж и он бывает не властен над тяготами души, над мрачными мыслями и настроениями».

«...Повторяю, напрасно ты лежишь целыми днями в темной комнате, без глотка свежего воздуха. Движения для тебя сейчас — это все. Постарайся же пересилить себя и ходить, ходить!»

«...Бумага кончается, остальное — завтра. Не перевести ли тебе детей в большую гостиную? Пишешь, Кати еще дичится на уроках. Сочувствую бедной англичанке».

«...У нас тихо и в окошко видны сразу пять звезд...»

А. Муравьева — мужу:

«...Снова пишу тебе ночью, это время суток мне теперь больше по душе — ухожу в свои мечты, и никто меня не тревожит. Солнцу я радуюсь, представляя, как ты греешься в его лучах, но самой от него невесело. Кажется, будто яркий солнечный свет насмехается над нашим несчастьем...»

«...Март нынче выдался такой дождливый, а ночи, ты верно пишешь, стоят ясные, красивые. Сегодня третье полнолуние, как мы расстались...»

Н. Муравьев — жене:

«Любезный друг, Сашази! Благодарю тебя от всей души за то, что начала ходить с детьми на прогулки, это для меня большое утешение. Неужто Кати и впрямь не устала от вашего вчерашнего двухчасового променада? Молодчина! Я тоже минувшим вечером гулял во дворе — у нас был пресильный дождь, и воздух после него стал много чище. Все-таки не рекомендую тебе брать на улицу Коку, пока у него не сойдет сыпь — ее легко можно застудить»

А. Г. Муравьева. Акварель Н. Бестужева. Июль 1832 года.

«...Радуюсь приезду милой сестрицы. Надеюсь, она не даст тебе так тосковать. Зубы мои совершенно оставили меня в покое...».

«...Закажи для меня поскорее у Росси свой портрет и маменькин...»

А. Муравьева — мужу:

«...Вижу, дружочек, из твоих писем, что тебе с каждым днем делается все грустнее, и ума не приложу, как отвлечь тебя от тягостных мыслей...»

«...Невозможно быть по-настоящему несчастной, если не испытал подлинного счастья...»

«...Подозреваю, ко мне теперь ходят преимущественно из жалости, которую твоя жена, согласись, вряд ли способна вызвать у людей, близко с нею знакомых. Вчера получила письмо от папа. Вот что он пишет: «Письмо Никиты, которое ты нам переслала, заставило меня плакать — слезами боли и радости; я ведь люблю Никиту, как родного сына, и куда бы судьба его ни забросила, молю бога о том, чтобы он дал мне перед смертью возможность повидать и обнять его. Так ему и передай!»

Окончание. Начало см. «Огонек» № 38.

[1] Перевод писем с французского С. Козицкого.

«...Напрасно ты считаешь, что коли тело утомлено, душа отдыхает. Моя душа изнуряет тело сильнее любых физических упражнений».

«...Подчас сдерживаю слезы до грудной боли, а ты, стало быть, упрекаешь меня в чрезмерной любви к тебе... Ангел мой, ты ведь простишь мне эти глупые строки и все другие, которые заставляет меня писать неизбывная тоска и которые я не уничтожаю, дабы не вынуждать тем самым матушку твою переписывать и свои к тебе послания. Да, мой дорогой, мой бесценный Никита, я согласна с тобою: мне очень потребна передышка. Но где ее взять? Столько разных вопросов, на которые нет ответа...»

Н. Муравьев — жене:

«Душа моя, Сашази, ты не должна судить обо мне по тому расположению, в коем меня находишь,— весьма естественно, что твое присутствие живо напоминает мне прежнее наше счастье...»

«...Весь день ношу на груди твой портрет и воображаю, будто ты со мною. Портрет необычайно похож и имеет в точности твою мину, только выглядишь ты на нем печальной. Я не удивляюсь, что время тянется для тебя так медленно — в нашем положении иного и не бывает».

«...Поздравляю вас с именинами Коки. Надобно приглядывать за ним и не подпускать его близко к камину, он может обжечься горящими углями. Лизанька весьма переменилась и выросла, она начинает иметь свою физиономию, и личико у ней стало такое круглое. Хорошо, что Кати не дичится больше и занимает вас. По-моему, Михайлушка был со мною гораздо любезнее прежнего...»

А. Муравьева — мужу, понедельник, 15 марта, шестой час утра:

«Вчера вечером я спустилась ужинать в десять, в одиннадцать поднялась к себе, сомневаясь, что за боли у меня — родовые или нет. Однако за доктором послали и за сиделкой, и в час пятьдесят минут пополуночи я родила в их присутствии крохотную девочку. Проспала добрых два часа, так и не осознав до конца, что уже разрешилась. Увы, наяву мой Никита не со мной и не с дочерью...»

(Приписка на том же листе):

«Она решительно настояла написать тебе сама. Я бы просила, дорогой, вели ей писать к тебе первые четыре дня только по паре строк. Обнимаю и благословляю тебя. Твоя мать и верный друг Е. Ф.».

А. Муравьева — мужу, 18 марта:

«Милый мой Никитушка, как ты обещал меня не ругать, признаюсь: я слишком рано встала после родов, однако чувствую себя на удивление хорошо. Малышка... мне кажется, я не встречала ничего столь ужасно крохотного, одни глазки да носик... Теперь я готова ко всему и с нетерпением жду окончания дела. Завидую детям и матушке твоей, повидавшим тебя. Екатерина Федоровна отметила прежнее выражение твоих глаз — спокойное и уверенное, значит, душа твоя тверда, чему я несказанно рада.

Дорогой Басинька! Сегодня ровно полгода, как ты нас оставил. И за все это время лишь два свидания...»

«...Увидишь, я все такая же, что и прежде, с тою же силой духа и мужеством, которые тебе так нравилось во мне обнаруживать. Лишь бы господь дал счастье разделить твою участь, и ты не найдешь ни следа тоски и печали, терзающих меня сегодня. Собралась было перечитать твои письма, но как взяла первое, так и остановилась. Не могу! Особенно даты на них рвут мне сердце. Ты прав, память зачастую преподносит нам сюрпризы. Иной раз посмотрю на дверь твоего кабинета и, словно воочию, вижу тебя там за картами и чертежами. Борюсь с собою, стыжу себя, а все-таки в конце концов не выдержу да и распахну дверь...»

Н. Муравьев — жене:

«Душа моя, Сашази, я все еще во власти последнего свидания нашего. Ты похудела, осунулась, хоть и стараешься выглядеть бодрой. Мне многое хотелось сказать тебе в эти краткие минуты, а вот не успел и терзаюсь теперь... Ради всего святого, береги себя! Главные наши испытания — впереди, надо встретить их достойно. Прошу тебя, милый друг, еще раз все взвесь и обдумай. Мой жребий брошен, у тебя же на руках дети, престарелый отец, моя матушка, и никто им тебя не заменит. Обо мне не печалься; я здоров, и твоя любовь, твой образ в моем сердце, сознание того, что ты и дети в довольстве и безопасности, помните меня,— послужит мне лучшим утешением...»

А. Муравьева — мужу, 29 мая:

«Жизнь моя, мой ангел! К чему эти сомнения, эти мрачные мысли? Гони их прочь! Они ранят меня очень больно. Если прошлого не воротишь, попытаемся исправить будущее, а без тебя оно для меня не существует. Спи ночами, дорогой. Дни — достаточно долгие, чтобы вдоволь настрадаться, и сон — одно из величайших благ в нашем горестном положении.

Прошлый год, ангел мой, мы в это время переехали в деревню. Помнишь, какие чудные месяцы провели мы там с тобой? Детей я отправляю завтра на Каменноостров со всеми остальными; право, одной мне здесь будет легче...»

«...Как ты переносишь эту жару? Несмотря на твои уверения, я думаю, в камере у тебя вздохнуть можно только под вечер».

«...Хоть ты и стер потом те строчки, я сумела прочесть, что ты просишь прислать зубного порошка. Уж больше недели, как я его отправила, ты, верно, не получил. Завтра пошлю тебе мыла, раньше было нельзя...»

«...Прошедшая гроза, похоже, не причинила городу вреда. На Моховой, правда, мне рассказывали, молния ударила прямо посреди мостовой. Впрочем, какая это для тебя новость!..»

5

«Сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем деле явленным, Верховный Уголовный суд приговорил: вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговором суда определенной, сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить. 11 июля 1826 года».

...Рылеев умер как злодей!
О, вспомяни о нем, Россия...

В числе семерых, осужденных по «первому разряду», Никита Муравьев был приговорен к «каторжной работе вечно», а после сокращения срока 22 августа — к двадцати годам каторжных работ.

А. Муравьева — мужу, 12 июля:

«Крепись, мой милый Басинька, я уверена, что на том свете нам не уготовлен Страшный суд, ибо нас заставили пройти через него здесь, на земле. Все эти тягостные месяцы, за исключением двух дней наших свиданий, я не могла без содрогания видеть стены крепости. Если проживу еще 60 лет, то и тогда буду смотреть на них не иначе, как с ужасом. И знаешь, по какому-то предчувствию, они всегда действовали на меня угнетающе.

Спешу сообщить тебе, что сегодня я написала императору, умоляя его дозволить мне последовать за тобой. Только бы получить разрешение! Я тогда на крыльях полечу к тебе. Не думай, я ничуть не повержена в отчаяние суровостью вынесенного приговора, ведь самое худшее уже позади! Кончилась эта мучительная неопределенность. Теперь я куда спокойнее, с сердца спал огромный камень, поскольку я смертельно страшилась, что тебе выйдет тюремное заключение — я бы этого, вероятно, не перенесла. А тут, узнав про ожидающую тебя участь, запела невольно «Всем скорбящим», дабы возблагодарить небо за дарованную мне возможность быть рядом с тобой...

Жду от тебя письма и, как заслышу на улице верхового, бегу к окну взглянуть, не посыльный ли...»

Да, такое письмо жены должно было помочь Никите Муравьеву выдержать этот день. Как помогали ему ее письма выдерживать семь месяцев Петропавловки, которая довела до психического расстройства Булатова, Ивана Поливанова и настолько изнурила «железного» Пестеля, что по дороге на казнь его пришлось перенести через высокий порог калитки.

Между тем каждые четверть часа к укрывшемуся в Царском Селе Николаю летели фельдъегери с донесениями генерал-адъютанта Чернышева: исполнение приговора идет установленным порядком, вот только «презренные» не проявляют раскаяния. «...столь закоснелые существа и не заслужили иной участи: никто из них не выказал раскаяния»,—сообщал император в письме матери. А у всех в ушах еще отдавались предсмертные слова вторично поднятого на виселицу Муравьева-Апостола: «Бедная Россия! И повесить-то порядочно не умеют!»

Пять дней спустя оцепеневшая Москва лицезрела поспешное коронование. Под гром пушек в Кремле в присутствии всей царской фамилии, правительствующего сената, министров и коленопреклоненной гвардии со снятыми киверами московский митрополит Филарет возносил молитву за то, что расправа над восставшими окончилась успешно. Герцен, мальчиком в толпе наблюдавший это «очистительное молебствие», через годы писал: «Никогда виселицы не имели такого торжества; Николай I понял важность победы!»

Н. Муравьев — жене:

«Милая Сашенька, осень приближается широким шагом, а с нею — холода. Сегодня воскресенье, и погода, кажется, несколько переменилась к лучшему. По крайней мере жуткий ветер, который дул все эти дни, спал почти совсем. Что сказать о себе? Что я люблю тебя по-прежнему, сверх всякого разумения, от всех сил и способностей моих — так ты это знаешь. Знаю и я безграничный жар любви вашей, как вы с матушкой заботитесь и беспокоитесь обо мне. Большего я не прошу у всевышнего. Долгожданные минуты свидания с вами — слишком щедрая и незаслуженная награда для меня. Доверяюсь отданным тобою распоряжениям, склоняюсь, хотя и против воли, перед твоим горестным выбором. Несчастные любимые детушки наши! Что с ними станется?.. Видно, и здесь мне следует положиться на тебя. Я знаю твою душу!

Очень порадовался тому, что неизменный осенний насморк наконец отпустил тебя, милый друг, Сашази. А как твоя щека? Смотри не застуди ее и постарайся пока не мочить...»

А. Муравьева — мужу:

«...Вяжу тебе, Никитушка, шерстяной шарф; он будет длинным и теплым, уверена, понравится. Да, прошла целая зима, весна, лето, вот теперь опять осень, и все без тебя... Я слышу, как в вашей стороне так страшно гудит ветер,

Часовня с могилой А. Г. Муравьевой на декабристском кладбище в Петровске.
Фото А. Гостева.

ежели к утру не утихнет, может случиться наводнение. Мысль о нем приводит меня в трепет; по-моему, ваши жилища низки, и вода сразу их зальет. Боюсь, как бы холод и влага не сделали вам хуже, твоя одежда в последний раз пахла сыростью...»

«...Сейчас только вернулась из крепости, имела счастье видеть бедного брата моего, которого нашла сильно похудевшим, но, слава богу, здоровым. Не в состоянии передать, что испытала, оказавшись в той же комнате, где происходило свидание наше; твое бледное, изможденное лицо до сих пор стоит у меня перед глазами.

Сегодня мне вернули твой бумажник; год назад я упаковывала его тебе собственными руками и с трудом сдержала слезы, вновь прикоснувшись к нему. Как ты велел, я отдала две тысячи рублей, чтобы выкупили из тюрьмы посаженных за долги. Я сама охотно провела бы остаток жизни в тюрьме, если бы могла тем самым возвратить тебе все, чего ты лишился...»

«...Ты, конечно, удивишься тому, что я решилась пойти к обедне в крепость. Так вот, как услышишь соборные колокола, знай: я уже там!..»

«...Во всем следовала твоим советам и отпраздновала рождество на твой манер, то есть почти за целый день не проронила ни единой слезы, хотя эта иллюминация наполняет мою душу горечью. Ездила по табачным лавкам — купить в дорогу трубки Захару и Александру. Укладываю библиотеку и ломаю голову, какие книги взять себе. Твоего французского предсказателя Массиллона не забыла, не волнуйся. И исторические сочинения — тоже.

Лишь теперь я впервые почувствовала, насколько дорога мне Жизнь. Люби меня всегда, и я все тогда смогу вынести!

Не хочу долее злоупотреблять снисхождением того, кто читает наши письма. Спешу сообщить тебе напоследок, что совершенно здорова. Как на грех, река упорно не желает замерзать, и я беспокоюсь, вдруг это помешает мне увидеть тебя в субботу. Быть может, в последний раз перед твоим отъездом...»

(На обороте письма пометка: «Читано. Ничего особенного».)

Осужденных декабристов отправляли в Сибирь постепенно, партиями. Первая группа — «Трубецкой с товарищи»—прибыла на каторгу в августе 26-го. Никита Муравьев и Анненков добрались туда уже только в январе 1827 года.

6

Подписка, данная Александрой Григорьевной Муравьевой в Чите «февраля 23-го дня» «в исполнении всего вышеизложенного в точности»: «Я, нижеподписавшаяся, имея непреклонное желание разделить участь мужа моего государственного преступника Никиты Муравьева... и жить в том заводском, рудничном или другом каком селении, где он содержаться будет, если то дозволится от коменданта Нерчинских рудников господина генерал-майора и кавалера Лепарского, обязуюсь по моей чистой совести наблюсти нижеподписанные предложенные мне им, г. комендантом, статьи; в противном случае и за малейшее отступление от поставленных на то правил, подвергаю я себя осуждению по законам».

«4 февраля 1827 года. Иркутск. Ее превосходительству Е. Ф. Муравьевой. Санкт-Петербург, на Фонтанке, у Аничкова моста, в собственном доме.

Дорогая матушка, 800 верст из Москвы до Казани за пять дней — не так уж плохо. А что бы вы сказали, узнав, что от Казани до самого Иркутска я делала по 300 верст в сутки? Завтра или послезавтра отправлюсь дальше... Открыла свои баулы и пришла в ужас от количества вещей, которые везу. Так что без сожаления оставила здесь уйму платьев... Пишу вам и неотступно думаю о детях, стараюсь гнать прочь тоску по ним, но разлука еще очень свежа...»

«26 февраля. Чита. Ее превосходительству Е. Ф. Муравьевой. Москва, на Самотеке, в доме Тургенева.

...Мне дано разрешение видеть мужа раз в три дня по три часа; пока что не велика радость для меня, ехавшей с намерением во всем разделить его участь. Однако по-прежнему надеюсь, так и будет. Мечтаю лишь об одном: пусть меня запрут с ним в камере, тогда только я почувствую себя окончательно счастливой... Никита все тот же — та же нежность и ангельское терпение, которые навсегда составили мое счастье. Он не падает духом, и ужасная бледность, покрывавшая его лицо в крепости, слава богу, прошла. Прибавьте к этому утешение видеть подле себя брата. Оба они, дорогая матушка, получили ваши письма, и нет надобности говорить, сколь обрадовались им. Увы, отвечать вам Никита и Александр смогут только через меня, хотя для вас это не одно и то же. Клянусь вам всем святым, оба они в добром здравии...»

«...На пасху, дорогая матушка, я сделала мужу маленький подарок — вышила полотняный коврик, который он повесил у себя в камере. Вообще тружусь, не покладая рук, целый день — нанять здесь почти некого, все домашние работы приходится выполнять самим. Собираюсь вот на несколько дней перебраться к одной из наших дам — попробую тараканов поморозить; это настоящая маленькая война, о которой, думаю, вы не имеете представления; избавлюсь от них хоть на время...

Забыла поблагодарить вас за кацавейку, что вы мне прислали. Она чрезвычайно нравится Никите, и я с ней не расстаюсь. Сейчас, в октябре, у нас уже двенадцатиградусные морозы да ветер едва не валит с ног. А комната моя в нанятой крестьянской избе не слишком теплая, двойных рам тут не знают, и ночью вода иной раз замерзает... Но все это мелочи; за последние полтора года я достаточно притерпелась к разного рода тяготам и неудобствам и на многие вещи смотрю теперь по-иному, особенно после смерти моего ненаглядного Коки. В присутствии мужа я не осмеливаюсь даже, как вы понимаете, произносить вслух имя нашего дорогого мальчика, дабы отвлечь Никиту от горестных мыслей,— смерть эта его буквально подкосила...

Вчера был день ангела моей маменьки, и я впервые с тех пор, как в Чите, пошла в церковь, а там долго не решалась обернуться — так много собралось детишек и невозможно было без отчаяния слышать плач какой-нибудь крошки. Если б я могла позабыть, что у меня есть дети! У меня остался только мой Никита, и только для него одного я теперь живу... Я окончательно решила, что не увижу своих детей, пока муж не сумеет разделить со мной это счастье. Надеюсь, мы проживем и окончим наши дни вместе. Можно жить счастливо даже в Сибири, дорогая матушка, хотя здесь не сыщешь простого кувшина, и я вынуждена посылать в тюрьму квас в туесках, либо бураках из коры, которых вы себе и не вообразите. Вот в какой край нас занесло...»

7

Летом 1830 года большая партия заключенных декабристов под охраной казаков и в сопровождении бурятов-проводников направлялась из Читы в Петровский Завод, в новую тюрьму. Шли более месяца...

А. Муравьева — мужу.
13 августа. Верхнеудинск.

«Мой милый Никитушка, воспользовалась отъездом казака, чтобы передать тебе весточку. В первые дни мне приходилось проводить в пути между станциями по 8—10 часов. Четыре дня — проливной дождь, ветер чудовищный, возок того и гляди развалится, всю душу вытрясает; холодные постоялые дворы, из всех щелей дует, а как затопят, от дыма хоть на улицу беги. Малышка вскрикивала на каждом ухабе, по ночам спала часа два от силы... Ну да теперь, благодарение богу, все хорошо. Вот только горло простудила немного, так что вынуждена буду задержаться тут на пару дней. Но главное сделано — скоро доберемся до места, пусть даже самого безобразного на свете, а все счастливы будем вместе. Поскорей бы уж!.. Прощай, напишу тебе из Петровска. О нас не тужи. Нонушка спокойна и развлекает меня. И все же так тоскливо без моего Никитушки!..»

21 августа. Петровский Завод:

«Ангел мой, до сего дня не видала ничего кошмарнее, чем этот Петровск. Кругом грязь. Фабрика, где плавят железо, совершенный ад: днем и ночью монотонный, постоянный стук молотков, на всем толстый слой черной железной пыли. Что до тюрьмы, куда я пошла сразу по приезде, то ей не хватает лишь настенных росписей, как в старых монастырях, изображающих адские муки. Вдобавок крыша у тюрьмы кроваво-красная... Знаешь, если тебе не выйдет разрешения возвращаться ко мне домой ежевечерне, я поселюсь с тобой в камере... ни за что не дам тебе сгнить одному в этой гробнице, и, пожалуйста, не вздумай меня пугать и уговаривать! Дом же, который я наняла, прекрасный — не мне, так малышке в нем будет хорошо».

«Сонюшка поправляется, а заболела Анненкова... Опасаюсь эпидемии, только, бога ради, сохраняй спокойствие и благоразумие, с двумя детьми в доме мы принимаем все необходимые меры предосторожности...»

«13 сентября.

Наконец-то, милый друг, пишу тебе последнее письмо, ты, слава богу, скоро прибудешь. Нонушка поправилась, но спит пока плохо и перестала ходить самостоятельно. Зато когда дашь ей палец и спросишь, как папа Никита ходит, она тут же ручонки за спину и важно так ножками топ-топ... Анненковой лучше: приедет Вольф, стану хвастать, что справляюсь не хуже его,— лечила-то Полину по принятой им методе, да и болезнь эту я знаю, она на твою прежнюю похожа...»

«Дом у нас теплый, веселый, комнаты просторные; Нонушке раздолье. Ну а нам с тобой в нем мало проку... Опять ходила смотреть новую тюрьму, однако она от этого светлее не стала...»

Последнее письмо, последняя тюрьма, последний дом. Два года спустя Александра Григорьевна Муравьева умерла.

«У меня было много горя, дорогой брат! — писала Лунину из Петербурга Екатерина Уварова.— И однако вот первое, которое заставило меня усомниться в доброте божьей. Эта смерть разбила разом столько сердец...» Отклик издалека. Ну, а что говорили те, кто находился рядом? Мария Волконская: «Святая женщина, которая умерла на своем посту». Иван Якушкин: «Она была воплощенная любовь». Иван Пущин: «В делах любви и дружбы она не знала невозможного...»

В знаменитых «Записках» Н. И. Лорера мы находим потрясающую картину проводов Александрины:

«...Маленькое общество наше было поражено смертью нашей общей благодетельницы. Она была первой жертвой, выхваченной неумолимым роком из среды нас... Чувствуя приближение смерти своей, она просила священника, и когда тот немного громко стал говорить с ней, она просила его говорить тише, чтоб не разбудить малютки, которую она не в силах была уже приласкать... Через несколько минут, держа руки мужа и брата его в своих хладеющих руках, она закрыла глаза со словами: «Боже, как там хорошо!» — и оставила нас навеки... В эту печальную ночь никто из нас не сомкнул глаз, мы бродили из угла в угол, как отуманенные...

Бестужев (Николай.— Ю. О.), золотой человек, занялся устройством гроба, обил его белой тафтой и по желанию мужа, в надежде, что позволят перевезти прах ее жены в Россию, даже отправился с позволения коменданта на завод и там своими руками отлил свинцовый гроб.

Между тем плац-адъютант разбудил каторжных простого звания и пригласил заняться оттаиванием земли (в Сибири в ноябре это уже необходимо) и устройством могилы, обещая им хорошую плату. Рабочие единогласно вскричали: «Не возьмем ничего, это была мать наша, она нас кормила, одевала... а теперь мы осиротели. Идем без платы!»... На руках наших понесли мы останки на Петровское кладбище, за две версты от острога. Когда печальная процессия поравнялась с домом Лепарского, он вышел и искренно отдал земной поклон усопшей...

Скоро Бестужев же сделал сначала модель, а потом поставил памятник из камня... Под сим же памятником похоронены и двое детей ее. Никита Муравьев скончался на поселении в деревушке (Урик) Иркутской губернии и таким образом... разрознен с женою только по смерти... Да и то телесно. Души их, вероятно, витают в селениях горних».

Никита Михайлович, на тридцать шестом году поседевший у гроба жены, пережил ее на одиннадцать лет. Горькими слезами оплакивали эту кончину декабристы. С. Г. Волконский писал: «...отличный брат тюремный... сир и нищ потеряли в нем благодетеля, а мы человека, достойного нашего движения; ветерана нашего дела, товарища...» Даже у «железного» Лунина исторгся тяжкий вздох: «Смерть моего дорогого Никиты— огромная потеря для нас. Этот человек один стоил целой академии». По словам дочери, он всегда молча грустил октябрь и ноябрь — месяцы болезни и смерти жены.

А. Вознесенский и А. Миллер. Фото Инги Морат

ПУБЛИКА УСТАЛА ОТ БАНАЛЬНОСТЕЙ

Артур МИЛЛЕР отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Феликса МЕДВЕДЕВА

●

Узнаю — в Москву на короткий срок прилетел Артур Миллер! Крупнейший американский драматург, автор «Смерти коммивояжера», «Сейлемских ведьм», «Вида с моста», «Воспоминания о двух понедельниках»... Без этих пьес, обошедших все подмостки мира, непредставима драматургия XX века.

Встречаюсь с ним в Переделкине, на даче поэта Андрея Вознесенского, с которым Миллер в давней дружбе. Согласие на интервью «Огоньку» получено не без его помощи.

Времени крайне мало, через два часа придет машина и увезет американского гостя в аэропорт.

— Что привело вас в этот раз в нашу страну?

— Мне пришлось прервать работу над автобиографической книгой, которая уже давно пишется. Я приехал в СССР по приглашению Чингиза Айтматова, с которым виделся в ноябре прошлого года в Прибалтике. Сегодня он пригласил не только меня, но и других известных писателей из разных стран. Все мы собираемся во Фрунзе. Для какой цели? Для разговора о том, как нам всем прийти к третьему тысячелетию, не разрушив себя.

Я приехал из Лондона и возвращусь в Лондон, где в разных театрах ставятся несколько моих пьес. Премьера одной из них состоится 25 октября. Пьесу «Потолок архиепископа» я написал в семидесятых годах, и однажды она была инсценирована в Вашингтоне, но мне постановка не понравилась. Теперь ее ставит Королевская Шекспировская труппа, и я надеюсь, что это будет удачно.

— Вы назвали Чингиза Айтматова. А кто вам еще знаком из наших писателей? Русских, советских?

— Прежде всего Чехов, и сегодня очень популярный в Америке. Я узнал его, еще учась в колледже, пересмотрел тогда все его вещи. В молодости я интересовался советской драматургией двадцатых годов. Знаю и люблю поэзию Андрея Вознесенского. Я написал предисловие к его книге, изданной в США. Он чудесный поэт, чье творчество известно во многих странах.

Последние годы я много работал, и у меня оставалось очень мало времени на чтение. Полтора года, не отрываясь, я вынужден был корпеть над биографией, обдумывая историю своей жизни. С возрастом меньше читаешь — больше пишешь сам. Но я, видимо, много теряю, что не имею возможности читать новые произведения современных советских авторов.

— Господин Миллер, вы, наверное, не побывали еще в московских театрах и у вас нет о них своих впечатлений?

— К сожалению, это так. Но я видел постановки молодежного театра в Паневежисе. Это интересный театр. Они замечательно поставили Айтматова, а также пьесу о художнике Пиросмани. Удивительную выставку работ этого великого мастера мы буквально только что увидели в Москве.

— Вы много ездите по свету и наверняка знаете мировой театр. Скажите, чей театр сегодня вам наиболее близок, интересен?

— Английский!

— Чем? Игрой актеров, выбором пьес, актуальностью режиссуры?

— Я думаю, их преимущество состоит в комбинации двух вещей. Первое — правительство субсидирует театры, и второе — оставляет их в покое. Они свободны и делают, что хотят. Без всякого вмешательства. Это началось в сороковых годах и сохранилось как традиция посегодня. Но сейчас Тэтчер неожиданно исключила из бюджета средства для театра, и теперь актеры пытаются получить их из других источников.

— Со времени вашего дебюта как драматурга прошло почти сорок лет. Скажите, вас и сегодня много играют?

— Да, мои пьесы ставят и нынче, и гораздо больше, чем когда они были написаны.

— Чем вы это объясняете?

— Думаю, что люди устали от бессмысленного повторения одних и тех же вопросов. Публика устала от абсурдистских приемов в пьесах. В свое время это было ново. Нынче стало штампом, банальностью.

— О чем ваши последние пьесы?

— О памяти. Одна из них так и называется «Опасная память». Довольно забавная вещица о женщине, которая с трудом пытается вспомнить. Вторая — про человека, который с таким же трудом пытается забыть. Обе вещи скоро увидят сцену.

— Я слышал, что ваши пьесы поставлены недавно в Китае и вы сами осуществляли их постановку. Как это вышло?

— Почему именно в Китае поставлены мои вещи? Потому что китайский театр издавна прежде всего театр оперный. Традиция произнесенного слова, а не поющего нова для Китая. В пятидесятых годах китайский театр, ставя Горького, Чехова, Ибсена, имитировал приемы советского театра. У них не было никакого понятия о новых нереалистических направлениях. Но самое интересное в том, что настоящий китайский театр традиционно «нереалистичен». Известно, что уже в IX веке в Китае существовал «нереалистический театр».

Я понимал, какие трудности ждут меня в Китае с моими пьесами. Многим казалось, что постановки моих вещей не будут иметь успеха. Что же я сделал? Во-первых, я не разрешил актерам гримироваться. Не надо риторики, сказал я, идей много, играйте. А то они привыкли, что им сначала надо разжевать идею пьесы, а потом уж они ее играют.

Все же я объяснил, что эта пьеса о человеке, которого снедает большая мечта о славе и деньгах. И это приводит к катастрофе. Я приучил их на сцене обращаться друг к другу, а не декламировать в зал. После постановки «Смерти коммивояжера» многие плакали, хотя пьеса уж никак не сентиментальна.

Кстати, театр, где шла моя вещь, беден, и доход от постановки помог ему приобрести новые стулья.

— Скажите, что, по-вашему, является сегодня, именно сегодня, сутью искусства, его откровением?

— Вы знаете, основа искусства — правда. Но в последнее время я понял, что в мире у многих людей нет контакта со своим прошлым. Они многое не помнят, они потеряли память. И я хочу напомнить им самое для меня дорогое из моей жизни, потому что мне случилось быть в центре многих событий, которые происходили в моих пьесах.

— В нашей «Литературной энциклопедии» сказано о том, что в вашем творчестве был период, когда вы не писали. Чем это объяснить?

— Не знаю, не могу точно ответить. Возможно, тем, что иногда три года пишешь пьесу и потом еще полтора года ее ставят. И ты ждешь. И может показаться, что ты в простое.

Я прошу А. Миллера вернуться к рассказу о его «Автобиографии». В ней наверняка много сказано интересного о судьбе выдающегося драматурга. В чем основная мысль жизнеописания?

— Я обнаружил в себе одну вещь: меня очень интересуют истоки, откуда я и что я есть. Я хочу узнать, как я появился в этом мире, и порассуждать над вещами, которые сейчас забыты, а когда-то были значительными. Ведь люди забыли свою историю, свое изначальное. Теперешнее искусство ограничено лишь настоящим. Сейчас не обращают внимания на то, что характер надо давать в развитии, во взгляде на прошедшее и на то, как прошлое влияет на развитие натуры человека, его нравов, характера.

«Автобиография» уже вмещает 900 страниц, осталось страниц 150. А потом все сожмется, по-видимому, до семисот страниц. Книга будет напечатана в Европе и Америке.

Вознесенский смотрит на часы, волнуясь за своих гостей, — не опоздать бы на самолет.

— Ну еще один, последний вопрос «Огонька», — говорит Андрей Андреевич.

Я задумываюсь.

— Господин Миллер, когда читатель прочтет ваш новый труд, «Автобиографию», какое впечатление у него останется: легка или трудна была ваша жизнь?

— Было и легко, было и трудно. Легче писались короткие вещи. Иногда случалось так, что трудно было попасть в мишень с первого выстрела...

Разговор подходит к концу, и я спохватываюсь, что приехал сюда без фотокорреспондента. Как быть? Выручает Инга Морат, жена А. Миллера, профессиональный фотомастер, автор многих книг. Выходим на крыльцо в осеннюю свежесть золотого сада. Два друга стоят рядом.

Инга улыбается, передавая отснятую только что кассету.

...А мне вспомнились слова Артура Миллера из его предисловия к пьесе «Вид с моста»: «...Товарный склад — это наш мир, в котором вещи бесконечно уходят и бесконечно приходят; только время не возвращается назад...»

ЗАБОТЛИВАЯ ХИМИЯ

Н. ХРАБРОВА,
фото Н. СВИРИДОВОЙ
и
Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО

Сколько же рук у этой современной «домашней работницы»! — спрашиваю у генерального директора производственного объединения «Латвбытхим» В. Д. СОЛОВЬЯНОВА.

— Только «ликов» более двухсот, — говорит Вячеслав Данилович, — а рук у бытовой химии сегодня и не сочтешь.

Итак, средства синтетические моющие; чистящие; отбеливающие и подсинивающие; клеящие; для ухода за автомобилями; для ухода за изделиями из кожи и замши; для защиты растений; для борьбы с бытовыми насекомыми; минеральные удобрения; лакокрасочные материалы; бытовая химия и средства личной гигиены в аэрозольной упаковке; беспропилентные (то есть не сжатые до газообразного состояния) аэрозоли и еще разное...

Глядя в прейскурант, я втихомолку укоряю себя: почему бы мне не позаботиться об «Айроэкстре» — пасте для чистки рук? Об «Элеганте» — средстве для подкрахмаливания? О «Секунде» — для мытья оконных стекол и зеркал? Об «АКО» — средстве для чистки пишущих машинок? Ай, как расточительно расходую я время!

А Вячеслав Данилович подливает масла в огонь:

— Журналисты часто пишут об очень важной проблеме — облегчении домашнего женского труда. Вот мы и стараемся. Пятьдесят процентов нашей продукции предназначено женщинам — все, что помогает хозяйке быстро навести домашний уют и после многотрудных дел так же быстро стать привлекательной и элегантной.

— Значит, в какой-то степени конкурируете с парфюмерами «Дзинтарса»?

— Нет. В области косметики и парфюмерии мы, так сказать, пограничны, но наш ассортимент значительно шире. «Дзинтарс» раньше был в системе Министерства пищевой промышленности, сейчас перешел в Агропром, и нельзя сказать, чтобы знаменитые рижские парфюмеры чувствовали там себя уютно. Они хотят войти в наше объединение. И это будет правильно, ведь в объединение входит также центр запахов, находящийся в Риге, он же — наше второе производство объединения «Аэрозоли».

А третье производство — за городом, в Мангали. Здесь владычествуют роторно-конвейерные линии. О них в печати было уже немало сказано сенсационных слов, ну и возникли в воображении могучие, уходящие в даль цехового простора параллели. Но оказалось, что линии станков, похожих на круглые башенки, движутся по небольшому овальному замкнутому пространству, как бы неспешно и пластично переходя из одного уровня в другой.

— Неспешно? — улыбается генеральный директор. — Да у них ритм работы выше скорости современного пулемета. Чтобы было понятнее: раньше клапаны для аэрозольного баллона собирали вручную и норма сборщицы составляла четыре клапана в минуту. А эта вот машина собирает в минуту от 700 до 1000 штук да еще и проверит не только саму себя, но и другие наши цеха, а также и наших поставщиков. Стоимость линии — 125 тысяч рублей, а годовой экономический эффект от ее внедрения превышает полтора миллиона рублей в год. Это — оптимальное ускорение в наших условиях, здесь оно предметно, наглядно и, я бы сказал, агитационно. Добавлю: эти машины разработаны московским конструкторским бюро и нашими инженерами из «Латвбытхима». Таких машин в мире пока нет. Производительность известных нам итальянских линий почти вдвое ниже.

Останавливаюсь у двух больших мешков. В них падают клапаны; одни идут на дальнейшую сборку, другие, увы, в брак.

Так я столкнулась с главным в обыкновенном чуде — аэрозольном баллоне. А впрочем, что тут уж такого чудесного? Берешь баллон, нажимаешь на головку — и пожалуйста: хочешь — из одного баллона мух трави, хочешь — из другого освежайся благоуханной струей или мой окна, крась облезшую кожаную куртку и т. д. Только до простоты этой ученые и конструкторы долго додуматься не могли. Дисперсные, то есть мелкие, как туман, частицы несколько столетий существовали сами по себе, а баллоны — сами по себе.

Объединил их клапан — та самая привальцованная к баллону небольшая верхняя часть, которая брызгает. Состоит клапан из семи деталей: металлический корпус, шток, карман, пружина, длинная пластмассовая трубка и резиновые ниппель и прокладка. И ради этой вроде бы и несложной, небольшой детальки созданы такие удивительные машины!..

Приходилось вам сердиться, когда клапан заедало? Мне приходилось. И начальнику цеха Озерскому — если не каждый час, то каждый день, и генеральному директору Соловьянову — того чаще, только мотивы у нас разные.

— Отечественная резина портится, выписали английскую, тоже, вот видите, не всегда хороша, — рассказывает Вячеслав Данилович. — Как быть? Решили основать у себя новое производство — уже в конце 1987 года пустим цех: и резину будем сами делать, и оснастку клапана.

— Экономично ли?

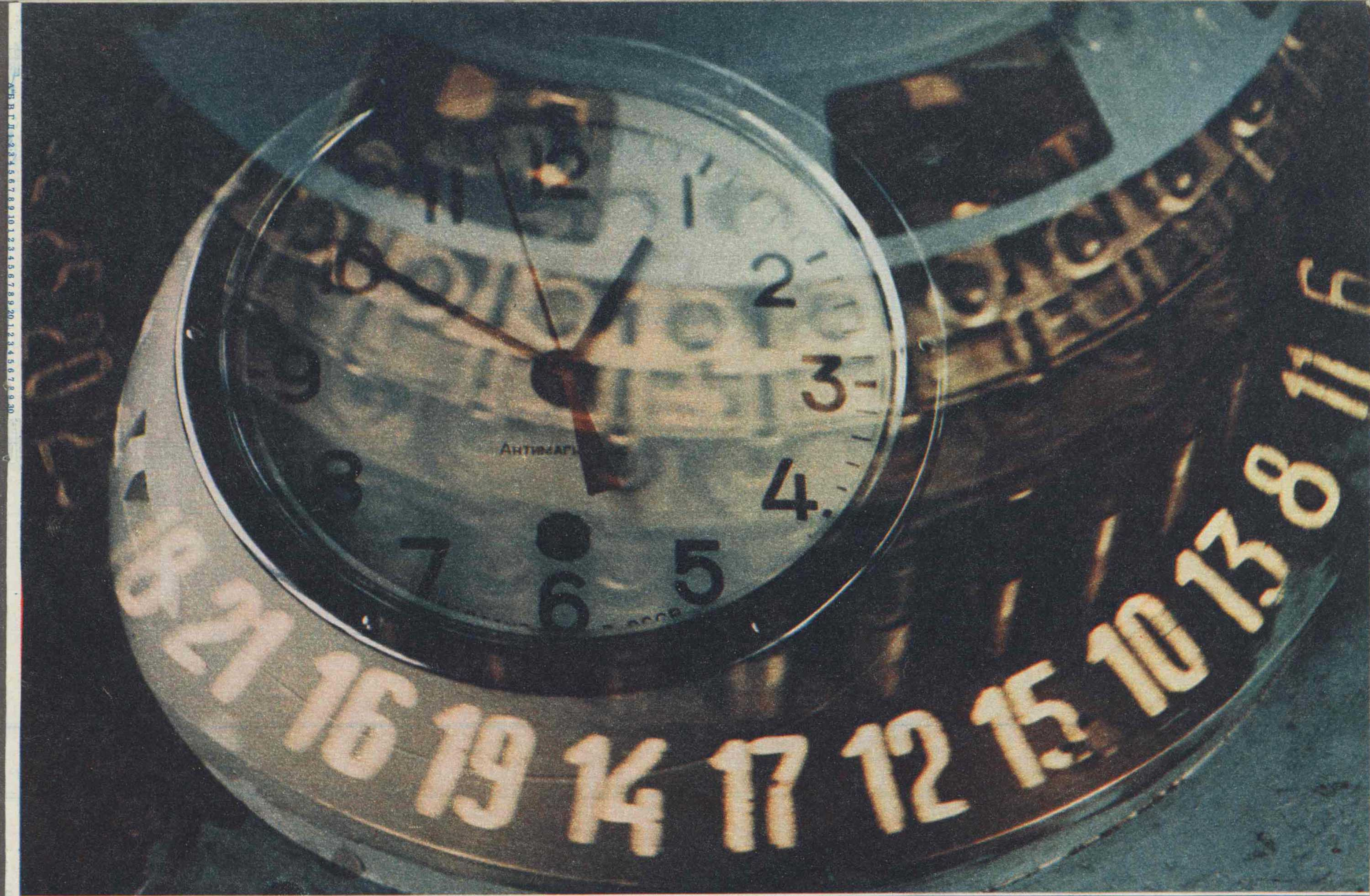
— Будьте уверены: все просчитано. Куда как экономичнее, чем импортировать. Сами отладим оснастку клапана, модернизируем форму баллона, улучшим качество наполнителей. Но это отнюдь не значит, что мы отказываемся от международного сотрудничества. Оно у нас успешно развивается с западногерманской фирмой «Шварцкопф». Сейчас мы совместно с ними начали выпускать прекрасные, с модными запахами аэрозоли «Дане». Есть договоры с французскими, австрийскими, английскими фирмами. Не говоря уже о том, что в нашем втором производстве, кроме своих, отечественных, «прописаны» лучшие ароматы мира.

Здесь, в центре запахов, утопая в волнах цветочных и фантазийных ароматов, убеждаюсь: в последней четверти нашего века индустрия запахов приобретает глобальные масштабы. Заместитель начальника исследовательского отдела Беатриса Арончик рассказывает:

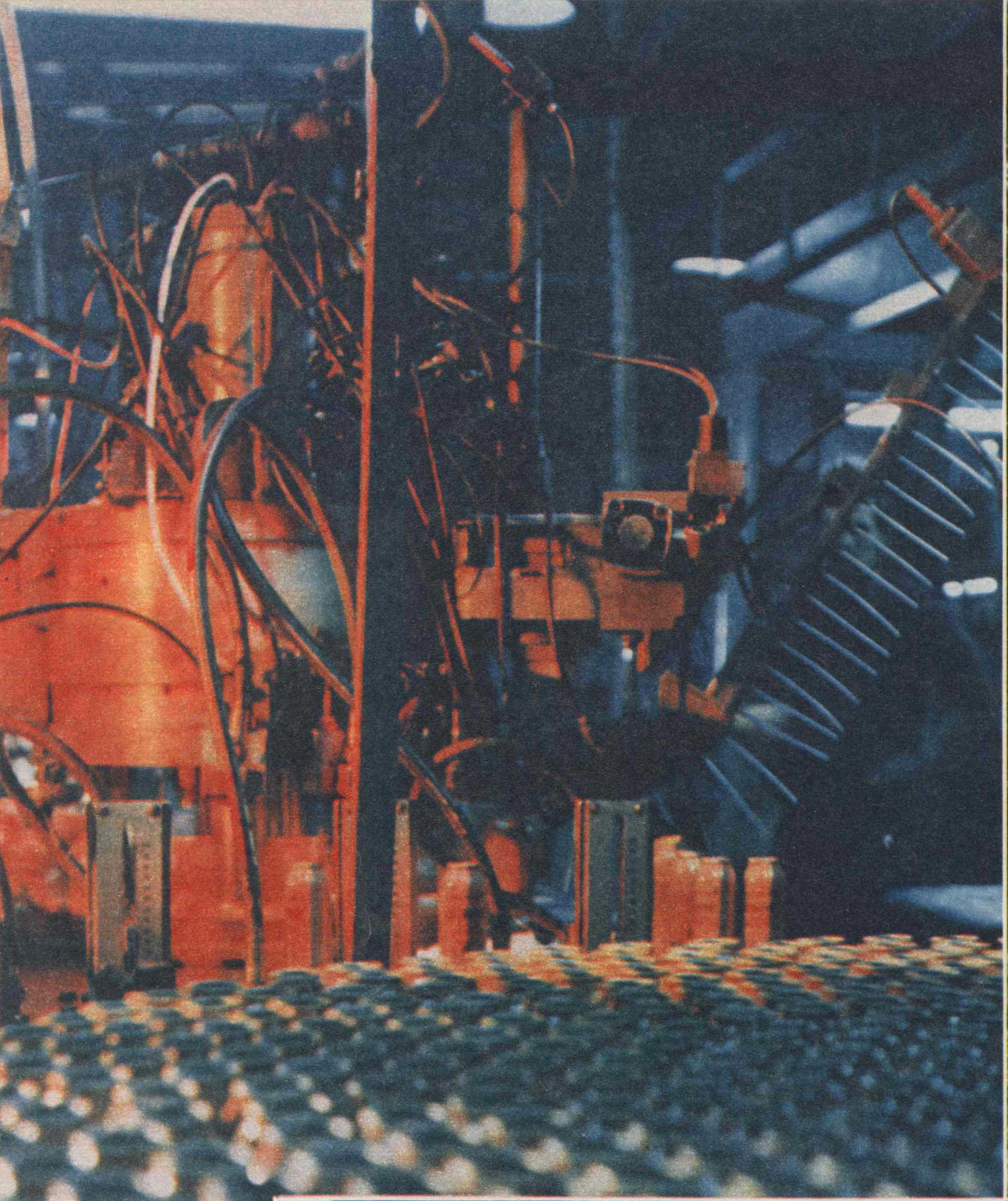
— Прежде всего хочу отметить и даже подчеркнуть самое существенное — ни одна отдушка (это компонент запаха) не выпускается без экспертизы токсикологической безопасности! И еще об одном нашем опыте: мы взяли стиральный порошок, разделили его на две части, дали разные запахи — один хороший, другой малоприятный — и попросили оценить качество стирки. Все опрошенные оценили совершенно одинаковую по качеству стирку по-разному, и вовсе не за стирку, а за запах. Нам надо очень серьезно подумать о запахах! От них зависят не только успехи экономики быта, но наше настроение и даже здоровье. Надо очень серьезно и оперативно поработать, чтобы наверстать

См. стр. 18.

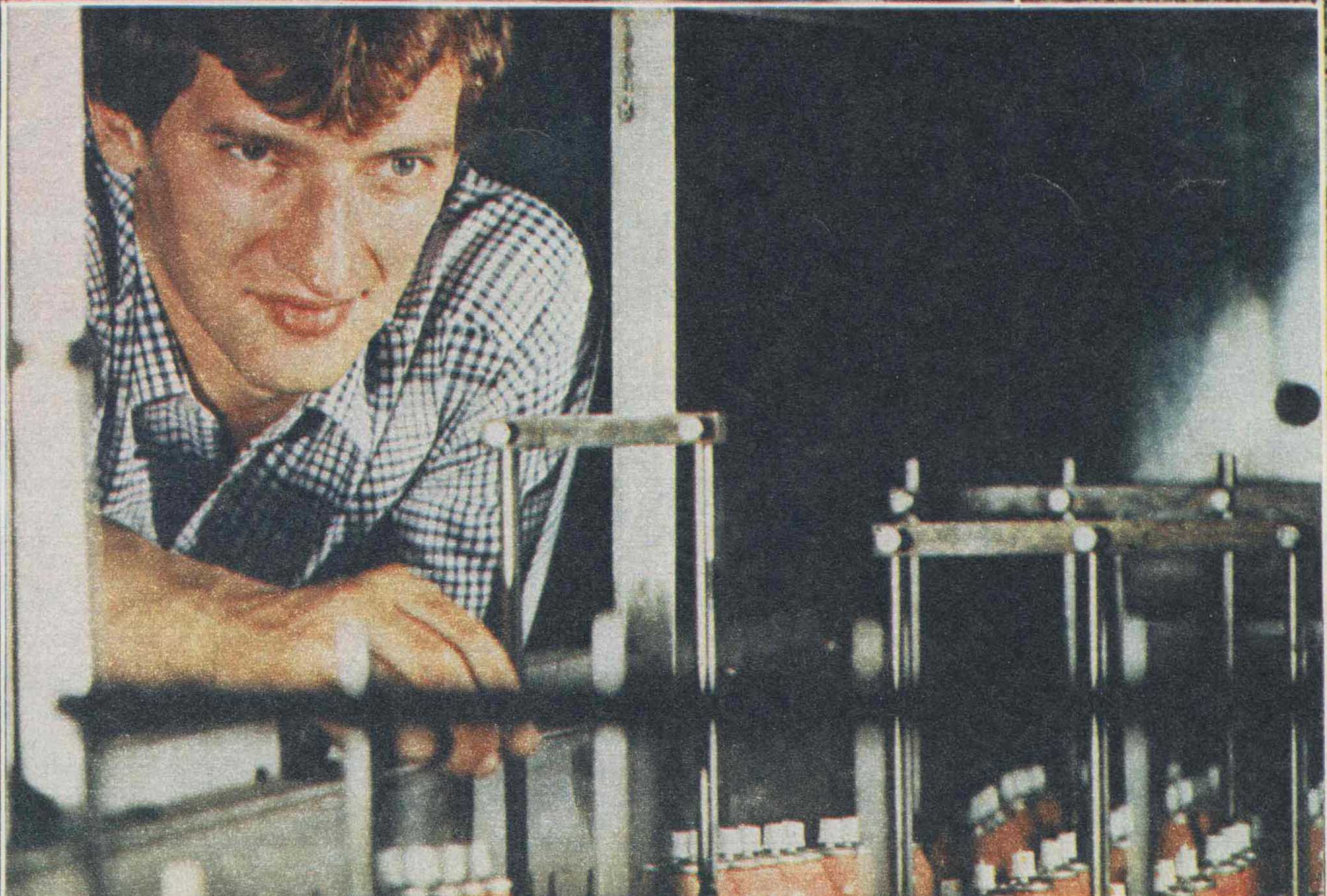
Роторно-конвейерные линии обеспечивают передовую технологию в объединении «Латвбытхим» * Забота этой инициативной группы — новизна и качество.
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Автомат наполняет баллоны душистой аэрозольной начинкой * Температурный режим контролирует М. Н. Афанасьев * Продукция рижских химиков придет в каждый дом.

ДИСКО

Ожерелье Катуни

Б. РЯЗАНЦЕВ,
фото И. ФЛИСА

Пиленые плашки не застучали под колесами, и мост не напрягся под тяжестью машины. Путь заслонила массивная тесина. Человек, однако, пригнувшись, под ней пройдет. Пошли и мы над Катунью.

Внизу свивались салатовые струи потока, мощный гон внушал уважение, красотой река восхищала.

Чуть ниже по Катуни ей добавляет голоса ручей Аскат. Над ним, на крутом взлобке укрепилась изба Дементия Титовича Шутова, который слушает здесь говорок Аската уже тридцать восемь лет. Прежде жил в Ае, поближе к Горно-Алтайску. Приехал он однажды сюда на лесозаготовки— место приглянулось. И при первой возможности перебрался в Аскат.

Впрочем, возможности определяли его руки, на которые в те годы был немалый спрос. Он и коней ковал, и колеса к своим же бричкам и ходкам делал, и сани гнул, и лодки ладил, и паромы направлял. Да только недолго плавали те лодки в своенравной Катуни. И тросы паромные струнами лопались в большую воду.

— На лодке плывешь и не ведаешь — доберешься ли,— вспоминает Ирина Константиновна Шутова.— Река играется с ней, крутит щепочкой.

Объездная дорога по тем временам — роскошь. Да и не везде ее проложишь — река меж гор катит. Особенно много теряли колхозы на молоке.

Когда в очередной раз разнесло паром в соседнем селении Анос, опять позвали Дементия Титовича. Выдали ему, как водится, материалы, лес, трос, людей подобрали. А только повел себя Шутов загадочно. Все ходил, трос щупал, прикидывал что-то, а потом и говорит: «Чем паром, лучше мост». Председатель колхоза знавал Шутова как шутника и ответил в тон. Коли так, мол, представь завтра к девяти утра проект и приступай.

На следующий день, однако, председатель с расчетами действительно ознакомился. И невдомек было ему, что подвесной мост, такой, чтоб для игривой Катуни неуязвимым оказался, давно не давал покоя Шутову. Что он его выносил в мыслях, вынянчил, построил в своем воображении и даже испытал.

Взялись восьмером и почти сработали, но Катунь, как обычно, характер показала. Пошла большая вода, сорвала незакрепленные тросы и свила их в такую тугую веревочку, что у строителей руки опустились. Идея на волоске висела. Председатель и слушать не хотел. Но помогли районные власти.

— Мы тогда загнали на мост двести пятьдесят коров и грузовик — выдержал,— рассказывает Дементий Титович.— Председатель гнев на милость сменил, инженер из облдоротдела приехал проверить, головой качает. Я ему и говорю: давайте трактор С-100, а я под мост стану...

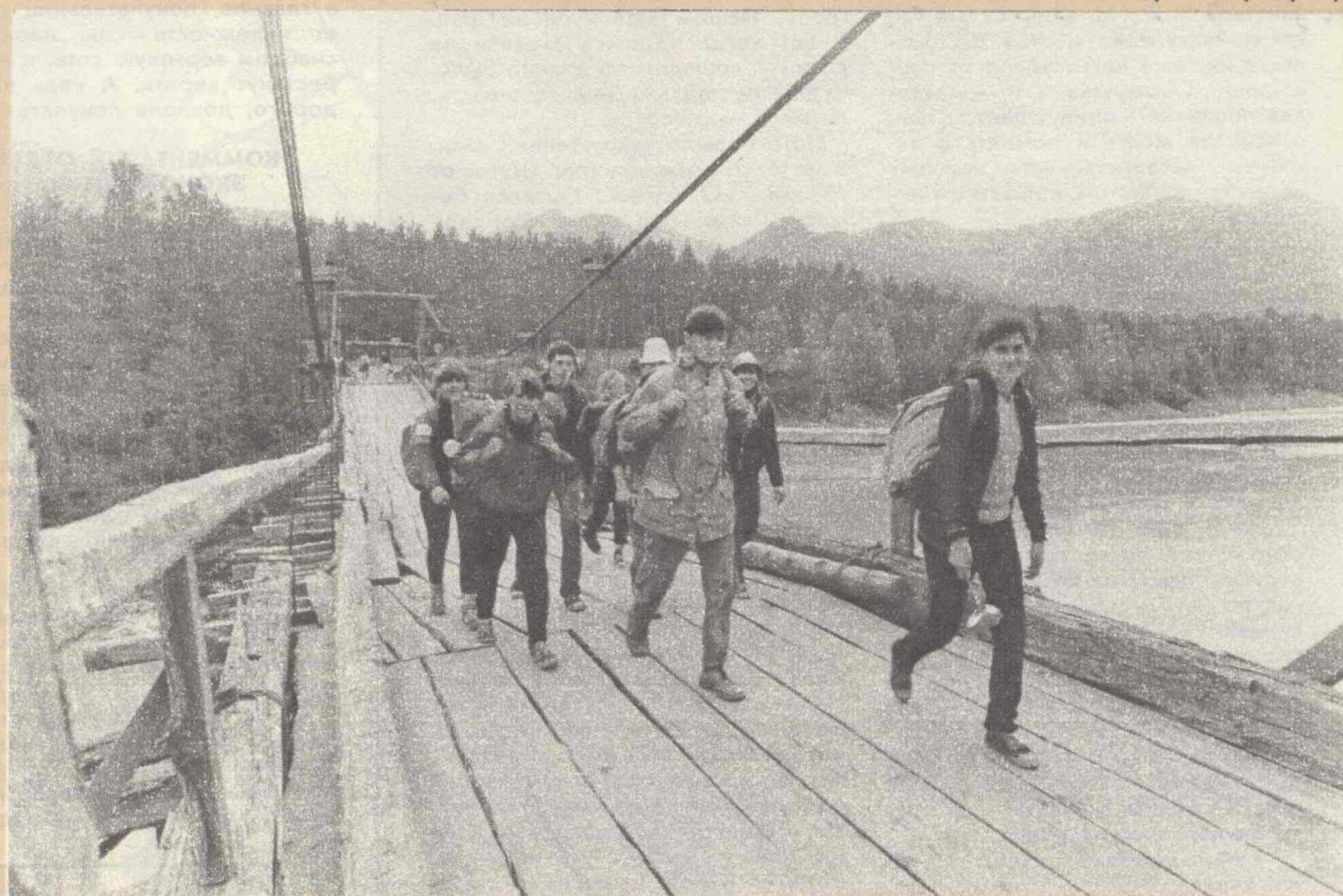
Этот первый шутовский мост простоял девять лет. В особенно сильное наводнение его повредило. После ремонта он прослужил еще семнадцать. Итого двадцать шесть лет. Недавно его опять подновляли. Да не очень удачно. Нижние тросы, по словам Шутова, бездействуют. Потому и приколотили для перестраховки тесину. А нужно-то было гайки натяжения потуже закрутить. Кроме, разумеется, замены покрытия.

Впрочем, авторское самолюбие Дементия Титовича не уязвлено. Теперь над Катунью одиннадцать подвесных мостов — целое оже-

Дементий Титович Шутов.

По аносовскому мосту.

Через Катунь-реку.

релье. Да и на других реках Горного Алтая висят. Всякий раз зовут на консультацию Шутова. И не по традиции, не из желания польстить пожилому человеку. Оказывается, мало воспроизвести конструкцию с учетом местных пропорций. Ведом старому мастеру секрет выбора места. Где грунт лучше, хотя везде тут вроде бы одинаковый, и где берега поуже, а течение не очень бойкое, до основания устоев не доберется.

Словом, не оставляют Дементия Титовича памятью. И что еще существенно — консультации его оплачиваются, что никак не вредит небольшой пенсии. Правда, оплачиваются не везде.

Скажем, так получилось в совхозе «Айский». И не вспомнилось бы, если б администрация совхоза не брала плату за пользование мостом. С пешехода — пятачок, за микроавтобус «Рафик» — шестьдесят копеек. По свидетельству контролера, в летние месяцы ежедневная выручка достигает пятисот рублей. На первый взгляд пример рачительного хозяйствования. Но ведь остальные десять катунских мостов бесплатны, а их тоже не государство возводило. К тому же мыт — мостовая пошлина — принуждает забыть о красоте моста и помнить о каком-то несвойственном нашему обществу нечистом, корыстном интересе.

Кстати, Дементий Титович за свой проект и полушки не получил. А когда строили тот, аскатский мост, выписывали ему, как бригадиру плотников, сто пятьдесят целковых. На пятнадцать рублей меньше, чем на постоянном месте работы — в леспромхозе. Это обстоятельство, в свою очередь, повлияло на пенсию. Меньше она у него, чем могла быть.

Между тем Дементий Титович относится к происходящему с завидным чувством юмора. Вспоминая о каком-либо человеке, не слишком сведущем в деле, Шутов оценивает: «Он так же в этом разбирается, как я в мостах». И это несмотря на то, что его конструкция получила признание специалистов. Вспоминая, как однажды инженеры срисовывали мост и интересовались расчетами, он будто бы невпопад заметил:

— Моя бородка восемьсот рублей стоит.

— Как так?

— А художник за свой портрет получил. Он теперь в московском главке висит вместе с фотографией моста.

Отыскать сие неведомое ведомство в столице нелегко. Да и нужды особой нет. Но почему-то кажется, что небезынтересно было бы узнать Шутову о том, как развивается его проект, над какими реками повисли такие мосты.

Тем более, что именно Дементий Титович применил эту идею на бурной Катуни — реке, каких у нас в стране немало. А во-вторых, рассчитал-то мост человек без специального образования, школой которого была деревенская кузня.

Ему восьми не минуло, когда он ходил учиться к старику из Вятской губернии. К двенадцати владел топором. А позже...

— Однажды послали родители на мельницу в Ерболой. Назад еду, а одно колесо на таратайке больше было — мешки сползают. До дома добрался и решил новое колесо согнуть. Выбрал березовые сучки и давай мудровать. Отец говорит, мол, нет, Демша, ничего не получится. Я — свое. А мать поощряет. Ну, сделал. Стал прилаживать — не лезет. Я даже в слезы. Мама и говорит: ты вот тут с веревочкой попробуй. И ведь получилось. Так и пошло. Сначала смеялись, а с пятнадцати годков просить стали: сделай. Сейчас и слепком защурюсь и сделаю...

Дементий Титович перебирал пласты долгой жизни, и мы все ждали, когда объявится намек на первый мост. В какой момент сверкнула искра замысла. Оказалось, когда такая минута возникла, то не сопутствовало ей высокое настроение открытия. Скорее, наоборот.

Отступали наши в сорок первом. Вместе со всеми отходил и сапер Дементий Шутов. Шагал по ржевской земле и, где требовалось, наводил через речки переправы. А когда дошли до Волги, под руками только трос и был. А в повозках — раненые. Горестная нужда подсказала выход.

— Разобрали сараи на берегу и положили горбыли на натянутые тросы. Пешим еще куда ни шло. А вот когда упряжки съехали на доски — лошадям по колено было. Чудом не падали. Да и то сказать, берегли мы повозки...

Потом было окружение, плен. Вместе со всеми умирал Шутов от голода. Но выжил. Пытался бежать. Попал под пулю. Но свои чудом уберегли.

Освободили Шутова союзники под Кельном. После Победы он еще полтора года прослужил в армии. А потом вернулся на Катунь. До первого моста оставалось без малого четырнадцать лет. А пока он гнул сани и колеса для телег. Цельногнутое колесо, между прочим, не всякий мастер сделает. Уходит ремесло.

— Нет, не пропадет,— уверяет Дементий Титович.— Мои сыновья умеют. Научил...

Он с Ириной Константиновной вырастил пятерых. Трое сыновей и две дочери. Старший, Григорий, живет в соседнем Аносе, слывет первоклассным механизатором. Средний, Игнатий, работает авиамехаником в Кызыле. Младший, Иосиф,— машиностроитель, кандидат наук. Сейчас строит предприятие в Алжире. Младшую дочь, Елену, тоже привлекла техника — работает в Бийске инженером-конструктором. И только Анфиса, бессменный депутат поселкового Совета Эликманара, изменила фамильному влечению — стала библиотекарем.

Да и немудрено было детям увлечься техникой, коли во дворе отцовской кузницы столько хитроумных приспособлений. Мы идем по этому двору и слушаем пояснения Дементия Титовича. Он и сам понимает, что вряд ли мы когда-нибудь сумеем согнуть простейшие салазки. Но менее подробно и менее интересно он рассказывать не может. Да и слушать его одно удовольствие.

— Нет, не пропадет ремесло,— заключает Дементий Титович.— Только вчера внук уехал. Он у меня с пяти лет на лошади. Пасем-то мы в очередь. Так парень с мальства научился коров заворачивать. Потихоньку я ему и здесь все показываю. Присматривается, постигает. Я-то уже не работник, хвораю. А объяснить могу. Может, успею поглядеть, как откует чего. А может, и свой мост построит.

Горно-Алтайская автономная область.

См. стр. 16.

ЗАБОТЛИВАЯ ХИМИЯ

упущенное, ведь до 1979 года в стране никто не задумывался о значении запахов в продукции бытовой химии. Результат: на данное время нашей стране нужно 3000 тонн препарата в год, а мы пока в состоянии дать только 400 тонн.

Но настрой на ускорение, полнокровный и энергичный, чувствуется здесь во всем. «Латвбытхим» два квартала подряд держит переходящее знамя. В начале октября генеральный директор, поздравляя свой коллектив с успехом, не преминул сказать:

— Мы научились избегать суетной погони за успехом в конце месяца. Научились начинать каждый месяц и каждый квартал в хорошем трудовом ритме. Чуточку расслабимся, забудем вкус хорошего ритма — тут же и вкус успеха придется забыть. Продукция наша в глазах покупателей, а главное, покупательницы потеряет надежность — мы неритмично снабдим торговую сеть, и нам перестанут верить. А ведь как оно дорого, доверие покупателя!

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА

Недавняя оптовая ярмарка изделий хозяйственного, бытового назначения лишний раз продемонстрировала возможности химии. И всего министерства в целом, и его предприятий и объединений: тот же «Латвбытхим», еще представительнее выглядящий «Литбытхим» (и работающий устойчивее, как сказали в объединении «Союзбытхим»), московские объединения... Чего только нет! Удобрения в удобной расфасовке, клеи «Момент» и «ПВА»; «Самоблеск», «Лак-клин», «Мухолов», чистящие и моющие препараты, дезодоранты... Богат и обилен будет химический прилавок в наступающем году...

— Не спешите с такими прогнозами,— предостерегли меня работники торговли...

— Да, не на все товары спрос будет удовлетворен,— глядя прямо в глаза, сказали товарищи из химического ведомства.

И мы начали загибать пальцы, сначала на одной руке, потом на второй: недостаточно будет клея «Бустилат», не все смогут купить чистящее средство, «Санитарный-2», заметен дефицит на хороший клей «ПВА», антифриз, аэрозоли для чистки стекол.

«Остается неудовлетворенной потребность в аэрозольных препаратах бытовой химии хозяйственного назначения»,— узнали из справки, подготовленной в объединении «Союзбытхим» по итогам той же оптовой ярмарки. И вычитали далее, что недостаток этот, неудовлетворенный спрос составит около 80 миллионов баллонов. Не тысяч, а миллионов — надо это подчеркнуть. Тут и антиэлектростатики типа «Лана», и инсектопрепарат «Прима», и освежители воздуха, лаки и краски для небольшого «косметического» ремонта автомобиля: царапину «задуть», зашпаклеванное место закрасить в точном соответствии с цветом кузова.

Просит торговля больше препарата «Крот» — он быстро прочистит засорившуюся канализационную трубу, нет в достатке того, чем удаляют накипь, мало пятновыводителей, торговля ждет от предприятий «Латвбытхима» дополнительные тонны «Дихлофоса», 500 тысяч упаковок автонитроэмалей, масло машинное. Есть просьбы и к другим объединениям и предприятиям — тут и «Ленбытхим», и «Укрбытхим», и невинномысские химики, которые мало, неохотно делают «Букет» и «Нюанс»— это освежители воздуха...

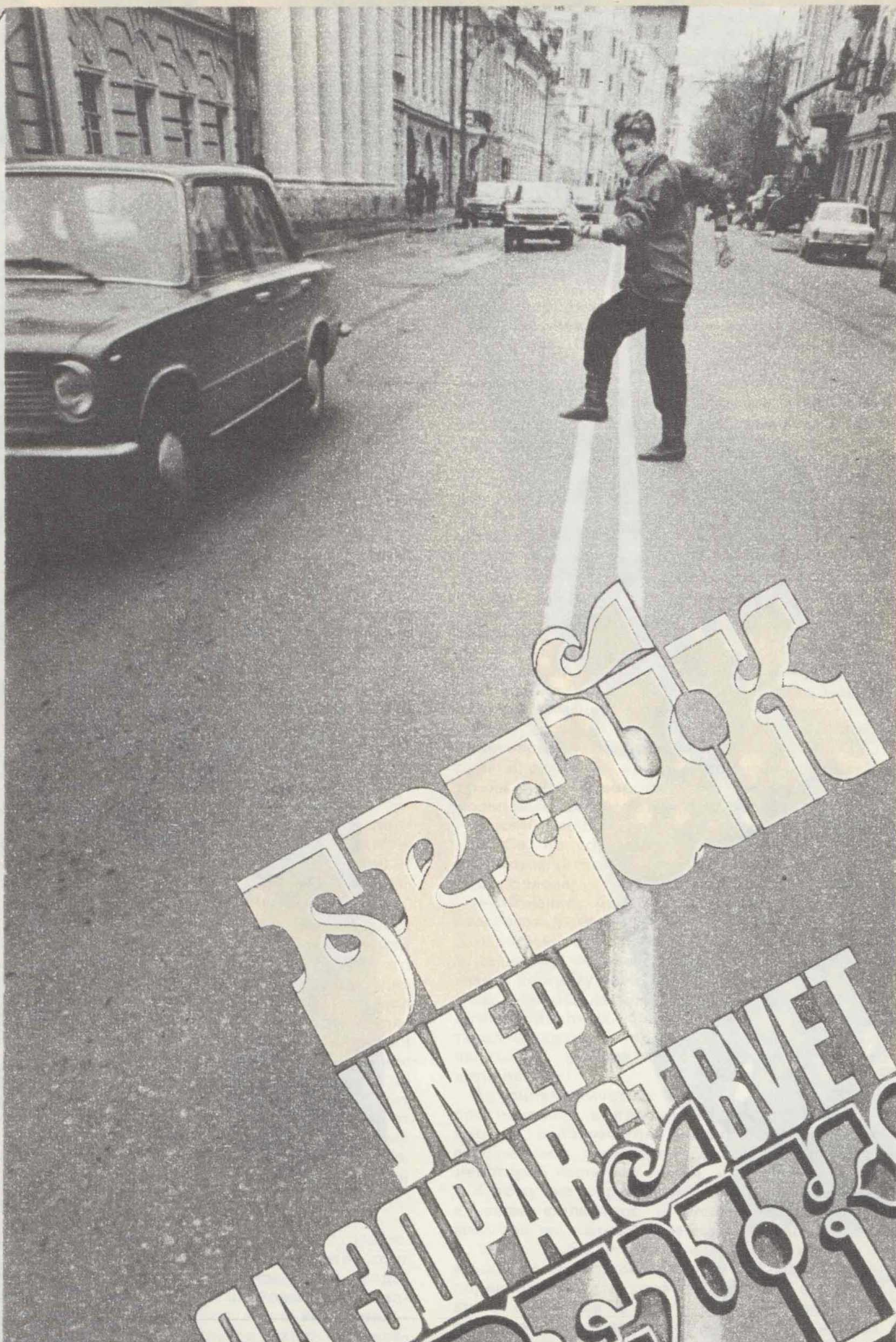
И при этом очень много изделий, которые спросом почти не пользуются. «Оксоль» производственного объединения «Тетрони», дезодоранты «Тюльпан» и «Пихтовый» объединения «Казаньбытхим». Казалось бы, снимай неходовые, ставь на поток нужный товар. Но...

Словом, «наряду с успехами есть и некоторые недостатки». Главным из них можно назвать боязнь новых изделий. Бытовая химия пребывает в кругу привычных товаров и представлений и нерасторопно осваивает новинки. Ученые создали препарат, который продлевает свежесть срезанного цветка. Но не видел я его в магазинах. Освоили «Шрифтоочиститель» — он нужен не только машинисткам, но и всем, кто пользуется пишущей машинкой. Создали, немножко выпустили и прекратили производство. Известно о таких разработках, как аэрозоль для дезодорации холодильников «Синильга», латексный клей-герметик «Акрилакс», шампунь с экстрактом элеутерококка «Веста», и с маслом фенхеля «Вербена»; средство для заделки щелей в полах и плинтусах «Карболат», клей «КС», с помощью которого можно дома подремонтировать туфли... Но это перечисление скорее теоретическое, едва ли вы найдете все это в магазинах.

У бытовой химии большой долг перед потребителем. И об этом к месту сказать сегодня, потому что, говоря об «отдельных достижениях», не следует забывать и о «ряде недостатков».

Это в духе времени.

Мода: крик и эхо

Коллаж Е. ПРОХОРОВА

Вадим КИРЮХИН,
фото Игоря ГАВРИЛОВА

Сегодня в мире молодежных увлечений чаще, чем когда-либо прежде, происходят изменения — то определенная одежда и прическа, то музыкальный стиль, то новый танец... Порой рождаются эти волны моды за рубежом, но ведь приходят к нам с вами, причем своеобразно изменяясь, в соответствии с традициями и ценностями нашего общества.

Надо ли пугаться этих «криков моды»? Не вернее ли спокойно разобраться, чем они привлекают, всегда только новизной или есть в них что-то, отвечающее действительным потребностям, характеру подростков? Об этом и пойдет речь в нашей новой рубрике: «Мода: крик и эхо».

Москва, Пушкинская площадь, 26 февраля 1986 года, часов семь вечера. В подземном переходе рядом с метро что-то яркое, громкое, необычное для зимы. Прохожие недоуменно озираются. Что это?

В этот вечер здесь состоялось «Прощание с брейком». Пришли многие. Кто знал, умел, любил... Поставили магнитофоны прямо на асфальт, танцевали, время от времени выкрикивая: «Прощай, брейк! Брейк умер!» Я спрашиваю ребят, как же организовали такое мероприятие.

— Да что там,— говорят,— все же знаем друг друга, вот почти все и пришли.

— И что же будет теперь? Вместо брейка?

— Теперь степ. Вы разве не знаете?

Итак, брейк умер. «Как же,— спросит кто-то,— он и родиться-то как следует не успел. Только начал появляться по телевизору, и к названию-то едва привыкли... Стоит ли тогда о нем говорить?»

Брейк, разумеется, жив. Правда, существует он теперь вдали от наших глаз — кое-где на дискотеках, в клубах, молодежных кафе. Взрослому попасть туда трудно, а если уж попадет, то могут и не показать — вдруг он проверяющий какой или там «общественный товарищ». Можно увидеть брейк и на сцене, но значительно переработанный, «отредактированный».

И говорить о нем стоит, потому что брейк — явление, не пустяк. У него и сегодня много поклонников, но не из тех, кто первым подхватывает модные веяния, а потом так же легко забрасывает их в пыльный угол в обмен на новые. Его поклонники сегодня — люди, испытанные невзгодами, доказавшие приверженность своему танцу на деле. И разве не заслуживают они интереса?

Поэтому и решили мы сегодня собраться в каком-нибудь кафе и поговорить о том, что такое брейк. Располагайтесь, уважаемый читатель, вместе с нами. Знакомьтесь: на нашу встречу пришли народный артист СССР Вячеслав Гордеев; Владимир Рацкевич, руководитель брейк-группы «Вектор»; Ирина Скобелева, руководитель ансамбля «Лидер»; Андрей Борисович Дрознин, преподаватель сценического движения театрального училища имени Щукина и школы-студии МХАТа, хореограф-постановщик; Елена Ким, руководитель ансамбля пластического танца «Синтез».

В разговоре также примут участие и другие посетители кафе, люди случайные и непосредственно к брейку отношения не имеющие. Признаюсь, это вымышленные герои, но их вопросы, суждения — истинная реальность, сконцентрировавшая непонимание, неприятие, протест, с которым довелось столкнуться во время подготовки этого материала. Его высказывали и простые люди, и руководящие товарищи, призванные работать с молодежью, и даже специалисты по культуре. Мы назовем их просто: посетители А, Б, В...

Первое слово — Владимиру Рацкевичу:

— Брейк родился примерно четыре года назад на улицах Южного Бронкса, одного из самых бедных кварталов Нью-Йорка, записав тем самым еще одно очко по части эстрадных изобретений на счет американских негров.

Музыка брейка ритмически намного богаче рока и еще более интенсивна. Ритм определяет здесь все настолько, что гармонические темы, исполняемые на синтезаторах, оказываются лишь дополнениями.

Посетитель А:

— А часто эта музыка и вовсе на музыку не похожа. Шум, гром. Мелодия или убога, или отсутствует совсем...

Рацкевич:

— Верно. Именно так она слышится человеку со стороны. Но в нее нужно вслушаться, к ней нужно прийти через джаз, рок-н-ролл, рок. Активно используя синкопы, музыка брейка бесконечно импровизирует в ритме. В этом она ближе джазу, джаз-року. Музыка и танец — это единый организм брейка, и именно в музыке заложены основные его пластические особенности.

О пластике мы просим сказать несколько слов Вячеслава Гордеева.

— Главное в том, что брейк нашел, выработал в себе новый ритмический рисунок и как результат специфическую экспрессию, которая-то и воздействует так ошеломляюще на всех нас. Ведь многие элементы, которыми он пользуется, взяты из пантомимы, цирковой акробатики и по отдельности уже почти никого не удивляют.

Само слово «брейк» переводится как «ломать». Что ломать? Ломать привычную линию человека, традиционные формы его пластического существования. А отсюда и угловатость, надуманность, аффектация движений. Это в конце концов молодежный танец, и озорной, и пародийный.

Мне кажется, что наиболее органичен он для тех, кому пятнадцать — двадцать. Но вот какая вещь получается — именно в этом возрасте молодежь сильнее всего ощущает свою зависимость. И когда, например, кто-нибудь из старших замечает, что молодой человек в танце двигается, как робот, или «бьется», словно в разрядах электрического тока, ему не терпится применить свою власть взрослого. А ведь это всего лишь средства танца. Неужели он так пугает нас оттого, что непонятен?

— Все в конечном счете зависит от исполнителя, что он выражает и с какой целью.— Слово берет Андрей Борисович Дрознин.— Любое произведение всегда оказывается окрашенным личностью исполнителя.

Например, во время работы над спектаклем «Вестсайдская история», поставленным в школе-студии МХАТа, мы попросили молодого композитора Михаила Чекалина написать для нас музыку в стиле брейка. Нам нужна была агрессивная, жесткая тема улицы, четко противопоставленная вокальным партиям. Михаил уловил наши желания, но, когда он принес сочиненное, мы просто испугались. Никто не мог и представить, насколько музыка может быть страшной... Нам пришлось отказаться от этой, несомненно, талантливой работы, потому что пугать зрителя в наши планы не входило, но я, например, до сих пор поражен такой эмоциональной силой.

Посетитель Б:

— Вот вы сами говорите, что это страшно. А что же тогда в брейке хорошего, что стоит защищать? Разумеется, он помог вам в создании сценического образа и, может быть, заслуживает внимания как средство выразительности. Но как общественное явление, явление улицы это вредно. Брейк разжигает в молодежи агрессивность, пропагандирует культ силы.

Дрознин:

— Вижу, вы согласились с тем, что брейк — средство выразительности. Так давайте смотреть шире.

Мы использовали брейк, чтобы выразить на сцене проблемы молодежи, ритм ее сегодняшней жизни. Но и за информацией об этом стиле мы обратились к ним самим, потому что никто в труппе так и не знал точно, что это такое. Нам пришлось брать уроки у ребят из кафе «Кронштадт». Два месяца они приходили к нам на репетиции. В результате этого общения выяснилось: для них брейк — прежде всего средство самовыражения.

Почему, например, мы препятствуем развитию брейка? Вот ведь в некоторых странах этот танец стал своеобразной заменой других физических форм соревнования среди молодежи. Создаются целые команды. Танец превратился в спорт — захватывающий, раскованный, динамичный,— в котором можно «перетанцевать» команду противника. Пусть у нас он в спорт и не превратился, остался танцем, но он все равно прекрасно развивает физически и если вызывает неприятие того, что выражают в брейке некоторые его исполнители, значит, нужно воспитывать самих исполнителей, а не запрещать танец. Не он в этом виноват.

И потом брейк в первую очередь принадлежит самой молодежи, это ее язык. И если мы хотим увидеть их ближе, узнать про них больше, нужно прислушиваться, а не затыкать им рот.

Посетитель Б:

— Но почему бы им не говорить нормальным, человеческим языком? Нет, все стараются на каком-то иностранном. Чем он их привлекает-то? Тем, что моден?

— Тем, что современен,— вступает в разговор Ирина Скобелева.— Стремительный темп жизни, резкие переходы от трагических моментов к комическим, контрастность восприятия жизни отдельным человеком определяют ритм, темп танца с резкими остановками, фиксациями позиций.

Спешка, занятость, сокращение времени для общения между людьми становятся признаками нашего времени. Когда-то общая песня, с ее большой эмоциональностью, пронизывающая поющих единством чувства, сегодня заменяется просто прослушиванием кассет. На танцплощадках редко танцуют парами, больше каждый сам по себе, внутри себя. Танцы — шейк, твист, диско — это танцующая группа, здесь нет солистов. Потому-то и темнота в зале — вроде бы все вместе, но все же каждый по отдельности, не нуждаясь ни в ком.

В брейке важно не только виртуозное исполнение танцевально-трюковых элементов, а в первую очередь проявление своей индивидуальности. Танцующие как бы разговаривают друг с другом, идет пластический диалог. Брейк — это новое слово в массовом танце, возвращающее его вновь к общению.

Посетитель В:

— Да, но социальные корни! Где социальные корни этого танца в нашем обществе?

Скобелева:

— Конечно, брейк зародился в беднейших кварталах американских городов неспроста. Это социальный протест против равнодушия к отдельному человеку. Таким ярким по пластике и костюму танцем можно удивить, остановить, хоть на несколько минут привлечь внимание прохожих. Он и танцуется там не на танцплощадках, а прямо на улицах, нередко являясь и единственным способом самоутверждения.

В социалистических странах, где нет таких противоречий в положении людей, брейк не протест, а «отпечаток» нашего времени с его проблемами, дефицитом духовного общения некоторой части молодежи.

К тому же черты этого танца можно найти в нашем фольклоре. В русском танце, например, так же как и в брейке, из общего круга в центр выбегают отдельные исполнители и «выдают» свои коронные номера. Здесь царит соревнование, кто кого перепляшет, а за счет этого создается и вся атмосфера танца, веселье, радость единения людей. Даже некоторые трюки брейка на полу похожи на коленца русского трепака, украинских «ползунков».

Если говорить об истоках, то заметна и некоторая связь роботизированной пластики этого стиля с танцами «машин» на эстраде двадцатых годов. Использование в брейке чисто бытовой пантомимы (стенка, шаги вперед и назад, канат, мяч) напоминает танцы и массовые гимнастические выступления на производственную тему. Механизация вообще сильно отразилась в современных танцах. Существовал даже балет «Болт» на советской эстраде. Исполнители показывали отдельные процессы работы — кладка стен, передача кирпича, удары молота... Это всегда жило и в народных танцах, имитирующих трудовые процессы — прядение, сеяние, работу серпом... Просто сам труд изменился.

Брейк — это современная форма, построенная по законам нашего времени. Именно в этом секрет его привлекательности и для молодежи, и для хореографов, танцоров.

Посетитель Г:

— Простите, но, по-моему, больше уже не секрет? Ведь вы же сами сказали, что брейк умер.

— Давайте уточним.— Слово берет Елена Ким.— И прежде нужно разобраться, кто же все-таки его поклонники. Я бы разделила их на три большие группы. Первая — представители «уличного брейка». У нас это молодежь, танцующая его на дискотеках, в кафе,— самодеятельные исполнители. Здесь все происходит по законам массовой культуры, исполнительский уровен низок, а по части восприятия можно рассчитывать разве что на интуицию.

Другая группа состоит из профессиональных брейкеров. В Москве это коллективы «Вектор», «Союз», «Меркурий» и некоторые другие, хотя не у всех, конечно, одинаково высокий уровень.

Третья группа — это коллективы более широкого пластического профиля, которые приняли брейк и сочетают его с другими хореографическими формами; к этой группе относится и наш коллектив «Синтез».

Интереснее всего особенности брейка проявляются у профессионалов. Именно они главные носители, распространители, «теоретики и философы» стиля. Так называемых любителей привлекает каждый раз что-то новое, но лишь только мода изменилась, как всех их и след простыл.

Брейк прошел свою первую стадию, былые его бесчисленные почитатели разлетелись, и именно сейчас начинается его серьезная жизнь. Сейчас мы наконец можем посмотреть, как он воздействует на человека, что ему дает.

Посетитель В:

— Вот-вот. Взгляните на брейкеров со стороны. Крашеные волосы, неряшливая, пыльная одежда, застывший взгляд. Разве так должен выглядеть человек нашего общества? Разве может девушка, выделывающая что-то непонятное на полу, сохранить женственность, притом что вообще непонятно, кто из них девушка, а кто — парень.

Ким:

— Чтобы так говорить, нужно хорошо знать этих ребят. Я, например, знаю молодых людей, которым брейк помог не только определиться, найти свое жизненное назначение, но и выпутаться из дебрей собственной судьбы. Некоторые теперь собираются стать профессиональными артистами.

Вы спросите, как это произошло? Да очень просто. Первое — это сильнейшая эмоциональность брейка. Можно принимать или не принимать его, соглашаться или возмущаться, но если вам довелось оказаться среди зрителей, невозможно остаться равнодушным. Он потрясает и вовлекает одновременно.

Когда же начинаешь танцевать брейк, неожиданно замечаешь какую-то комфортность, естественность существования в нем. Это новая форма пластического мышления, в которой можно выразить все, нужно только знать, уметь, как. Овладевая ею, человек становится свободней, по-другому воспринимает музыку, ритм.

Это настолько увлекательно, что через некоторое время танец почти полностью захватывает своего поклонника. Постоянное совершенствование — без этого нет брейка.

Еще один важный момент — брейкеры не употребляют алкоголя. Помимо того, что пьяным невозможно танцевать, им просто этого не нужно. Сам танец помогает освободиться от закомплексованности, зажатости, неудовлетворенности, что часто подталкивает подростка к выпивке. Брейк помогает им жить.

Наш разговор подходит к концу. Можно было бы говорить о брейке еще и еще, но, к сожалению, кафе закрывается и нас просят расходиться.

В заключение хочу привлечь внимание читателей к тому, что брейк жив. Он существует и как молодежное увлечение, и как стиль в профессиональном искусстве. На мой взгляд, это попытка одухотворить мир машин, отыскать гармонию в нашей автоматизированной, компьютеризированной жизни.

А что же степ, или, говоря проще, обыкновенная чечетка? Станет ли этот «вскрик» моды новой проблемой или, как очередной вздох в стиле «ретро», вскоре забудется? Трудно прогнозировать, но будем внимательны: молодость ищет свои формы досуга. Поиск этот — явление объективное. В нем будут успехи, возможны и неудачи.

Но мы можем помочь ему, поддержав перспективное, важное для воспитания молодежи, для понимания мира ее ценностей.

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Работая за границей, журналист-международник Ростислав Знаменский проиграл деньги, выданные ему на приобретение автомашины. Знакомцы, оказавшиеся разведчиками, дали Ростиславу под расписку деньги, а затем стали вербовать его для шпионской работы. Знаменский рассказал об этом в советском консульстве, его отозвали из-за границы. Он остался без работы, был исключен из партии. Только друг по институту международных отношений Захар Чижов протянул Ростиславу руку помощи, порекомендовав его на работу в Туркмению. В Ашхабаде Знаменский сразу же подружился с бывшим следователем по особо важным делам Аширом Атаевым. Нина Чижова, которая когда-то была влюблена в Ростислава, знакомит его с городом. Зайдя с Ниной на почту и получив телеграмму от жены, Знаменский понял, что она не хочет ехать в Ашхабад.

12

В пивной, в павильоне из пластика и стекла, загустела вонь. Тут и минуты нельзя было продержаться. А вот держались мужики, потягивая пивко.

— Ну и разоделся!— встретил Знаменского Ашир.— А я знал, что ты сюда заглянешь, взял для тебя кружечку. Пей! Подвинуться, кунаки!

Он стоял у высокого стола, у залитой пивом и заваленной рыбьими ошметками поверхности из пластика.

— Может, не стоит?— Знаменский нерешительно взял кружку, поднес к губам, унюхав рыбью вонь от стекла.

— Ну, не пей!

Знаменский поспешно поставил кружку, отодвинул от себя.

— Может, уйдем отсюда?

— Ну, уйдем.

Вышли на шумную улочку, где, оказывается, расчудесный жил запах близкого базара, дыней пахло, виноградом мускатным, дымком жаровень. И не так уж было жарко, оказывается. Если плохо тебе, человек, загляни в еще худшее, и тогда назад потянет, как к радости. Таков всеобщий закон.

— Как после вчерашнего? Вижу, умеешь пить. А я думал, развалишься. Нет, обучили по заграницам.— Ашир насмешливые, в прищуре, косил на Знаменского свои угольные, без белков, глаза.— А зачем так вырядился? На службе был? И кто же ты теперь?

— Референт без дела.

— Но в МИДе?

— Да, в вашем.

— Все-таки... А я вот безработный.

— Рассказал бы толком, что все же с тобой стряслось. Галдели, галдели мы вчера, но больше про себя и для себя.

— Правильно говоришь. Мысли-то рвут башку. Надо их выпустить, надо их в звук превратить. Вот этим вчера и занимались.— Ашир вдруг стремительно оглянулся, прикрыв ладонью глаза.

— Что ты оглядываешься?

— Спина велит.

— Куда пойдем?

— Лучше бы к тебе, к Дим Димычу. Светлана Андреевна сегодня выходная, раз вчера дежурила. Погляжу на нее. Я в нее влюблен. Вдруг да подсядет к нам. О, она строгая! Не всегда такой была. Ну, какой она была! Ай, какой она была! Но теперь улыбки не допросишься.

— А почему?

— Заинтересовала? Стенка в стенку теперь будете жить. Завидую тебе.

— У нее, что же, своей квартиры в Ашхабаде нет?

— Все у нее есть. Нет, я тебе не завидую. Когда такая женщина рядом, только труднее дышать. К ней руку не протянешь. Ты пошутил, а у нее презрение в глазах. Бежать надо от такой. Но, может, подсядет сегодня? Я для нее никто, еще хуже, чем никто. Она запрещает мне даже смотреть на нее. Раз закричала на меня, чтобы не смотрел. «Все вы одинаковые!»— крикнула. Я ее понимаю, я ей все могу простить. Я вел ее дело.

— Господи, и у нее что-то не в порядке?!

— А я ее люблю. Слово даю, пошел бы за ней на край света.

— Есть еще и подальше Ашхабада край?— усмехнулся Знаменский.

— Есть. Ну, приглашаешь к себе?

— Пошли. Но тогда надо прихватить что-нибудь.

— Прихватим в «Юбилейной». У меня там буфетчица знакомая. Вел ее дело.

— Буфетчица? Так ты же по особо важным был.

— Женщины, учти, всегда в особо важные влипают дела. Без женщин таких дел и не бывает.

— А у Светланы Андреевны тоже особо важное было?

— Следователи не болтливый народ, учти. Про себя можно, про других молчок. Пешком идти долго, в троллейбусе надо ехать. Пошли к стоянке. Побежали! Вон троллейбус!

На стоянке, когда подбежали, толпился народ, все больше женщины, потные, с большими сумками, хурджумами из шершавой, жаркой и на глаз ткани. А троллейбус, когда подкатил, когда раздвинулись неохотно его двери, таким жаром дохнул, столько в нем людей было, что сунуться в его нутро показалось Знаменскому делом невозможным.

— Поехали на такси!— ухватил он за рукав Ашира, ринувшегося было к дверям.

— Совсем ты у нас бай, Ростик Юрьевич,— сказал Ашир и вяло поднял руку, шагнув на проезжую часть.— Когда отвыкать начнешь?

Машины проносились мимо, не было среди них такси. Но вот и мелькнул зеленый огонек, но тоже промчался мимо.

— А, будем час тут стоять!— сказал Ашир.— Наши таксисты любят сами себя катать.

Но проскочившее такси вдруг остановилось, а потом — о чудо!— начало пятиться к ним, а водитель, когда машина встала, перегнулся и распахнул дверцу.

— Прошу, Ашир Атаевич!

— А, знаешь меня?— зорко глянул на водителя Ашир.— Поехали, Ростик. Знакомый человек приглашает. Знакомство — великая сила.

Уселись позади водителя, машина рванула, старенький это был драндулет, разболтанный, выцветший и извне, и изнутри, но поджарый, горбоносый шофер был похож на джигита, он и был джигитом, и машина слушалась его, трепетала и рвалась, как старый, а все-таки ахалтекинской породы конь.

— Куда, Ашир Атаевич?— спросил водитель и вдруг быстро, негромко еще что-то спросил по-туркменски.

— К «Юбилейной» подскочи,— сказал Ашир.— Он меня спрашивает, Ростик Юрьевич, почему я такой... Слушай, друг, сейчас говори со мной по-русски. Он мне сочувствует, я так думаю. Ну, пью, полоса такая.

— Вы вели мое дело, Ашир Атаевич,— оглянулся водитель, глянув вскользь и на Знаменского. Аширу его зоркие, тоже в уголь глаза подарили уважение, по Знаменскому скользнули с любопытством.

— Я так и подумал. Вспомнил тебя. Не твое я тогда дело вел, Чары, ты в чужой арбе оказался.

— Спасибо вам, справедливый человек. Все искал вас по городу, в персональных машинах высматривал, думал, в гору пошли, а вы...

— Кто в гору идет, тот и сорваться может. Не жалей, не жалей меня, джигит. Машина почему такая старая?

— Честно работать хочу, потому. Тому дай, тому сунь — тогда на новенькой «Волге» покачу. А два года? Я их не забыл. Слушай, прости, Ашир Атаевич, зачем пьешь? Зачем такой? Нам хорошие люди нужны. Зачем ты так? Прости, пожалуйста.

— Что тебе сказать? Следователь — вредная работа, друг, опасная работа. Попью немножко и остановлюсь.

— Обещаете?!

— Не обещаю. Надеюсь... А тебе за сочувствие хочу дать совет. Как бывший следователь. Бывший...— Ашир замолчал, будто забыл, что посулил что-то посоветовать, он замолчал, замкнулся, понурился.

Машина остановилась на тихой, в ухоженных деревьях улице, где по правую руку стоял осанистый современный дом с лоджиями, с внутренним двориком, видным за нарядной решеткой, где рдели розы, а по левую руку тоже осанистое протянулось здание из бетона и стекла, за которым зелеными зарослями начинался ботанический сад.

Вышли из машины, Знаменский протянул водителю трешку, но он ни Знаменского, ни его денег не заметил, он на Ашира смотрел, все ждал, что тот ему скажет. А тот уже отошел от машины, далеко отошел, идя, пришаркивая, сутуло, и вдруг обернулся, распрямился, крикнул:

— Честный человек, Чары, самый богатый!

Чары, невысокий, сухой, воистину наездник, подобранный, быстрый, вскочил в машину, как в седло, рванул ее с места в карьер, пришпорив и прикрикнув, развернул без всяких правил, промчался мимо Знаменского, радостно чему-то скалясь.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—42.

— А деньги?!— Знаменский взмахнул трешкой.

Промчалась машина, умчалась.

13

— Куда?!— крикнула из-за стойки женщина, когда Ашир переступил порог ее владений, а это был зал, стены которого были обшиты деревом, паркет сверкал, а оконные стекла, которых тоже было тут в избытке, были обряжены будто в нарядные юбки, сперва кисейные, а потом парчовые.

После зловонной пивной этот зал показался Знаменским дворцом. И здесь прохладно было, откуда-то шел ровный, спасительный гул кондиционеров. Вдали, где мерцала зеркальная стойка, где и стояла строгоголосая женщина, лица которой было не различить, там в пестрый ряд выстроились еще и конфетные коробки, трогательные мишки на Севере, ромашки российские, желтое поле колосящейся пшеницы — Родина встала в глазах, сложившись из этих коробок.

Но Ашир спокойно шел, пришаркивая, к стойке.

— Куда?! Куда?!— чуть поубавила голос женщина, все внимательнее всматриваясь в Ашира, даже через стойку перегнулась.— О аллах! Ашир Атаевич, это вы?..

— Я, я, Роза-джан. Не узнала сперва?

— Да как же я могла вас узнать, Ашир Атаевич?!— Женщина выбежала из-за стойки, кинулась к Аширу, руки сведя ладонями, замерла возле него.— Я слышала, в городе говорили, но... Но я не верила, Ашир Атаевич, я и сейчас не верю. Может быть, вам деньги нужны? Скажите только. Я кольца продам, серьги... Все с себя сниму!..

Это была пожилая, поблекшая женщина, но еще продолжавшая воевать с наступившей старостью: выкрасилась, став красно-рыжей, брови подведены, губы щедро подмазаны. Но ведь жара. И весь этот грим чуть потек, а красно-медная высокая прическа сбилась, устали старые волосы держать фасон. На пальцах кольца, в ушах сережки, на морщинистой шее золотая цепочка, платье из дорогих, сразу видно, хоть и явно жарковатое, не по сезону. А в черных глазах выбелилась и старость, и усталость. И в эти старые глаза сейчас набежали слезы. Лицо женщины, зажив сочувствием, старушечьим становилось под молодящим ее гримом.

— Ничего такого продавать не надо, Роза-джан,— попытался улыбнуться Ашир.— А продай-ка ты нам пару бутылочек, какой-нибудь еще закуски на вынос, вот и все. Мой коллега заплатит, деньги у него есть. Пока. Кстати, познакомьтесь. Это, Ростислав Юрьевич, знаменитая наша Роза-джан! Ну, что было, то было, а сейчас она внуков воспитывает и в этом буфете работает через день. И все копеечка в копеечку. Не смотри на меня так, Роза-джан! А это наш новый ашхабадец, Ростислав Юрьевич Знаменский. Ну, что было, то было, а сейчас он с нами. Да, да, Розочка, в городе тебе все правильно сказали... Выгнали меня с работы, отказали в доверии, знаешь ли, да, да, говорят, что я взятки брал... Веришь?

— Нет! Это неправда!— Женщина гневно выпрямилась, шагнула даже к дверям, будто кинуться хотела куда-то, чтобы немедленно опровергнуть эту неправду.— Я сама вам предлагала! Знаю, и другие предлагали! Разве вы взяли?! Про вас и молва такая шла: «Не берет!» Оговорили вас, Ашир Атаевич!— Она приблизила к нему свои в потеках туши плачущие глаза.— Почему?..

— Длинный разговор, Роза-джан, ненужный разговор.— Ашир устало подсел к столу, рукой поддержал голову, вдруг устав безмерно.— Дай-ка нам чего-нибудь, иссох совсем.

— Сейчас! Сейчас!— Она кинулась к стойке, рванула дверцу холодильника, спеша, спеша, будто за спасительным кинулась лекарством.

Хлопнула пробка, вырвавшись к потолку, излилось радостной пеной шампанское, и вот запенились бокалы на столе перед Аширом и Знаменским. И они начали глотать этот праздничный напиток, а буфетчица, смаргивая слезы с тушью пополам, со стороны смотрела на них, старую руку с кольцами подведя под подбородок.

— Это с какой такой радости льется тут шампанское?!— раздался громкий, напористый, отчетливо сановный голос.

На лестнице, спускавшейся в буфет из гостиничных покоев, картинно встал полноватый, вернее, дородный мужчина в той загадочной поре, когда, если издали глянуть, и пятьдесят человеку может быть, а может, и под семьдесят. Он одет был вольготно, по-домашнему, в какой-то рубашке-апашке, в штанах явно пижамного происхождения, ноги в шлепанцах. А разве он здесь не у себя дома? Сановно выпирал из-под рубашки живот, совсем худым и неловко быть, когда обременен ты властью, а то, что человек был наделен властью, в этом усомниться было невозможно. Он так и оделся наипростейшим образом, выходя на люди, что ему дозволена подобная простота, наперед прощалась ему. Но лицо... После этих шлепанцев, уверенно попиравших ступени, живота начальственного, голоса сановного и лицо ожидалось под стать — округлое, щекастое, увы, самодовольное. Нет, не такое у человека было лицо. Неожиданным оно оказалось. Странно смуглое, оливковое, с запавшими щеками, с отеками в подглазьях. Больное лицо. Что голос? Что осанка? Как ни оденься, как ни прикинься, а лицо твое, человек, оно про все расскажет.

Важно переступая, чуть растянув губы в приветливой в меру улыбке, кивнув коротко хозяйке буфета и еще короче этим двум, что пили шампанское в такую-то жару, зорко, цепко оценив каждого взглядом, не удивившись здесь Знаменскому, то есть человеку под стать этому месту, и изумившись его сотоварищу, человеку, по внешнему виду для сих мест неприличному, мужчина подошел к буфетной стойке, пальцем маня к себе буфетчицу.

— Роза Халимовна, нарзанчик мой, прошу вас.— Он позволил себе благосклонно оглянуться.— Эх, завидую вам, молодые люди!

— Проездом из Байрам-Али?— спросил Ашир.

— Как угадали?

— Да уж угадал. Не пейте нарзан, уважаемый товарищ. Попросите у Розы-джан стаканчик мацони, снимите пленку, там сыворотка будет, вот это и пейте.

— Откуда вам известно, что мне не показан нарзан? Вы врач?

— Да уж известно. Нет, не врач.

— Личным опытом делитесь? Тогда отчего же вы с утра хлещете эту отраву, если у вас почки не в порядке?

— У меня почки в порядке.— Ашир долил себе в стакан, выпил, нарочно утерся рукавом, насмешливо буравя сановного мужчину своими дульцами.— Вот почки у меня в порядке. Сердце — тоже. Легкие — тоже. Желудок — тоже. Счастливый человек, да?

— Вообще-то именно так, счастливый.— Заинтересовавшись, мужчина подошел к Аширу, разглядывая и его, и Знаменского, вдруг отвлекшись от Ашира, а заинтересовавшись больше Знаменским.

— Позвольте, позвольте, а ваше лицо мне знакомо. Разрешите? Он подсел к их столику, продолжая всматриваться в Знаменского.— Как же, как же... Ну, вот и узнал! Как же, как же...— Он оглянулся, повеселевшим голосом приказал: — Роза Халимовна, еще бутылочку от меня молодым людям! Надо же?! Узнал, узнал... А я, извольте, рискну отведать вашего мацони! Вдруг да то самое! Ростислав Знаменский, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь,— кивнул Знаменский.— Но я вас, хоть убейте, не могу вспомнить.

— Вы меня действительно не знаете. Успех лишает нас зоркости. Вы солировали, я был в толпе. Всякий раз, как встречались.

— Где же это все происходило?— спросил

Ашир, буравя своими дульцами.— Ростик, ты вроде бы не оперный певец.

— В посольствах, в посольствах, молодой человек, на приемах, на а-ля фуршетах, где копченостей навалом, там как раз, где я просадил свои почки.— Оливковоликий трагически поширил глаза, наигрывая печаль и даже ужас, но наигрывать не стоило, печаль и даже ужас на самом деле жили в этих пугающе густо выжелтившихся глазах.

Буфетчица принесла бутылку шампанского и граненый стакан с мацони.

— Правильно Ашир Атаевич говорит,— сказала она.— Мацони от многого может излечить. Или хотя бы облегчить.

— Ашир Атаевич?— глянул на Ашира оливковоликий, сравнивая свое впечатление от него — по одежке ведь встречаем — с явно почтительным отношением к нему весьма уважаемой тут хозяйки буфета.— Кстати, позвольте представиться, Александр Григорьевич Самохин, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Учтите, все три слова пишутся с большой буквы. Ну-ка, что за чудодейственная сыворотка?— Он снял ложечкой жирную пленку в стакане, осторожно-осторожно зачерпнул, поднес к вытянувшимся трубочкой губам, с явным трепетом отведал.

— Смелее!— подбодрил его Ашир.— Ручаюсь, что не навредит. И вообще если уж лечите почки в Байрам-Али, то и пейте все туркменское. Если не секрет, в какой стране вы посланник? Я мысленно произнес это слово с большой буквы, верьте мне.

— Ого, занозистый!— по-другому как-то глянул на Ашира Самохин, этот Чрезвычайный и Полномочный Посланник.— Отлетели мои страны, молодой человек, отшумели. Но ранг, звание нам сохраняются. Верно говорю, уважаемый Ростислав? Вас как по батюшке?

— Юрьевич.

— Да, отлетели. А я про вашу историю чуток наслышан, Ростислав Юрьевич. Пошумела Москва. Наслышан. Но мне ли не понять? Молодость, соблазны, куда ни глянь, а ты там один, посоветоваться не с кем. Так?

Знаменский не ответил.

— Но... А все-таки, а все-таки... В мое время побольше было строгости, спасительной, скажу я вам, строгости. На связи уповали? Угадал?

— Зачем этот разговор, товарищ посланник?— Знаменский отрешенно глянул на старика, да, старика,— близко к семидесяти было этому человеку с сановной фигурой и больным лицом.

— Не сердитесь на меня, Ростислав Юрьевич!— Самохин просительно положил руку на руку Знаменского.— Я не про вас. Вообще, общие рассуждения. Связи, связи! Престижи! Чего-то не умею по-стариковски понять. Простите.

Рука у него тоже была больная, с выжелтившимися ногтями.

— Я не сержусь,— сказал Знаменский.

— Как мое мацони?— спросил Ашир.— С недельку по стакану утром, по стакану вечером — и жажды нет, и почкам делать нечего. Точно говорю! Ростик, хлебнем еще, раз бутылка стоит, уважим посланника?

— Не подтрунивайте, не надо,— сказал, вдруг построжав, даже озлившись, Самохин.— Верно, посланником я был, но и сегодня кое-что еще значу. Так какие служебные обстоятельства занесли вас в столь знойные места, Ростислав Юрьевич?— Голос у него стал строгим, официальным, сановные в нем зазвенели струны.— Тесть пристроил? Помог, конечно же? А я что говорю?!

— В местном МИДе начинаю работать. Что-то вроде референта. Скорее переводчик, сопровождатель гостей.

— А я что говорю? Все-таки... Вы ведь вне партии пока?

— Да.

— Место в таком случае не из плохих. МИД — он везде МИД!

— Но наше мацони помогает почкам, когда печень не раздувается,— негромко сказал Ашир, глядя не на Самохина, а на буфетчицу.— Верно говорю, Роза-джан?

— Любое лекарство так,— сказала буфетчица, утаивая улыбку в морщинках у губ.— Сердитая душа не излечивается.— Она поклонилась мужчинам и направилась к своей стойке, плавно ступая и раскачиваясь, зная, что еще не старуха и что мужчины смотрят ей вслед.

— Но и сегодня кое-что еще значу,— упрямо набычил шею посланник.

— Никто в этом не сомневается, раз вы остановились в «Юбилейной»,— миролюбиво сказал Ашир.

— Да, да, именно так, молодой человек, стало быть, заслужил, имею право. Кстати, с кем имею честь?

— Да какая уж честь, Ашир... Местный житель... Вот, познакомились, угощает товарищ Знаменский.

— Да, да, превратности судьбы, понимаю. Ну, а я переброшен на иностранный туризм. Слыхали? Учрежден такой комитет. Весьма не шуточное дело, если вдуматься. Государственный комитет СССР по иностранному туризму. Наш председатель в ранге министра. Наша главная задача — показать страну всему миру. Усекли, молодые люди? Ростислав Юрьевич, вам-то понятно, сколь важна эта работа. Лицо страны показываем.

— Именно, именно!— внезапно очень заинтересовавшись, горячо закивал Ашир.— А разве мало интересного в нашей Туркмении? Вы только в Байрам-Али побывали, Александр Григорьевич?

— Ну, еще в Мары. Возили на экскурсию по земле древнего Мерва, показали развалины средневекового мавзолея султана Санджара. Впечатляет. Вы думаете, я в Байрам-Али только лечиться ездил? Вот именно, выяснял, а нельзя ли сюда наших туристов направлять.

— Мало!— горячо сказал Ашир.

— Что — мало где побывал? Я еще согласился на Марыйскую ГРЭС съездить, хотя и не люблю индустрию с черным над собой небом.

— Мало!— еще азартнее сказал Ашир.— Побывать в Туркмении и ничего не увидеть... Ай-ай, нехорошо! Заведовать иностранным туризмом и проскочить через такую страну... Вай-вай, нехорошо! Ну, хотя бы Красноводск... Небит-Даг... Кара-Кала...

— Если по вашей Туркмении путешествовать, месяца не хватит.

— Года, дорогой, года! Но я вам только дватри места назвал, которые вам и для дела нужны, и для тела. Для вас, с вашим нефритом.

— У меня нет нефрита, с чего вы взяли?! Предрасположение всего лишь.

— Для вашего предрасположения, согласен. Ведь Красноводск — про это мало кто знает!— еще целебнее имеет климат, чем Байрам-Али. Да, да, зной и море. А Небит-Даг? Пустыня! Целебный зной для вас! А Кара-Кала? Ведь это же сухие субтропики! Сухие! Вы понимаете, что это означает для ваших почек? Я уж не говорю, что это родина нашего великого Махтумкули! Побывать в Туркмении и не быть в нашем Михайловском?! Ай-ай, как нехорошо!

— Что с тобой, Ашир?— попытался унять его Знаменский.— Ты прямо как на базаре торгуешь красотами своей Туркмении.

— Почему торгую?! Добрый совет даю! Мацони и в Ашхабаде есть, это так, но от мацони маленькая польза. А от верблюжьего чала вы бы просто на десять лет помолодели, Александр Григорьевич! Пили чал? Нет! Эх, тогда совсем не были в Туркмении! Чал — это чудо! Он все смывает, все промывает и через поры выходит. Только через поры. Это же напиток чабанов, караванщиков. Это же из верблюжьего молока делается! Совсем не жирный, совсем будто прозрачный напиток, но чудо творит!

— Так, так, так, чал?!— заинтересовался Самохин.— Я слышал о нем, мне говорили. Надо попробовать. В Ашхабаде на базаре он есть?

— Есть, привозят иногда. Но разве это чал?! Он должен быть свежим. Его нельзя далеко везти, он, как ваш сибирский омуль, как алма-атинский апорт, теряет в пути свои целебные свойства. А где его родина? Где стада верблюдов прямо на шоссе выходят? А вот по дороге из Красноводска в Кара-Калу. Там, только там, дорогой Александр Григорьевич, у чабанов, в любом селении можете получить вы этот чудодейственный напиток в первозданном виде. Воздух! Зной! Море и пустыня лоб в лоб! И чал! Я не шучу, вот ваше место на земле после всех банкетных копченостей. С неделю попьете чал, подышите этим воздухом прикаспийским — и забудете про свои почки! Я не шучу! Роза-джан, ты все знаешь, я правду говорю?!

— Чал от многого лечит,— отозвалась буфетчица.— А воздух там сухой, это так. Но очень уж жарко... И воды не достать, чтобы руки даже вымыть...

— Вот и хорошо, что жарко! Нам это и нужно! Мало воды? Есть, теперь есть вода. По трубам от Каракумского канала подвели. Ты отстала от жизни, Роза-джан!

— До Красноводска еще не довели, но до Небит-Дага, верно, довели,— сказала буфетчица.— Я не отстала от жизни, Ашир Атаевич.

— Хорошо, согласен! Но в Красноводске есть великолепный опреснитель. В гостинице, особенно в люксах, всегда есть вода. Я там жил, я знаю. А какой у Красноводской ТЭЦ замечательный пансионат на берегу Каспия — ты про это знаешь? Там один старик сказку сотворил! Весь берег из роз! Виноградники! Гранатовые рощи! Пляж! Теплое море! И нет туристов! Они просто не знают, что существует этот рай! Обидно!

— Да, заманчиво, заманчиво излагаете, молодой человек,— сказал Самохин.— Вы с кем там в доле? Почему вам так нужно, чтобы я туда поехал?

— Вот!— воздел руки Ашир.— О век двадцатый, сомневающийся! С кем я в доле? Какая мне выгода? Ну, есть, есть выгода, согласен.

— Ага!— обрадовался Самохин.— Излагайте, раз замахиваете.

— Ну, во-первых, отрядили бы с вами нашего Ростика,— стал загибать пальцы Ашир.— А ему надо нашу страну посмотреть, если уж он сюда приехал работать. Раз. Ну, во-вторых, этот старик, что создал пансионат на пустынном берегу, давно нуждается в поддержке, в рекламе, а он мой друг. Два. Ну, а в-третьих, дорогой товарищ, а что если я хочу, чтобы вы поправились? Я для вас хорошее сделал, вы для меня что-нибудь сделаете. Вот выгоды.

— И все?

— Мало этого?

— Ну, я так думаю, еще какое-нибудь порученьице у вас для Ростислава Юрьевича найдется. Угадал? Отвезти что-нибудь, привезти что-нибудь. Угадал? Там икра в Красноводске, так думаю, еще бывает. Угадал? Икра?

— Да, опытный вы человек, товарищ посланник!— Ашир даже головой покрутил, восхищаясь.— Горячо, горячо... Там и барашки есть, шкурки. Но вы не о моей пользе, вы о своей думайте. Там чал! Там сухой воздух! Для кого Байрам-Али, а для кого — Красноводск или Кара-Кала. Свой для каждого микроклимат, отыскать только надо. Рискнете? Рискните, советую! Слетайте на недельку. И по службе вам зачтется. Ну, и Ростик с вами нашу Туркмению поглядит. Согласен, Ростик?

— Там выкупаться можно будет?

— Замечательный пляж! И никого, почти никого! Это тебе не Ялта, где как на тюленьем лежбище! Завидую, просто завидую!

— Вот бы и слетали,— сказал Самохин, полный недоверия, но уже и охваченный тем азартом, который всегда готов вспыхнуть в больном человеке, заслышавшем о целебной какой-нибудь травке, воздухе или чале этом, действительно целебном, он и раньше слышал, напитке.

— А на какие шиши? А кто меня пошлет? Кто пустит? Туда, в Кара-Калу, пропуск нужен. Граница с Ираном. Нет, мне туда дорога закрыта. А куда она мне открыта?— Ашир будто рукой смахнул с себя все оживление, он вдруг поник, отрешился, отгородился, смолк.

— А что, а что — и слетаем!—сказал, оживляясь, теперь он загорелся, Самохин.— Слетаем, Ростислав Юрьевич? На недельку? Я договорюсь, вас со мной пошлют. Конторы-то у нас родственные.

— Я не против,— сказал Знаменский.— Хоть служба пойдет.

— А в Москве вас всячески отрекомендую, что помогли. Тестю вашему отзвоню. А?! Чем не чал?! Пейте, пейте, молодые люди!— Самохин разлил шампанское по стаканам.— Чал... Да... Надо попробовать... Ну, а пока я с вами мацони чокнусь. Глотну глоточек. Ашир Атаевич, за вашу идею, стало быть! За совет!

— Вот и хорошо,— не поднял головы Ашир.

14

Ничего не случилось, разговор этот вроде бы ни к чему не обязывал, был не слишком серьезным, напоминал обычный застольный треп, но Знаменский почувствовал, что его опять по-

П. Кузнецов. 1878—1968. МАТЕРИНСТВО. 1930.

Государственная Третьяковская галерея

Н. Чернышов. 1885—1973. АВТОПОРТРЕТ С ВЕНЕРОЙ. 1922.

Государственная Третьяковская галерея

вели. Всю жизнь так, сколько себя помнит, с детства еще, когда брали за ручку, чтобы отвести в школу. Он привык. Он давался чьим-то рукам, чьей-то воле. Будто бы решал сам, но и не сам. Его наставляли, ему подсказывали, его вели. Все шло и даже катилось как по маслу. В гору шел, только в гору. И помогавшие, ведшие его облегчали ему восхождение. Он привык. И он был им всем благодарен — они желали ему добра. Он такой уродился, что ли, что все желали ему добра. А когда споткнулся, то вот уж тут он сам виноват. Самостоятельность проявил? Увлекся? Забылся? Ну вот...

Они быстро допили шампанское и расстались. Но на прощание Самохин посулил, что завтра же побывает в МИДе, что обо всем договорится, а там и в путь.

— До Красноводска как лучше всего?— спросил он Ашира.

— Только воздухом. Часть пути.

— А потом?

— Можно на машине, можно и на вертолете, если уважат посланника. Вы им объясните там, что для целей иностранного туризма, скажите, что...

— Найду, найду, что сказать!— посуровел Самохин.— Учить меня не следует. Ростислав Юрьевич, до завтра! Утречком, покуда эта печь в небе не слишком разгорелась, все и обделаем.— И удалился, важно переступая по лестнице, издали сановный, самонадеянный.

Знаменский подошел к стойке, стал разглядывать конфетные коробки.

— Конфеты она у тебя ест, Ашир? — оглянулся Знаменский.— Молодец, Роза-джан! Очень приличный выбор. Третьяковская галерея. Васнецовские богатыри, шишкинские мишки. Не жарко им?— Он улыбнулся буфетчице, сочувственно покивав.

— А, пустые коробки!— взмахнула кольцами буфетчица, радостно откликаясь на улыбку Знаменского.— Не пойму, а вы кто? Ну, слово даю, видела вас! По телеку, так?

— Возможно. Мелькал иногда. Отмелькался. Что она у тебя пьет, Ашир?

— Ничего или все. Бери, что есть. Не думаю, чтобы она к нам подсела.

— А ничего и нет, кроме шампанского,— сказала буфетчица.— Да и то самое сухое. Мне его даром не нужно.

— Роза-джан, соберите нам что-нибудь выпить и закусить на одну даму и троих мужчин,— сказал Знаменский и стал добывать из тесного брючного кармана слипшиеся четвертные.

— Особенно-то деньгами не бросайся,— сказал Ашир, подходя к стойке. Он был какой-то озябший, поник совсем, будто застольный этот треп действительно был серьезен и даже истомил его.

— Думаешь, этот Самохин клюнул на твое предложение?— спросил Знаменский.

— Полетите, полетите.

— У тебя действительно есть какое-то для меня поручение?

Ашир не ответил. Глянул только быстро и не ответил.

Вернулась из подсобки Роза-джан, неся в руках картонный ящик.

— Сколько с нас?— спросил Ашир.

— Да что вы, Ашир Атаевич?!

— Э, нет, дорогая.

— Вы столько для меня сделали... До самой смерти не забуду...

— Так не пойдет, Роза Халимовна. Я не для того тебе столько сделал, чтобы ты по старой дорожке опять пошла.— Злым стало у него лицо.— Почему столько золота на тебе? Откуда?

— Ах, Ашир Атаевич! Ах, какой ты!— Она любовалась им, в его злые глаза заглядывая с любовью.— Вот какой ты! Спасибо, что ты есть! А золото, что золото? Разве ты не знаешь, что старые татарки все драгоценности, что от матери, от бабушки сберегли, носят на себе? Чтобы не отобрали. Ты знаешь. И у туркменок так. А дома у меня палас дырявый и топчан из неструганых досок. Ты же знаешь...

— Зайду, проверю,— чуть смягчился Ашир.— Слово даю, проверю.

— Ой, заходи! Я тебе ноги у порога вымою! Как сыну родному...

— Ну, ну...

Ящик понес Ашир, не дал его Знаменскому.

— Выпачкаешься,— сказал.

Продолжение следует.

ЯПОНИЯ НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

...А «Томи» стал любимцем детворы.

Владимир КОВАЛЕВ,
фото
Игоря ГАВРИЛОВА

РУКИ МАСТЕРА КАМЭИ

Была гора разноцветной бумаги.

Был белый лист.

К ним прикоснулись руки мастера...

Едва уловимые движения. Оранжевая бумага становилась жухлой осенней травой. Белые полоски — стволами березок. Синие и голубые клочки проступали оттенками высокого неба, ниткой реки... Легкая подработка — и взору предстал октябрьский лес где-нибудь в Подмосковье. Просто и строго. Творение сравнимо с акварелью, разве что рисунок рельефнее, четче. Именуется все это васи-чигириэ.

Один из многочисленных народных промыслов горной Японии. Близкий к традиционным, однако же новый вид творчества, в котором пейзаж создается из особой бумаги, разорванной пальцами.

— Доступно каждому, как красота,— уверен Кэндзо Камэи, 68-летний мастер васи-чигириэ. На родине у него три тысячи учеников и учениц. В Москве его видят за работой посетители торгово-промышленной выставки «Япония-86», развернутой в двух огромных павильонах комплекса на Красной Пресне. Просят снова и снова показать, как рождаются воздушные пейзажи. Смелые пробуют сами. И у них получается!

Хозяйство мастера Камэи на самой границе мира роботов, электронных чудес, новинок техники и технологии. Многие торопятся туда, минуя живое творчество. Те же, кого останавливает красота, начинают понимать, как в искусстве порой большое достигается минимальными средствами.

Впрочем, японцы доказали: не только в искусстве.

ПРОСТРАНСТВО ДВУХ ВРЕМЕН

Выставка имеет девиз: «Наука, техника, технология — будущее человечества». Почти четыре тысячи экспонатов призваны убедить в справедливости такого утверждения.

Заполнить пространство павильонов одним будущим — за возможное ли взялись устроители? С вопросом иду к одному из них, господину Сиро Миямото.

— Под таким девизом город Цукуба устраивал в прошлом году всемирную выставку «Экспо». Сюда мы привезли несколько видоизмененную японскую экспозицию...

«Уносясь в будущее — возьми с собой прошлое»,— напоминали нам фантасты. Здесь, на выставке, фиксировать в памяти увиденное помогут два времени, сплетенные воедино.

Прошлое: фехтование на деревянных мечах кэндо, борьба сумо и дзюдо, игры го и сиоги, стрельба из лука кюдо, обязательные икебана и чайная церемония...

Будущее: размером с половину футбольного поля телеэкраны «Сони», толщиной с визитную

карточку стереоприемники «Кэсио», роботы — поющие, говорящие, играющие, рисующие...

Суметь соотнести одним восприятием старое и новое. Оценить стремление к традициям. Поверить, будто японцам нравится жить в будущем... Не отдаем ли мы себя на заклание грядущему веку компьютеров?

...Сдержанные японки в ярких традиционных кимоно с кроткими улыбками позируют перед фотоаппаратами. Они приехали рассказывать о реальной жизни, труде, учебе и отдыхе жителей Японии. Когда миловидные гиды отдыхают, на смену им приходят электронные экскурсоводы.

Интерес к ним гораздо меньше. О настоящем Страны восходящего солнца хочется услышать от живых людей.

НАМ И ВАМ ПО ВКУСУ

Триста с небольшим лет назад русский путешественник привез в Москву описание «славного и великого острова Японского». Книга истории наших отношений сложна, многогранна...

Сегодня мы близкие соседи, которым полагается жить в дружбе и согласии. Этапы японо-советского экономического сотрудничества на стендах правительственной экспозиции выставки «Япония-86». И не только Дальним Востоком да Сибирью ограничена география связей.

...В эстонском опорно-показательном рыболовецком совхозе имени С. М. Кирова пользуются передовой технологией обработки даров моря, полученной от фирмы «Ниигата».

— Наш препарат «Маринбиф» в виде лекарственной формы рыбного белка,— рассказал мне инженер «Ниигаты» Хидэаки Уэда.— Наконец, удалось создать натуральный заменитель рубленого мяса даже без запаха рыбы. Вкус у концентрата необыкновенный, пальчики оближешь!

...Подмосковный совхоз «Марфино» уже нынешней зимой к столу москвичей подаст салат и помидоры из теплицы. Такой, где нет ни грамма земли, а тонны зелени с овощами вырастают из... воды, насыщенной удобрениями. Руководители хозяйства увидели новинку в Японии, не спасовали перед ней, решили попробовать.

— Наша фирма «М-гидропоника» смонтировала теплицу за полгода,— с гордостью поясняет управляющий Шинджи Мураи.— Мы такую зелень дома едим почти круглый год, надеемся, и вам она придется по вкусу.

Примеров обратного свойства множество. В Японию из СССР поступают лекарства, лес, щепа, уголь...

Во главу угла положен принцип обоюдной выгоды.

ЦВЕТЕНИЕ ВИШНИ

— Гостей должно быть больше, чем число граций, но меньше, чем число муз,— просит запомнить напоследок одну из чайных заповедей мастер Курамото Макото.

Только что пожилой учитель закончил сеанс обучения молодых хозяек. Короткая пауза — и перед зрителями вновь разыгрывают спектакль о жестких и утонченных правилах японского чаепития.

Чайная школа прибыла из Киото, древней столицы Японии. Единственное нарушение — гостей в этом японском доме на Красной Пресне больше не только числа граций, но и муз.

Да не обидятся музы! Какая из них покровительствует над картинным ритуалом церемонии, этого расслабления после нелегкого труда, которым добыто в Японии все? Кроме, может быть, удивительной и неповторимой красоты горы Фудзи...

Случается, одновременно на больших, средних, малых и миниатюрных, размером со спичечный коробок, телеэкранах появляется изображение цветущей сакуры на фоне белоснежного конуса Фудзиямы. Дрожащее розовое марево окутывает всех, и уже кажется, будто стоишь в огромном саду весной.

Цветущая вишня — символ мужества, преодоления.

Ничего, что сад создан электроникой и мгновение спустя ему на смену придут мчащиеся автомобили, взмывающие ввысь самолеты и аналогичные признаки века прогресса.

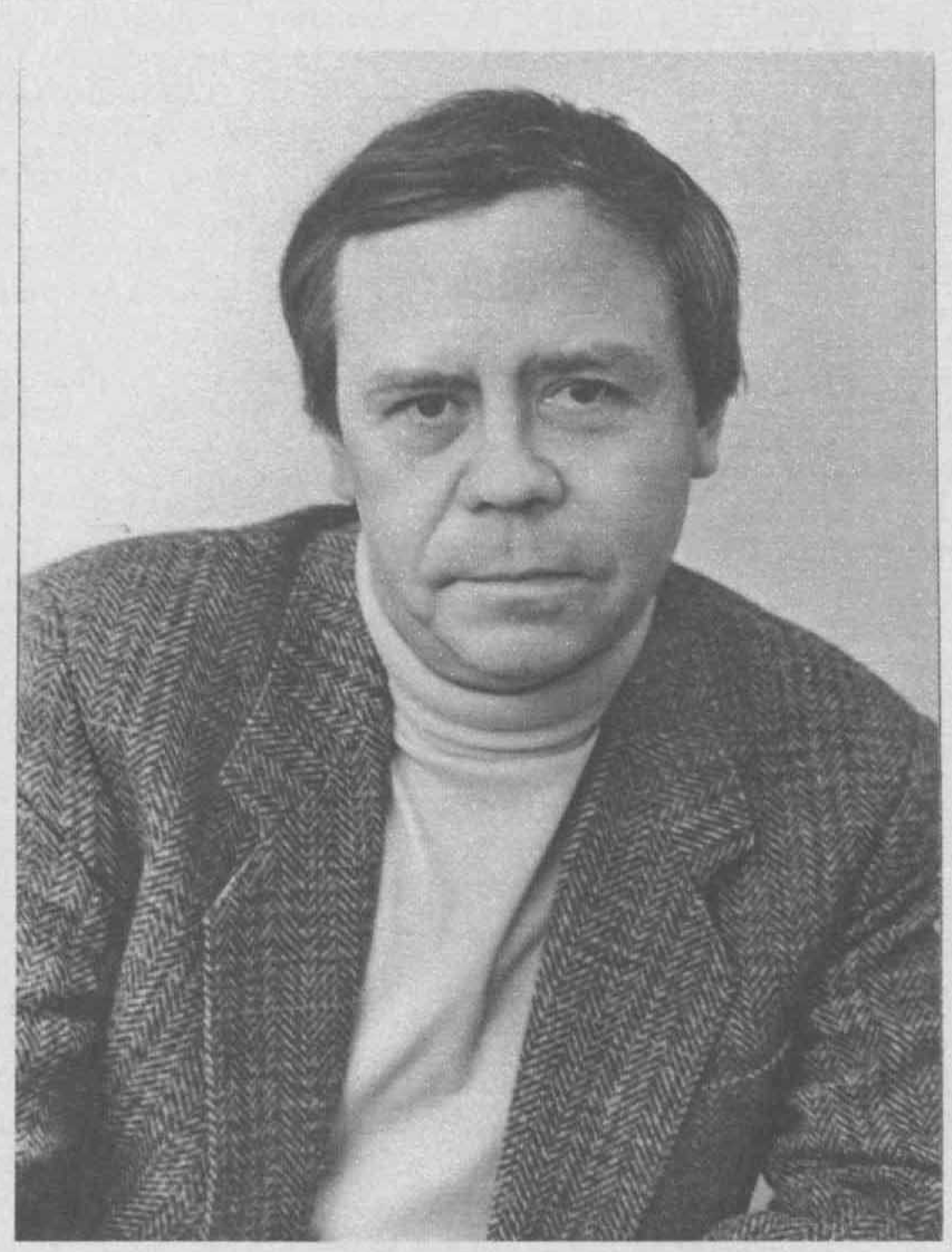
Лишь бы помнили мы: без садов, посаженных руками человека, немыслимо будущее человечества.

Искусству чайной церемонии обучает Курамото Макото.

Есть что обсуждать специалистам.

Валентин РАСПУТИН

И П

А вы не спросили этих славных ребят, знают ли они о своих более далеких предках?— поинтересовался вдруг Валентин Григорьевич, когда я рассказала ему о своих новых байкальских знакомых, вспомнила и те деревья на крутом берегу, где и удержаться-то трудно, которые крепко держат корни.— Значит, тоже заметили?— улыбнулся он.— И я обращаю на них внимание, когда бываю там. Невольно и о себе задумываешься — насколько все-таки чувствуем мы эту землю, своё родство...

Тема необъятна, и разговор может получиться как бы без границ. Но не хочется проводить их по линеечке. Пусть будет все, как в жизни, где не все — по линеечке.

— Мы ведь звенья одной цепи, одной сквозной жизни, подхватываемся, продолжаемся в судьбе Отечества,— говорит Распутин.— И мы уйдем и не хотим, чтобы канули бесследно. И нас должны вспоминать. А если мы будем считать, что случайно пришли и так же случайно уйдем и ничего после нас не останется, тогда твори на земле что угодно. Без памяти народа своего, рода своего, семьи жить и работать нельзя. А иначе мы настолько разъединимся, почувствуем себя одинокими, что это

Вот Сибирь. Вот он, Байкал. Строгий и торжественный, неизмеримый. Здесь таина... «Закрутил Старик»,— говорят тут люди тихо, когда налетит вдруг баргузин или култук. А сейчас он, тихий, лежит передо мной. Стоишь, не можешь надышаться, насмотреться не можешь. Да разве одна я так! Рядом березы, которые растут не ввысь, а чуть ли не параллельно озеру. Они склоняются к нему с высокого берега, тоже глядят — не могут оторваться. Корни прочно держат их в земле, не давая упасть...

Приехала в командировку к Валентину Григорьевичу Распутину. Но можно ли говорить с этим человеком, коренным сибиряком, зная лишь по книжкам, как красив Байкал, как велика Сибирь? То книжное, а вот свои глаза, своя душа, которая видит этими глазами... По знаменитой Кругобайкальской железной дороге, по тайге, под присмотром любопытной нерпы, то и дело выглядывающей из воды — все-таки ее владения,— я прошла рядом с людьми, которые родились, работают здесь, у Моря. Сергей Гекалов и Гена Окованцев — операторы дефектоскопии, не первый год проверяют рельсы этой, старой, и новых сибирских дорог. «Вам нужно идти с нами,— приветливо сказали они мне, узнав, что я в этих местах впервые.— Сколько уж мы тут ходим, а всякий раз будто все по-новому». Сергей сразу же отдал мне свои кроссовки (я была в туфлях), чтобы удобнее было идти по шпалам, а сам, казалось, не замечая 40-градусной жары, прошагал весь день в тяжелых резиновых сапогах, которые были у него в рюкзаке, в запасе.

«Здесь история чувствуется, особенно когда в туннель входишь»,— рассказывал Гена, зная как свои пять пальцев все тридцать девять поразительных туннелей, проложенных в скалах в конце прошлого — начале этого века. Показывал мне огромные камни-монолиты, из которых они сложены. Его синие, как у многих сибиряков, глаза казались ярче от Байкала и васильковой рубашки, сшитой мамой. Как верно у Распутина: «Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом... Одна важней другой. Захромает какая — весь свет вналкон». И как верно у него: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни». Недаром мысль эта, чувство это — за каждой строчкой писателя. Вновь убеждалась я в этом, слушая молодых сибиряков, в жизни которых сплетались старые и новые дороги, далекое и близкое. Говорили о родном селе, подсчитывая, сколько живут там их семьи, вспоминали деда, бабушку...

ОТ РОДУ
ЛЕМЕНИ

может погубить нас. Недаром в трудную минуту появляется в человеке желание обратиться молчанием, чувством к тем, кого уже нет, мысленно поговорить с ними. И в трудную минуту ответ почти угадывается. Это — мое отношение, но мне кажется, оно естественно для каждого...

И я не раз ощущала, как прошлое питает душу. И отец мой, в 18 лет уходя на фронт, не раз вспоминал слова, сказанные на Красной площади в тяжелейший для нашей страны час, когда говорится только самое главное, что поможет выстоять. Да разве он один вспоминал? История воевала вместе с дивизиями. Особой стойкостью, как известно, отличались жители земли, на которой мы сейчас стоим. Кто же их предки?

— Они пришли из России или с последней переселенческой волной, в столыпинские времена, или в петровскую эпоху, или же того раньше,— рассказывает Валентин Григорьевич.— У нас тут в Сибири много было политических ссыльных, поляков, декабристов — не только из дворян, но и из солдат. С 1861 года, с отменой крепостного права, за пятьдесят лет в Сибирь пришло чуть ли не больше народу, чем было здесь коренного населения.

...Смотришь вокруг: из этих вот деревянных иркутских домов с кружевной резьбой, от которых, кажется, пахнет пряниками, самоваром и еще чем-то родным, теплым, уходили тогда на войну. Уходили из тысячи других разноязыких сел и городов нашей страны, но каждый, наверное, вспоминал там свой дом — с коньком на крыше или без него, стены которого по обычаю увешаны старыми фотографиями. В каждой семье был свой герой, в каждой — негромкий героизм тех, кто вынес на своих плечах тяжести и радости прошлых лет, кормил и растил детей, «хранил родову», как пишет Распутин.

— Человек должен знать свое родство. Без этого нет укорененности,— говорит писатель.— Она, может, и есть, как те корни, которые держат нас, но ты их не чувствуешь, поскольку тебе неизвестно, насколько глубоко они проникли в землю. И тогда ты ощущаешь себя как-то вольно на этой земле, тогда проще простого покинуть ее, не любить, не заботиться о ней. Уйти с этой земли — и точно так же уйти как бы из себя. Для меня это важно: есть связь с землей — значит, есть связь с собой, и ты остаешься в себе. Нет связи с землей — нет связи с собой. Одно с другим нерасторжимо связано. Для меня это связь времен и поколений.

«Никуда я отсюда не пойду! В этом доме прабабушка еще жила — и я лягу, запрусь в нем — пусть нас вместе затопляют!» — не могу забыть я слов жительницы одной из деревень, чью судьбу хотели решить перебросчики стока северных рек. Наивно вроде бы сказано...

— Наивные слова,— как бы про себя повторяет Валентин Григорьевич.— Может быть, нам сегодня нужно почаще возвращаться к многим наивным истинам? Помнить, к примеру, о том, что если нарушается лад в природе — нарушается и в человеке лад справления всей жизни: духовный, физический, трудовой, семейный. Выращивать хлеб — это диктует ведь один образ жизни, а уничтожать леса под гребенку, как это происходит и в моей деревне, теперь новом леспромхозовском поселке,— совершенно другой. А возьмите Байкал...

Сразу припомнилось мне путешествие туда, знакомая нерпа, которая слушает — увы! — уже не только журчание озерных струй, но и очистных сооружений. Видит рядом с собой и бездумно срубленные, брошенные в воду деревья. Как тут не тревожиться за целое море чистейшей питьевой воды, за лиственницы — как тысячи свечей, горят над Байкалом светлые кончики их ветвей... Может, когда людям даром дается так много хорошего, они перестают ценить его по-настоящему? И начинают жить за счет будущего?

— Это имеет прямое отношение к той памяти, о которой мы сейчас ведем речь. К гуманистической мысли, гуманистическому образу жизни,— говорит писатель.— И не тот гражданин, кто иной раз по присловью: прокукарекал, а там хоть не рассветай,— требовательно и громко заявляет об обязанностях члена общества, а тот, кто исполнение этих обязанностей соотносит с родовым путем человека, его назначением на земле. Люди должны быть благополучны, должны жить хорошо, но при этом чувствовать себя людьми, ощущать в себе память, связь поколений.

...Случайно увиденная картинка: улица, суета, горячий, потрескавшийся асфальт. На коробке из-под импортного стекла или хрусталя с надписью: «Осторожно! Хрупко!» — сидит старуха. Маленькая, почти невесомая — лишь большие, знающие жизнь руки тяжелы. И взгляд. Одна думка, говорят, одно и сердце... А мимо туда-сюда, взад и вперед, бегут озабоченные мужчины, женщины с сумками, отроки не от мира сего с наушниками вместо ушей, с глазами, скользящими иногда лишь по коробке: «Интересно, а что там было?» Ее содержимое притягивает больше, чем человек, заслоняет его лицо, душу. Почему люди так неосторожны с самым ценным, хрупким и незащищенным? И пролетают, пролетают они так же мимо своих стариков, чьи-то дети, внуки, правнуки с чудо-техникой на груди, а, может, уже и в груди!

— Хорошо бы придумать машину по определению уровня нравственности в человеке — вот был бы прогресс!— услышала я неожиданное.— Человек все больше окружает себя машинами и сам становится в какой-то степени их придатком. А это влияет на его духовность. Прогресс не может быть прогрессом без духовного продвижения, совершенствования человеческого состава. А нередко тот, кому в отличие от животного дана способность мыслить и вспоминать, теряет свои человеческие качества и приближается к полуживотному состоянию, вооруженный технически.

— «Сын навестил из города, забрал поросенка, которого я год выкармливал. Оставил мне ушки да ножки. Говорит: тебе на студень, папа. А я его сроду не ем. Ну, да бог не выдаст, свинья не съест»,— делился со мной, может, потому, что никогда больше не увидит, один пожилой человек на Кругобайкальской дороге. Бывает и так: сын-пьяница распродает высокие награды, ордена отца. Невольно думаешь: есть у такого паспорт, и указано там имя его и отчество. Но ведь отчество здесь — чистая формальность. По существу, его нет! А отчество, между прочим, у нас выстрадано. Ведь столетие с небольшим назад отчества, символа чести, были лишены крепостные Маньки, Петьки, большинство России.

«Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим»,— читаем у Пушкина...

— Поразительно точные слова! Сам поэт дорожил именем своих предков, называя это единственным наследием, которое они ему оставили,— говорит Валентин Григорьевич.— Он имел в виду, конечно, не наследие материальное, а духовное наследие, связанное с именами предков. Они оставили ему связь времен, он постоянно ощущал ее, понимая, что без них не было бы его и этого мира, был благодарен за это. В одной дружине с его предками при Александре Невском (помните: «Мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил»?) шли ремесленники, крестьяне... Точно так же, по его мнению, должны были гордиться своими простыми пращурами и их наследники...

— Как вы думаете, почему именно неуважение к предкам называл Пушкин в первую очередь признаком безнравственности?

— В отношении к предкам человеческие начала говорят в человеке, а в отношении, предположим, к детям — больше животные. В детях мы видим себя, а в предках — свой род, вечность. Поэтому отношение к родителям говорит более всего о духовном развитии человека, о его памяти. И наше отношение к родителям передается потом на отношение детей к нам. Что ж, бывает, о стариках порой говорят, что они свое дело сделали — и ладно, как будто их вина в том, что зажились... Общественное порицание меньше всего действует на человека, а больше всего — круг законов, которыми он живет. Думаю, что пьянство, бедствие наше, имеет и социальные корни. Когда человек чувствует свою продолжительность в роде, он осторожнее будет обращаться с этим зельем. Из уважения к предкам, из опасения, что будет дальше с родом, потому что цепочка эта может и прерваться. Ведь род до него, может, прожил неплохую жизнь, имеет неплохую историю, а он может его погубить. Есть у Бунина рассказ «Захар Воробьев». Красивый, здоровый человек идет из суда и напивается... Бунин любуется его мощью, физической силой и вместе с тем сокрушается: даже столь могучий человек, когда он не понимает себя и беспощаден к себе, погибает в конце концов. Нельзя надеяться только на свою природу, на силы свои — нужно тратить их разумно и относиться к себе как к богатству, принадлежащему всем, а не одному себе.

Как ни странно, когда мы покупаем породистую собаку, ее родословная чуть не до десятого колена известна. Мы же сейчас, к сожалению, знаем свой род до третьего, ну, до четвертого колена, а затем полная тьма...

— Это касается и вас? Вашей родословной?

— Да, не могу сказать, что мое генеалогическое дерево с очень раскидистыми ветвями, что я особенно богатый в этом отношении человек. Но, по счастью, мне дано чувство своей бабушки, своего дедушки — больше причем, чем чувство отца и матери. Наверно, это естественно, потому что мать и отец ближе ко мне, это живые связи. А с бабушкой и дедушкой они уже перешли в какое-то другое состояние, в другую плоскость — это уже связи памяти. Я их помню хорошо, помню наказы, которые давались...

Бабушка была безграмотная деревенская старуха, по-своему очень мудрая, потому что уж что она усвоила, того она придерживалась всю жизнь твердо. Ничего понапрасну не уничтожалось. В ней было какое-то чувство душевной чистоплотности, душевной убранности. Такие люди несли ответственность за все: если рожали ребенка, то за ребенка, если держали огород, то несли ответственность за всякую травку, которая росла в этом огороде, просто так не оставляли ее на произвол судьбы. Постоянная забота о ребенке, о травке, о животине — обо всем, что было во дворе, в огороде и вообще в крестьянском труде,— ощущалась постоянно.

Бабушка работала в колхозе, но отношение к общественному, к колхозной земле тогда еще, видно, было как к личному, своему собственному. Говорили: мы живем одним колхозом, значит, одной семьей. То есть насколько нужно быть дружным в семье — эти нравственные и духовные понятия переносились и на колхоз. Так оно и было, потому что выжить в трудные — с их непомерными строгостями — послевоенные годы в деревне было не так просто, и нужно было держаться друг друга. Выручая, прикрывая...

— Как соединились в этом бабушкином колхозе, Валентин Григорьевич, новые начала со старыми, проверенными веками нравственными законами... Наша жизнь, быстро развивающаяся, и прошлое — ведь вот сходятся. Должны сходиться... И вместе с тем — издержки урбанизации, о чем мы говорили; утрата чувства локтя между людьми, воинствующее себялюбие, самодовольство, накопительство...

— Да, человек наглотался заразы, какого-то удушливого, извращающего его суть дыма, всех этих житейских отходов и понял, что с ними нельзя жить дальше. Люди разделились на порядочных и непорядочных, понимающих, что такое зло, и не понимающих, и пристроившихся уже к злу. И поскольку, мне кажется, людей, которые стараются жить по совести, больше, то добрым людям нужно объединиться. И сейчас, объединяясь, они при новом укладе жизни, новых взглядах должны возвращаться к каким-то вековым традициям и уставам своего народа. И я верю, что это возвращение происходит, должно быть при том добром общественном климате, который сейчас налаживается.

...Часто вспоминаю я свою бабушку Марью Герасимовну. У меня есть рассказ о ней и о дедушке «Василий и Василиса». Оба они были люди очень твердого, можно сказать, негибкого, сибирского характера. Я думаю о них, а через них обращаюсь к прабабушке и прадедушке, о которых они мне рассказывали. Здесь имеет смысл говорить о предках, чувство к которым уже довольно смутно, и всякий раз меня тяготит какая-то невосполнимая потеря — ощущение, что здесь я обрываюсь, что я гораздо глубже...

Может быть, как раз писательская работа, творчество и помогают мне этот обрыв каким-то образом восстанавливать. Но заканчивается работа — и обрыв чувствуется снова... Мне кажется, что любой человек, если даже не пишет, он — писатель, участвует в творчестве тем хотя бы, что восстанавливает в себе эту память. А здесь уж до писательства, до того, чтобы записать этот процесс, мне кажется, совсем недалеко. Очень важно, насколько человек в состоянии расшифровывать свою родовую, семейную память. Умеет он это делать — значит он действительно состоялся уже как человек и имеет право заглядывать дальше, чем прожил. Нам немало дано природой, предками. Мы просто зачастую слепы и глухи, не чувствуем, не пользуемся богатством, которое в себе несем. Распознать его не хватает у нас памяти, связей, и мы как следует не можем прочитать себя во всей своей исторической продолжительности. Стремление покопаться в своих родовых корнях — убежден — приведет человека к нравственному, духовному становлению, к пониманию того, чем мы живы...

Я вспомнила, как проплывала по Волге, Рыбинскому водохранилищу — там родина моих прадедов,— мимо полузатопленной колокольни, созданной, возможно, их руками. Удивительно: она продолжала служить верой и правдой их потомкам — теперь уж ориентиром для судов... Я вглядывалась в темную воду: так и не успела, не расспросила о людях, живших до меня, у бабушки, не думала, что это знание мне так понадобится...

Распутин посмотрел мягко, проговорил:

— Вот эта ужасная принятость, привыкание к тому, к чему привыкать, с чем соглашаться нельзя. Считалось ведь, что это никому не нужно — знать свою родословную. Наша общая — нет, не вина, а беда в таком забвении. К счастью, теперь люди все больше понимают, как это важно, и находят возможность заглядывать далеко. У меня много знакомых, которые исследуют свою родословную, расчерчивают древо. Если не помнят прабабушки по отчеству, записывают просто: «бабка Матрена» или «Агафья» и год смерти, иногда даже без года рождения. Многие — мне об этом пишут — ведут записи по устным рассказам своих старых родственников, и я всячески поддерживаю в них такое намерение. Жалею, что сам в свое время не делал этого. Так хорошо, когда в семье ведется какая-то единая книга, так важно для детей, внуков. А как сплачивают людей такие общие поиски, а нередко даже возрождают родство...

Есть прямая связь между этой памятью и тем, каким станет человек гражданином. Чем больше ребенок будет привязан к своей семье, будет понимать свое место в ней — что он продолжение рода, которое будет следовать и дальше,— тем меньше он будет самолюбив, тем больше будет гражданином своего общества. Когда человек воспитан в семейной обстановке, в тепле, когда он слушает семейные предания, бабушкины сказки, видит фотографии прадедов и знает их в лицо, это знание скажется на нем. Тем более что детская память очень восприимчива, тверда. Эти лица человек до самой смерти донесет. Он будет сравнивать, насколько его дети, внуки похожи на его дедушку, бабушку, и крепче будет както увязывать тот семейный узел, ячейку, которая существовала. Он прочнее себя будет чувствовать и больше любить своего ребенка, заботиться о нем.

Когда люди чувствуют свою сыновность, знают, откуда пришли, в них возникает благодарность за жизнь. К размышлению о великом чувстве сыновности, которое естественно должно переходить в чувство отцовства, не теряться, вновь и вновь возвращает писатель.

— Нужно уметь себя понимать в отцах и продолжать отцов в себе,— говорит он.— Понимать, что пришло тебе от них, что нажито тобой и что пойдет твоему сыну. Раньше это чувство сыновности подтверждалось и поддерживалось определенной системой памяти. На меня большое впечатление произвел День поминовения в Болгарии, когда вся страна становится на колени перед родителями, перед славными людьми своего Отечества...

— Известно, как чтут предков японцы. Читала об одном финском фермере, который гордится тем, что он — семнадцатое поколение в роду.

— А я подумал сейчас вот о чем. У нас есть Дни матери, Дни погибших родственников в Грузии, Дни памяти в Узбекистане, свои традиции в Прибалтике... Это хорошие национальные традиции. Верно ставится ныне вопрос о всесоюзном Дне памяти, объединяющем национальные памяти во всеобщей... Если в человеке нет своего, национального, то какое же может быть уважение к другим? И какое может быть уважение к тому, кто не знает своих собственных традиций?

Сейчас больше чувствуется в народе порыв уважения к предкам, необходимость поклониться им. В Родительский день у нас, в Иркутске, толпы людей идут на кладбище. Конечно, люди сами должны идти, по велению памяти. Но их надо и подготавливать, говорить, что это необходимо. А то и веления заглухают. И особенно важно это для ребенка, которого нужно деликатно и вдумчиво подготовить в семье так, чтобы это было неразрушительно для его души. Самое страшное открытие для человека, когда он узнает, что смертен, что он так же, как дедушка и бабушка, уйдет отсюда. Ведь поначалу казалось, что он пришел сюда навсегда. У Бунина, быть может, именно это потрясение, которое он пережил ребенком на похоронах близкого человека, и то, как деликатно с ним тогда обошлись старшие, вылилось потом в великую художественную силу. Потому что это — то, что удалось зачерпнуть из самого человека, из его «колодца», его бездонности, и показать: «Вот, пожалуйста, чем ты пользуешься, это все твое, через все это ты пройдешь...»

А если детей ведут на кладбище как на мероприятие, чувства никакого не будет. Ребенок выносит на всю жизнь то, как относятся к этому его родители, ведь в отношении к смерти, в плаче матери по своей матери нельзя притвориться.

Семья — это таинство, особый мир — все время прослеживается у писателя эта мысль. Чувство сыновности и чувство родственности: люди должны ощущать себя единой семьей, единой кровью. Тревожно, когда ослабляются, а порой рвутся родственные связи. Это может ослабить и одну из сил сцепления общества...

— Мы легко позволяем друг другу разъехаться,— говорит Валентин Григорьевич.— Раньше все-таки семья жила вместе, люди могли разъединиться, но сын, отделяясь, ставил дом тут же при дворе. А сейчас, когда сестра твоя уехала, уже усилием заставляешь себя чувствовать с ней родство. Мы живем в разных концах, существуем в разных плоскостях. Письма уже мало пишем — общение телефонное. Только когда приезжаем на похороны отца или матери, в те недолгие часы и дни мы ощущаем себя родственниками, а потом опять разъезжаемся. Тревожит разобщенность положения, когда выбившиеся, что называется, в люди забывают о более скромной родне. Нам мало приходится стоять друг за друга, как в детстве брат за сестру, сестра за брата. А ведь эта помощь, стояние друг за друга должны продолжаться всю жизнь! Разве не трогательно, предположим, как люди, выехавшие из старых деревень, на месте которых была построена Усть-Илимская ГЭС, каждый год съезжаются на свою родину, хотя живут в разных городах. Это поклонение детству, земле, но одновре-

менно и предкам. Чувство родственности, чувство сыновности требуют постоянного движения, работы. Их нужно пробуждать и возбуждать в себе, ведь всякое неработающее чувство исчезает, атрофируется.

Вы вспомнили, как чтут предков, скажем, японцы. Я там был, и меня это тоже поразило. Приходить на кладбище и просить защиты у умерших — для них необходимость. В Мексике смерть чтут, она там нечто вроде культа, которому поклоняются. Там же, в Мексике, я видел памятник народной песне. Представьте: памятник любимой в народе песне! Разве это не прекрасно, разве это не говорит о красоте и величии национальной памяти.

История семьи и история страны: нужно знать хорошо и ту, и другую. Человек должен обладать глубинным историческим чувством. И о знании истории своего народа, его культуры я бы хотел поговорить особо.

...Мы стоим у памятника «русскому Колумбу» Г. И. Шелихову, благодаря которому два века назад на ряде островов в Тихом океане появились чугунные столбы со словами «Земля российского владения».

— Какие надписи на старых памятниках, какой большой смысл вкладывали в них люди, оставляя свое чувство, свой наказ навечно. На меня всегда это очень действует,— тихо говорит писатель.

Не забывай, потомок,
Что росс, твой предок,
И на востоке громок...

«На востоке, не только Дальнем, но и на Ближнем»,— думаю я, вспоминая, как недавно, стоя не под сибирским, а ливанским кедром, пожимала руку... товарищу Жукову. Жукову Хаддаду, бейрутскому мастеру-камнерезу, родившемуся в мае 45-го года. Его назвали так в честь великого советского полководца, народа, вырастившего его, народа особого мужества, ясного ума, терпения...

— Насколько ты чувствуешь историю, настолько ты проживаешь ее больше в прошлом, настолько она потом может протянуться в будущем — в истинности этих слов я глубоко убежден,— говорит Распутин.— Ведь жизнь нам дается не для того, чтобы мы прожили ее только за те 60—70 лет, которые большинству суждено провести на земле. Это слишком мало, и ее нужно удлинять.

Человек сам по себе глубок прежде всего собственной жизнью. Он иногда даже не догадывается о своей глубине и не пользуется ее содержимым. Скребет, что называется, поверху, не заглядывая внутрь. Обидно, что часть, не заглянув, так и уходит из жизни, себя не познав, не познав своих возможностей. В каждом из нас громадные накопления прошлых жизней, прошлого опыта, и нужно только иметь слух и зрение, чтобы их понять.

Почувствовав интерес к истории, ты пробудишь интерес и к своей фамилии, к своему роду, интерес к самому себе. Это, по-моему, один из самых коротких путей к себе. Может быть, и не сразу, не так легко ты станешь искать нужные книги — духовная плоть подскажет, чем прежде всего интересоваться. Она в каждом из нас тоже имеет какие-то особенности. Но необходимо нам всем знать крупнейших историков страны—Карамзина, Ключевского, Соловьева, Татищева. Книги их подчас публиковались в извлечениях и нуждаются в переиздании. Прекрасное просветительство — работы советских ученых Лихачева, Грекова, Рыбакова, Тихомирова, Скрынникова... Нужно знать сначала хотя бы внешние факты, события, а потом уж придет понимание, чувствование истории, народного характера. На голое место оно не явится — нужно познание.

И тут без фольклора нам не обойтись. Раз окунувшись, человек будет потом постоянно обращаться к нему. Читаю Айтматова, Думбадзе, Матевосяна, Быкова и чувствую, как много дало им знание своего народа, его сказаний. И я душу русскую по фольклору постигал. Там ведь прекрасно сказано о великой ее просторанственности, природности, податливости к добру. И об ее неорганизованности-тоже. Русскому, как никакому другому народу, свойственно приятие всех остальных народов, отсутствие враждебности к инородцам, что особенно видно на примере освоения Сибири. А вспомним колонизацию Северной Америки, сопровождавшуюся массовым истреблением индейцев...

Должен человек знать свою душу! Должны мы знать, чем отличаемся, к примеру, от немцев, хотя бы для того, чтобы нам легче было разговаривать с ними, сближаться с ними, лучше чувствуя свои особенности. В людях много общего, скажем, житейские интересы, в сущности, везде одинаковы, но есть и национальные, духовные различия человека от человека. Мы должны их знать и гордиться ими или остерегаться, если они неприятные. Тот человек будет больше уважать другие народы, понимать их традиции, который знает, из чего состоит его собственный народ. А иначе ничего не будет в нас человеческого — лишь определенные навыки для жизни.

— В последнее время, по-моему, у нас больше стало издаваться книг по истории, фольклора...

— Да, заметно больше, но нет, к сожалению, пока собрания русских былин, песен в записях, например, Соболевского, Рыбакова. Много чего еще нет. Спасибо, появляются областные словари, этнографические сборники. Сколько уж ругают «деревенщиков», что пишут допотопным словом. Но ведь это язык, который сохранил народ. Загляни, не поленись, в словарь — тебе же польза будет. Сколько там прекрасных, точных слов и сколько у нас теперь иностранщины! Ведь это говорит скорее не об образованности нашей, а о неуважении к своему...

Знаете, я бы представил духовное хранилище нации в виде определенных берегов. От этих берегов — как бы проводящие каналы к каждому человеку. Собственного хранилища человеку недостаточно, чтобы наполнить себя. Веками отбиралось то, что накапливали умы и сердца миллионов. И если человек этим не пользуется, получается вдруг обрыв, прерываются традиции, память, он застывает в растерянности, делает случайные жесты, хаотические попытки выйти из этого положения. Часто неверные. Нельзя жить, не вобрав в себя исторический и духовный опыт своего народа, только тогда сумеешь в настоящем различать черты временного и вечного. И ум, и доброта должны работать на общую правильность, вернонаправленность. Только те люди находят себя, в ком не прерывалась родовая человеческая память, кто не забыл, чем жил и живет его народ.

— Все это и на лице человека, по-моему, сказывается...

— Да-да, очень важно, насколько ты в ладу с собой. Об этом думаю я, когда смотрю на академика Лихачева. Красивое, молодое лицо! Этот человек сумел найти себя, чувствуется его согласие с собой, какая-то душевная убранность. Это человек, который прошел за свою жизнь историю государства России, ведь совершенствуется человек из поколения в поколение по капельке. Мягкость Дмитрия Сергеевича, его интеллект, высшая образованность — все в нем говорит о долгом и постоянном совершенствовании человека. Мне кажется, он прожил не 80, а 800 лет — с самого сотворения «Слова о полку Игореве»! Как знает он историю, литературу, нравственное развитие нашего народа — Древней Руси, конца прошлого — начала нынешнего веков...

Ведь мы ленимся думать самостоятельно, обольщаемся, что много читаем — часто это лишь, чтобы отвлечься. Конечно, проще жить чужими истинами, чем доставать собственные. Но память не может без конца воспринимать все чужое; если человек не будет переваривать в себе прочитанное, оно перельется через край. Только когда думаешь самостоятельно, укрупнено общее, идет самый точный отбор идеи. Ведь наше цитирование — как мостки вместо брода, когда нет желания участвовать в процессе перехода, в движении к общей истине. И то же в отношении чувств. Вы не замечали, что мы часто пользуемся чужими, заемными чувствами? Видим их в книгах, на экране и повторяем в жизни, как актеры. А собственные чувства остаются неразработанными. А ведь не должны мы подражать! А мы иной раз со стороны смотрим на себя. Избавляться от посторонних, чужеродных наслоений мы будем, как только начнем следить за собой.

— Но мы все больше, как в популярной песенке, «наедине со всеми», все меньше наедине с собою...

— Человек меньше всего знает самого себя. И самую большую беду сам себе человек может принести. И в любой беде сам может себе помочь. Не говорю о людях родных, близких — тут духовность, память общие... Я понял, что человек, который может считать себя человеком, не должен искать легкой жизни. Он должен страдать от понимания несовершенства человека, своего несовершенства. Когда ему это дано, он делает жизнь других лучше тем самым...

...Идешь по старой иркутской улице. Течение жизни здесь помедленнее. Хочется постоять, прислушаться к ней и к себе. Поглядеть на дома со сказочными птицами на наличниках окон и с самыми обыкновенными воробьями, которым уютно жить в деревянных узорах. «А люди?» — думаю я, остановившись возле одного дома, который когда-то делали с такой любовью чьи-то руки, а потом чьи-то забыли. Обветшалый, садится потихоньку в землю, отделяется от него веранда с полуразбитыми окнами. «Приводили дом в порядок снаружи, когда ждали в Сибири Эйзенхауэра или Никсона, каких-то гостей»,— охотно поясняет мне его давняя обитательница. А потом с радостью сообщает, что их улица объявлена не так давно памятником истории, дома будут реставрировать. «И водопровод будет, а то ведь сколько воды принесешь, столько и вынесешь»,— улыбается она и смотрит на строящееся неподалеку здание, каких немало и на севере, и где-нибудь в Ашхабаде. «А наш дом — единственный. Потом — дерево, в нем легко дышится. Внучке бы здесь пожить...» Длинноволосая девочка в модной клетчатой юбке стоит рядом, слушает. Интересно, какой вырастет она? Дети, они все замечают — и семейные портреты на стенах, и то, как к этим стенам, в которых живет история, относятся в родном городе. Сохранение памяти как истории культуры — архитектуры, старины, ремесел, охрана земли и природопользования — все это истоки того, что вбирает в себя святое понятие «патриотизм». Ранит душу, когда видишь, например, как устраиваются стадионы и танцплощадки на месте кладбищ. Это издевательство по отношению к предкам.

— Вот и в Сибири земли хватает, но, как нарочно, в каждом городе это делается, растаскиваются памятники,— говорит Валентин Григорьевич.— В Иркутске полностью уничтожено кладбище, где похоронены именитые граждане города, удалось спасти лишь могилы декабристов. Принято у нас неуважение к тем, кто строил больницы, театры, библиотеки, которыми мы, кстати, до сих пор пользуемся. Да, они были купцы, но ведь они не только зло от толстого кармана делали. Было и добро. Они любили свой город, заботились о нем, приносили сюда культуру. А за добро нужно платить доброй памятью. Ведь гордимся же мы иркутской картинной галереей, собранной в основном городским головой В. П. Сукачевым. Уж не говорю о собрании картин купца П. М. Третьякова.

До сих пор мы не можем поклониться героям Куликовской битвы Пересвету и Ослябе, чей прах находится на территории московского завода «Динамо»...

Эти слова писателя перенесли меня на столичную площадь Ногина, в здание церкви Всех святых на Кулишках, возведенное в честь великой победы на поле Куликовом. Когда я вошла туда недавно, то увидела... под единственным оставшимся от росписи после забелки ликом портреты Гоги и Гии Бешиташвили, Кола Бельды в сиянии родной тундры, Иосифа Кобзона... Увидела комнаты с буквами «М» и «Ж», с интригующей надписью «Зона Волги. Зона Урала», с «Просьбой в пальто не входить»... Оказывается, там пока «Гастрольбюро» Москонцерта. А будь здесь музей, посвященный Куликовской битве!

Потянулись бы туда люди, и протянулась бы ниточка из прошлого в каком-нибудь первоклашке. Захотелось бы ему узнать, как бился богатырь русский Пересвет с ордынцем, предопределив исход всей битвы, и он узнает, что не только себя защитила Русь, а была и щитом Европы, заслонившим ее от нашествия кочевников...

— Да, течет еще, к сожалению, река забытия,— говорит Валентин Григорьевич Распутин.— И все же она мелеет, может, не так быстро, как хочется, но заметно мелеет. Многое — особенно за последнее время — удалось сделать для возрождения народной памяти и в России, и в других республиках страны. Мы все больше понимаем, что уважение к предкам, к своим родословным — это и уважение себя, понимание себя. А в этом — наши духовные корни.

Вела беседу
Татьяна МИКЕШИНА-ОКУЛОВА.

АВТОШАРЖ КУКРЫНИКСЫ

Постоянному — и любимому! — художнику «Огонька» КУКРЫНИКСЫ в октябре 1986 года исполняется 250 лет. От всей души поздравляем!

Николай ЭНТЕЛИС

ПОШЛИТЕ НА БАЗУ!

ФЕЛЬЕТОН

На кафедре нашей такие дела:
Сегодня с утра разнарядка пришла.
Изрек телефон непреклонную фразу:
— Троих послезавтра пошлите на базу!

— Кого же? — растут у профкома заботы.—
Кого же опять оторвать от работы?
Малинин готовит ученый совет,
У Кальченко язва, Стрельцовой — в декрет,
Насырова нынче нужнее всего...
Кого же? О боже! Кого же? Кого?

И все же досрочно команда готова:
Худых, аспирант, и доцент Хрипунова,
А третий — профессор Тобольский-Тобол:
В плаще калькулятор, блокнот, валидол.

У базы по рангу решительно строится
В предутренний час институтская троица.
Встречает ее пышнотелая тетя:
— Ставайте сюда! И не спать на работе!

Фасуют картошку — достойно, толково —
Худых, аспирант, и доцент Хрипунова,
А с ними профессор (он сын кузнеца)
Работает честно и в поте лица.

Однако Худых не явился на секцию,
Доцент сорвала у заочников лекцию,
Профессора ждали в цеху заводском —
Не ладилось дело с новейшим станком.

А сами-то что же работники базы?
Они отдают громогласно приказы,
Выходят, уходят, пускают дымок...
Сказать поточнее — плюют в потолок.

* * *

Когда возрастают у баз недочеты,
Тогда отрывают людей от работы.
Но с базы такой не придет разнарядка,
Где трудятся честно, НА БАЗЕ порядка!

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

Отошли в прошлое бурные события беспримерного по драматизму матча-реванша, по заслугам увенчан свежими лаврами чемпион мира счастливый Гарри Каспаров, утихли страсти неугомонных болельщиков, и в шахматном мире наступило затишье.

«Это был матч высочайшего шахматного уровня. Быть может, самого высокого за всю историю матчей»,— признал главный судья поединка, международный гроссмейстер Лотар Шмид.

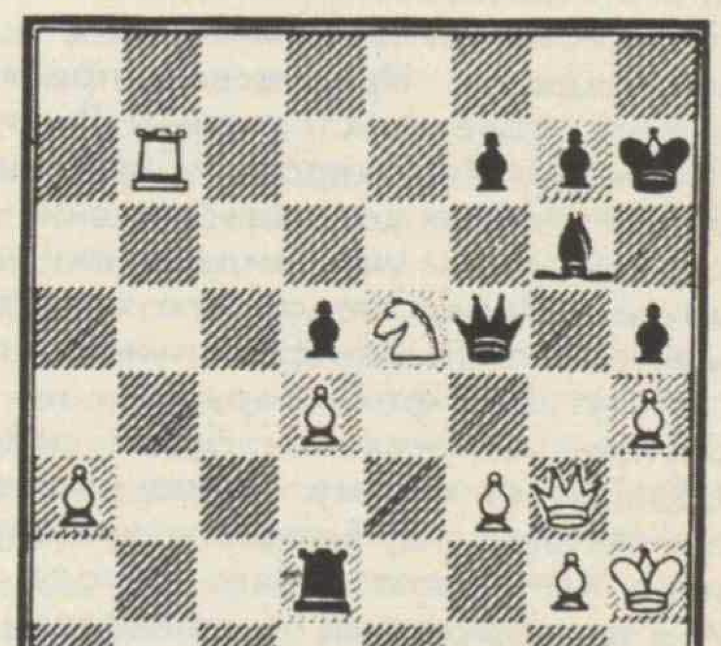
Две драматические кульминации определили необычайный накал финала этой беспримерной борьбы и требуют ретроспективного анализа: «хет трик» Карпова в самый кризисный для него момент единоборства и финал 22-го поединка.

Кто не помнит событий, взбудораживших шахматный мир непредсказуемостью сюжета, когда Карпов, казалось бы, безнадежно отстающий от уверенно шагавшего к близкой победе чемпиона мира, в одну неделю нивелировал все успехи грозного соперника и нагнал его буквально перед финишной чертой! Это было поистине поразительно и породило немало пересудов. Теперь соперники поведали нам о сложном психологическом подтексте тех драматических поединков.

«Мне помогло собраться чувство обиды на неудачное стечение обстоятельств,— объяснил потом Карпов.— Мне казалось, я был убежден, что играю хорошо и что результаты последних партий не соответствовали ходу борьбы. Их незакономерность раззадорила»...

А Каспаров искренне признался: «Я посчитал, что дальнейшее продолжение матча уже приобрело бессмысленный характер. Не представлял, что могу проиграть хотя бы одну, а не четыре партии, вышел опустошенный — и сразу был за это наказан».

Реванш чемпион мира взял лишь в двадцать втором поединке, и именно с этой партией связан самый интригующий и самый яркий эпизод единоборства.

В этом положении партия была отложена, и Каспаров записал свой секретный, 41-й ход. По первому впечатлению, у всех экспертов сложилось мнение, что, несмотря на лишнюю пешку, белым победить нелегко. Прикидывались варианты: 41. Лb4 f6 42. К:g6 Ф:g6 с переходом в ладейное окончание или 41. Кс6, но во всех случаях шансы

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Председатель исполкома Ленсовета В. Ходырев и президент Международной шахматной федерации Ф. Кампоманес (Филиппины) увенчали чемпиона мира Гарри Каспарова лавровым венком.

Телефото ТАСС

черных на ничью превышали шансы белых на выигрыш. И вдруг (именно вдруг!) в процессе уже более тщательных анализов, разумеется, не одновременно и не коллективно, но зато, как потом выяснилось, единодушно, специалисты обнаружили удивительную замаскированную возможность за белых использовать преимущество не техническим, а парадоксальным тактическим способом, обрушив незначительные оставшиеся силы на прижатого к краю доски черного короля. Найденный вариант — он начинался ходом 41. Kd7!! — был на редкость неожиданным и эффектным, и к утру дня доигрывания им увлеченно обменивались и по телефону и в редакциях газет многие шахматисты.

Весть о находке распространилась по городу (а быть может, и по всему миру!) и наэлектризовала болельщиков. Все зависело от записанного хода, но ведь он был секретным, и никто не знал — увидел ли замаскированный путь к победе утомленный пятью часами предыдущего напряженного сражения Каспаров. Чтó в конверте — ничья, еще более драматизирующая финишную ситуацию, или выигрыш, практически предопределяющий исход всей баталии?

Нечего и говорить, что зрительный зал к началу доигрывания был переполнен. Но, разумеется, с особым волнением ждал развязки Карпов. Ведь и он был в неведении...

Но вот партнеры заняли места за шахматным столиком, главный арбитр Л. Шмид вскрыл конверт, и наступило самое драматическое мгновение всего единоборства: внимательно ознакомившись с бланком записи партии чемпиона мира, Шмид передвинул фигуру белых на доске и... зал разразился аплодисментами — темпераментные болельщики Каспарова не в силах были скрыть свою радость — демонстраторы показали ход 41. Kd7!

Дальнейшее происходило быстро. Карпову оставалось лишь убедиться в точности анализа проделанного соперником, сверить его со своим и поздравить счастливого победителя с приобретенным важнейшим очком.

Вот эта интригующая концовка: 41. Kd7!! Л : d4 42. Kf8+ Kph6 (не годится 42... Kpg8 ввиду 43. Лb8) 43. Лb4! (самый трудный ход задуманной комбинации. Черная ладья должна быть устранена от активных функций по 4-й горизонтали) 43. ...Лc4 (эффектны и другие варианты. Например: 43. ...Л : b4 44. ab d4 45. b5 d3 46. b6 d2 47. b7 d1Ф 48. b8Ф Фd2 49. K : g6 fg 50. Фh8+ Фh7 51. Фg : g7x! Не помогает и 43. ...Лd2 или 43. ...Лd3 ввиду 44. Лb8 и если 44. ...Ch7, то 45. Фg5+! Ф : g5 46. hg+ Kp : g5 47. K : h7+) 44. Л : c4 dc 45. Фd6! (угроза 46. Фd2+) 45. ...c3 46. Фd4! и ввиду непредотвратимого шаха по диагонали c1—h6 Карпов сдался.

Поистине этюдное окончание!

А Каспаров потом поведал, что когда увидел этот вариант в момент обдумывания 41-го хода, то в первый момент даже не поверил в такую фантастическую возможность. «Это было какое-то счастливое озарение!» — признался чемпион мира.

Гарри Каспаров с честью отстоял свой титул. Игровая инициатива на протяжении всего единоборства принадлежала чемпиону. И, быть может, именно такое развитие событий дало повод Каспарову сохранить оптимизм на протяжении всех перипетий. «Я ни на секунду не сомневался в победе»,— заявил он.

Впрочем, справедливости ради отметим, что в не меньшей степени, естественно, разочарован итогами и Карпов. «Я сыграл этот матч лучше, чем другие. Лучше распределил силы, лучше подготовился. Логическим его завершением был бы ничейный результат»,— заявил экс-чемпион.

Что ж, непримиримость соперников сохраняется даже в выводах, и, как писала шведская газета «Свенска дагбладет», не исключено, что это великое противостояние будет продолжаться до конца столетия.

Какими только параллелями не пользовались обозреватели, чтобы подчеркнуть яркость и несовместимость творческих устремлений соперников. Моцарт и Лист были названы прототипами Карпова и Каспарова, отражавшими классическую гармонию и объективность мировосприятия, с одной стороны, и романтический необузданный порыв — с другой, но, разумеется, чисто шахматная ассоциация Каспарова и Карпова с Алехиным и Капабланкой была наиболее точной.

«Как Алехин и Капабланка в 1927 году в Буэнос-Айресе, так теперь Каспаров и Карпов то и дело предстают перед нами в новом обличье, утрачивая свой привычный, устоявшийся «имидж»,— проницательно писал недавно шведский маэстро А. Орнстейн.— Гроссмейстер с репутацией короля комбинаций охотно ведет спокойную маневренную игру, а его соперник, прославившийся искусством упрощения запутанных позиций, вдруг сам начинает искать осложнений. Подчас создается впечатление, что каждый участник матча пытается сразить соперника его собственным оружием».

И в этой поразительной универсальности творцов секрет возникновения подлинно художественных шахматных шедевров — одиннадцатой, шестнадцатой, девятнадцатой, двадцать второй и многих других партий, навсегда вошедших в сокровищницу шахматного искусства.

Теперь у Гарри Каспарова и его несгибаемого соперника Анатолия Карпова новые планы, новые задачи. Широкая программа у Каспарова. «Я уже отметил своеобразный трехлетний юбилей неучастия в турнирах,— с некоторой грустью сказал недавно чемпион мира.— Хочется, наконец, вернуться в эту особую атмосферу». Каспаров намечает до конца года выступить и на шахматной Олимпиаде (на этот раз в содружестве с Карповым), и в престижном международном турнире в Барселоне, а затем и во многих других. «Хочу играть в шахматы»,— как в юные годы резюмировал Гарри.

Карпова ждет более жесткий регламент. На февраль следующего года в Барселоне намечен его матч с Андреем Соколовым за право бросить вызов чемпиону мира, и это состязание станет определяющим все его планы. Хотя до единоборства еще далеко, но шахматный мир уже взбудоражен прогнозами. Секрет в том, что дерзко вмешавшийся в привычный спор признанных лидеров молодой гроссмейстер оказался самой загадочной фигурой среди мировой шахматной элиты последних лет. Чуть ли не каждое выступление Соколова становится сенсацией. Яркие победы сменяются необъяснимыми неудачами, творческие взлеты — резкими спадами. Но, на удивление, самые главные состязания он при этом выигрывает неизменно, всегда конфузя скептических прорицателей. Никто не ждал от дебютанта межзонального турнира в Монпелье высоких результатов, да и не складывалась у него там игра, но когда настал финиш и были подведены итоги, Соколов оказался в числе победителей. Все предрекали ему неминуемое поражение в полуфинальном матче претендентов с многоопытным Р. Ваганяном, а Соколов разгромил грозного соперника со счетом 6:2. И, наконец, в финальном поединке, когда в оценке шансов общее мнение явно склонялось на сторону Юсупова, тем более, что волевой гроссмейстер вел в счете на протяжении всего состязания, на финише вдруг вновь случилось непредсказуемое, и Соколов, сокрушив соперника в трех партиях кряду, вырвал победу.

«У Андрея вошло в привычку выигрывать состязания, в которых он принимает участие по первому разу»,— шутит по этому поводу тренер Соколова В. Юрков. И хотя некоторый скепсис еще сохраняется в оценках достижений молодого гроссмейстера (общественное мнение консервативно и новые имена принимает не сразу), авторитет его заметно поднялся. У Соколова удивительная воля — подчеркивают одни; его оптимизм беспределен — добавляют другие. Он обладает редкой пробивной силой — отмечают третьи. И как резюме звучит оценка главного эксперта будущего соперника. «Мне предстоит встреча с серьезным противником,— говорит Карпов.— Буду готовиться к ней с ответственностью».

А Соколов, судя по всему, робости и на этот раз не испытывает. Говорят, на вопрос, с кем бы ему хотелось сыграть — с Карповым или Каспаровым, еще до окончания их единоборства Андрей ответил: «Думаю, что предстоят встречи с обоими!» И это не бравада молодости, а вера в свои силы и счастливую судьбу.

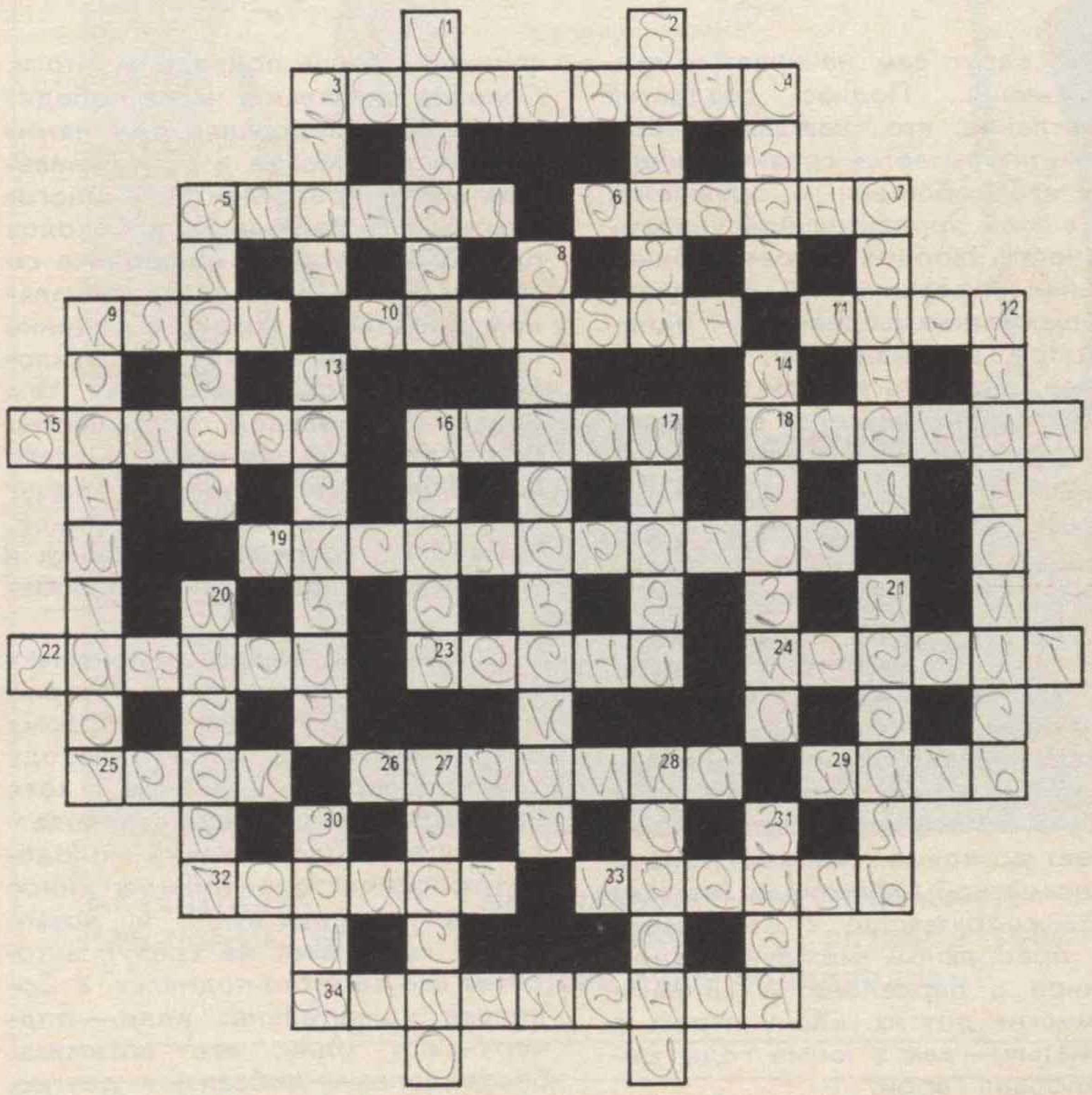
И, наконец, в эти дни стало известно, что наша замечательная шахматистка Майя Чибурданидзе в матче с Е. Ахмыловской добилась убедительной победы и вновь отстояла звание чемпионки мира.

Итак, на шахматном Олимпе без перемен. Зато на подступах к нему борьба не утихает. Ближайшее событие — всемирная Олимпиада.

кроссворд

По горизонтали: 3. Высокогорный цветок. 5. Соединительная часть труб. 6. Фламандский живописец. 9. Пьеса В. В. Маяковского. 10. Птица семейства соколиных. 11. Фильм, снятый кинорежиссером Г. В. Александровым. 15. Оркестровая пьеса М. Равеля. 16. Горный курорт в Узбекистане. 18. Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки». 19. Регулятор горючей смеси в двигателе внутреннего сгорания. 22. Народный поэт Башкирии. 23. Время года. 24. Предоставление денег или товаров в долг. 25. Спортивное сооружение с дорожкой для гоночных состязаний. 26. Смычковый музыкальный инструмент. 29. Роман М. Горького. 32. Строфа. 33. Крепость в древнерусских городах. 34. Коллекционирование спичечных этикеток.

По вертикали: 1. Одна из самых крупных малых планет. 2. Промысловая морская рыба. 3. Углеводород, газ. 4. Оптическое излучение. 5. Один из Малых Зондских островов. 7. Химический элемент, металл. 8. Выдающийся русский писатель. 9. Порт в Ленинградской области. 12. Вид древней письменности. 13. Марка советского легкового автомобиля. 14. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 16. Советский химик и металлург, академик. 17. Спортивное оружие. 20. Австрийский композитор XIX века. 21. Государственная награда за особые заслуги. 27. Вид мебели. 28. Река в Венесуэле. 30. Стержень спортивной штанги. 31. Экваториальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 3. Парусник. 7. Цельсий. 8. Акробат. 9. Омар. 10. «Даная». 12. Тафта. 14. Майкоп. 16. Пастеризация. 19. Диспут. 22. Гопак. 24. Плятт. 25. Рубо. 26. Гадулка. 27. Ванадий. 28. Крещендо.

По вертикали: 1. Крайова. 2. Онтарио. 3. Песня. 4. Карат. 5. «Мещане». 6. Паштет. 11. Аллаиха. 13. Адмирал. 14. Метод. 15. Плавт. 17. Яровая. 18. Боткин. 20. Изразец. 21. Уровень. 23. Кулик. 24. Панно.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
С помощью хроматографа определяют «букет» ароматов душистых веществ для изделий бытовой химии.
(См. в номере материал «Заботливая химия».)

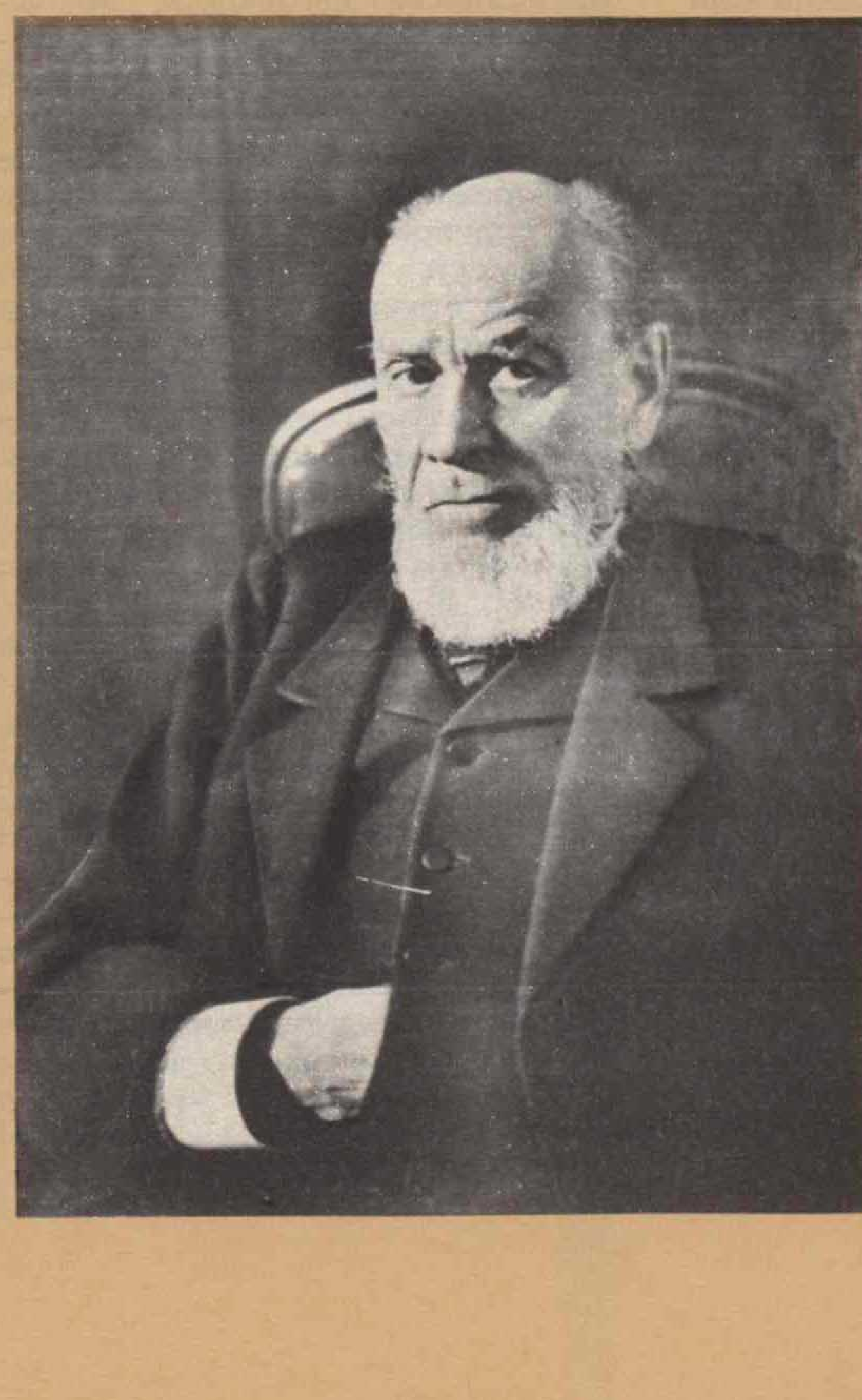
Фото Н. СВИРИДОВОЙ и Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО.

ОБМАН НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

Футбол — радость миллионов болельщиков. Ну, а если радость все чаще оборачивается огорчением! Почему никак не удается сохранить высокий уровень игры наших команд! Этот вопрос все чаще задают любители футбола.

Один из ответов вы найдете в следующем номере, в статье Льва Филатова «Лжефутбол».

НА ПЕРЕЛОМЕ

Крупнейший русский юрист Анатолий Федорович Кони был одним из представителей передовой русской интеллигенции, отдавшей свои силы и знания служению новому обществу, победившей революции. Мы публикуем главы из новой книги о А. Ф. Кони, написанной Сергеем Высоцким. Они посвящены переломному этапу в судьбе Кони — годам революции.

СКОРО • СКОРО • СКОРО

ЗРИМАЯ ПАМЯТЬ ОКТЯБРЯ

Уникальные фотодокументы, хранящиеся в Центральном музее революции СССР, доносят до нас грозное и великое дыхание Октября. Участники первых боев в Петрограде и Москве, места, где развертывались революционные схватки, сама атмосфера того времени предстанут перед вами с редчайших фотографий, которые мы публикуем в «Огоньке», выходящем в дни 69-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

ЗАПИСКИ СОСЕДА

«Зимою по вечерам мы сталкивались на темных, обледенелых аллеях — издалека были слышны его твердые шаги и стук палки. Той зимой он часто ходил один, быстро, не задерживаясь ни с кем из встречавшихся на дороге знакомых, напряженно о чем-то думая. Одинокая его фигура казалась мощной, большой, порывисто куда-то устремленной».

Воспоминания Юрия Трифонова об Александре Твардовском читайте в ближайшем номере «Огонька».

ВНИМАНИЕ! В РОЖДЕНИИ НОВОЙ РУБРИКИ УЧАСТВУЮТ ЧИТАТЕЛИ

Вскоре состоится премьера новой рубрики «Огонька» — молодежной. Встречи с молодыми героями перестройки, с дебютантами в науке и искусстве, с новыми именами на эстраде, в кино и театре — все это предстоит вам, дорогие читатели.

Но мы хотим, чтобы вы почувствовали себя активными участниками новой рубрики. Приглашаем на наши страницы юных авторов фантастических идей, людей пылких и увлеченных. Протягиваем руку товарищества молодым воинам-интернационалистам, вернувшимся из Афганистана. Приветствуем активность каждого: пусть она выразится в форме впечатления о фильме или резкого осуждения какого-то явления нашей жизни. Ждем писем! Рады будем стать вашим советчиком. Мы не против мнений, не совпадающих с нашими,— давайте обсуждать их вместе.

Итак, давайте же вместе создавать нашу молодежную рубрику!

Первый шаг в нашей совместной работе — конкурс на название рубрики. Призов в нем будет необычно много — мы решили, что каждый выпуск молодежной рубрики будет выходить с новым названием из числа одобренных жюри.

На конвертах делайте пометки: «Молодежная рубрика».

ПЕРВАЯ БИТВА С ФАШИЗМОМ

«Помню, как поразила нас смерть генерала Лукача. Мало кто знал тогда, что это известный венгерский писатель Матэ Залка, и уж совсем никто не догадывался, что полковник Фриц, находившийся с ним в машине в тот роковой момент, когда под ее левым колесом разорвался вражеский снаряд, не кто иной, как П. И. Батов.

Что же касается моральной подготовленности иностранных волонтеров, то она была на чрезвычайно высоком уровне. Вчитайтесь в слова присяги, которую они давали, ступая на землю Испании, и вы все поймете:

«Я стал добровольцем интернациональных бригад, так как у меня те же враги, что и у испанского народа,— фашисты.

Так как я знаю, что, если фашизм победит в Испании, завтра он придет в мою страну, в мой дом.

Я — доброволец и до последней капли крови буду бороться за спасение свободы в Испании и во всем мире».

В ближайшем номере читайте воспоминания участника гражданской войны в Испании, генерала армии Н. Лященко.

УГАДАЙТЕ, кто из ребят НЕ СМОТРЕЛ ДЕТСКИЙ мультик „ОГОНЬКА"?

Рисунок Тамары ТАРАСОВОЙ (10 лет).

Оформление Оли КОМАРОВОЙ (9 лет).

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК МУЛЬТИКА СМОТРИТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК

В 1987 году „ОГОНЕК" будет регулярно печатать детский МУЛЬТИК

ПОДПИСКА ДО 31 ОКТЯБРЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ